

В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА: ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

*Сборник статей по материалам
XXXVII международной научно-практической
конференции*

№ 6 (37)
Июнь 2014 г.

Издается с мая 2011 года

Новосибирск
2014

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

В 59

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Грудева Елена Валерьевна — д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета.

Редакционная коллегия:

Бердникова Анна Геннадьевна — канд. филол. наук рецензент НП "СибАК";

Павловец Татьяна Владимировна — канд. филол. наук, рецензент НП «СибАК»;

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко;

Кривошей Ирина Михайловна — канд. искусствоведения, проф. кафедры камерно-концертмейстерского искусства Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова.

В 59 В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам XXXVII междунар. науч.-практ. конф. № 6 (37). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. 124 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

1. Культурология	6
1.1. Теория и история культуры	6
ФЕНОМЕН БИЛИНГВИЗМА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА Вигель Нарине Липаритовна	6
К ВОПРОСУ О ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ И НЕЙРОЛИНГВИСТИКЕ БИЛИНГВИЗМА И ОСОБЕННОСТЯХ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ Вигель Нарине Липаритовна	11
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА Козлова Анна Дмитриевна	16
ГЕРОНТОКРАТИЯ КАК ФЕНОМЕН АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ Меликова Каринэ Андреевна	24
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДРОСТКОВ Мельникова Мария Игоревна	31
Секция 2. Языкознание	37
2.1. Русский язык. Языки народов Российской Федерации	37
К ПРОБЛЕМЕ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА Кириянов Алексей Юрьевич Турчина Нина Петровна	37
2.2. Германские языки	44
GEOGRAPHICAL BABY NAMES: НОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОНИМИКЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН Тархова Анна Борисовна	44

2.3. Романские языки	50
МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА БАРСЕЛОНЫ В РОМАНЕ КАРЛОСА РУИСА САФОНА «ТЕНЬ ВЕТРА»	50
Ломтева Татьяна Николаевна Бронникова Екатерина Юрьевна	
2.4. Теория языка	56
ТРАНСТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ КАК ТИП ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОДЪЯЗЫКА ГОМЕОПАТИИ)	56
Буженинов Александр Эдуардович	
ПУТИ ЗАИМСТВОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ БЛОГОСФЕРЕ	64
Зотова Виктория Владимировна	
ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ ПРОСПЕКЦИИ И РЕТРОСПЕКЦИИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ	71
Чиговская-Назарова Янина Александровна	
2.5. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	75
ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМЕН ЦВЕТА В ЯКУТСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	75
Борисова Мария Владимировна	
Секция 3. Искусствоведение	84
3.1. Изобразительное и декоративно- прикладное искусство и архитектура	84
ЗНАЧЕНИЕ РИСОВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ	84
Петрова Наталья Юрьевна	
Секция 4. Литературоведение	91
4.1. Фольклористика	91
ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНЕКДОТОВ	91
Аскерова Назира Иззатулла кызы	

4.2. Литература народов стран зарубежья	98
ЧЕСТНОСТЬ С СОБОЙ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА ВИННИЧЕНКО Констанкевич Ирина Мирославовна	98
РОМАН ЛОРАНА ГОДЕ «ВРАТА АДА»: ТЕКСТОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ АНТИЧНОГО МИФА Семенец Ольга Сергеевна	108
4.3. Теория литературы. Текстология	115
ЭВОЛЮЦИЯ СИМВОЛЬНОГО РЯДА В ПРОЗЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА Кошелева Ирина Николаевна Хвостова Анастасия Витальевна	115

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ФЕНОМЕН БИЛИНГВИЗМА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Вигель Нарине Липаритовна

*д-р филос. н., профессор кафедры Истории и философии
Ростовского государственного медицинского университета,*

РФ, г. Ростов-на-Дону

E-mail: 22nara@mail.ru

BILINGUALISM PHENOMENON DURING THE POSTMODERN ERA

Narine Wiegel

Ph.D., professor of the department History and philosophy

Rostov state medical university,

Russia, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

В данной статье изложены результаты исследования феномена билингвизма актуального в современном мире глобализации с целью проанализировать понятие билингвизма и бикультурализма, используя компаративный метод и герменевтику. Вывод, полученный в ходе исследования, состоит в том, что билингвы находятся как между языками, так и между культурами, тем самым образуя отдельную группу людей.

ABSTRACT

Research results of a phenomenon of the bilingualism actual in the modern world of globalization is concerned in this article. The purpose is

to analyze concept of a bilingualism and a biculturalism using a comparative and a hermeneutics methods. The conclusion received during the research consists that bilinguals is both between languages and between cultures thereby forming separate group of people.

Ключевые слова: билингв; языковая модель билингва; бикультурная личность; бикультурная идентичность; бикультурное поведение.

Keywords: bilinguals; bilingual language model; bicultural personality; bicultural identity; bicultural behavior.

В современной мировой культурной ситуации в связи с экономическими, политическими и т. д. миграциями населения появляется все больше людей, говорящих и думающих на двух и более языках. Феномен билингвизма возник около ста лет тому назад, но в наши дни он переосмысливается и дополняется новыми чертами и характеристиками, кроме того, феномен билингвизма не позволяет описать его как «строгое упорядоченный». «Стремление к господству свободы над всеми формами необходимости составляет основной стимул деятельности человека, «жизненный порыв», определяющий изнутри развитие культуры» [1, с. 81]. «Жизнь — дионисична, т. е. изменчива, хаотична, непостоянна и противоречива. Она умирает в аполлоновских формах культуры — в разумных представлениях» [2, с. 96]. Данная статья рассматривает актуальный и сложный феномен билингвизма в современной культурной ситуации постмодерна.

Билингв

В современной лингвистике бытуют неверные представления о билингвизме как о довольно редко встречающемся явлении, кроме того под билингвизмом понимается равное и свободное владении двумя и более языками, синхронный перевод с одного языка на второй без предварительной подготовки. Однако, реальность такова, что билингвизм существует во всех странах мира, и владение билингвом двумя и более языками не предполагает свободное владение обоими языками, кроме того почти всегда присутствует наличие акцента. Следует отметить, что к билингвизму относится владение не только двумя языками, но и двумя разными диалектами.

Билингвизм распространен среди эмигрантов, ученых, людей, состоящих в браках с иностранцами, у глухих, которые между собой общаются при помощи знаков и символов, а со слышащими письменно, либо догадываются о сути сообщений с помощью движения губ.

Кто является билингвом?

Билингвом является и рабочий-мигрант, который в основном пользуется своим родным языком, а на иностранном языке говорит для общения на работе, переводчик, который ежедневно сталкивается с переводом с одного языка на другой, иностранные супруги, осваивающие «иной» язык и иную культуру, ученые, читающие и переводящие иностранные статьи, а также глухие, которые «в своем кругу» общаются специальными знаками и символами, а со слышащими используют письменную речь. Все эти группы людей, находящиеся между языками и культурами, относятся к билингвам.

К билингвам относятся люди, говорящие на двух или более языках, независимо от уровня знания языков (чтения, письма, понимания и уровня общения). Критериями знания языка билингва остаются монолингвистические. До сих пор не разработаны критерии знания языков для билингвов. Многие билингвы оценивают свое знание языков как весьма посредственное и говорят, что они плохо говорят на том или ином языке.

Достаточно распространено мнение о том, что билингв знает в совершенства два или более языков и может свободно переходить с одного языка на второй, третий и т. д. Реалии таковы, что билингв в зависимости от ситуации может гибко переходить с одного языка на другие. Причем, следует отметить, что билингв свободно может находить все новые и новые горизонты, изучая третий, четвертый и т. д. языки, что характеризует «языковую открытость». Но, какова же языковая модель билингва?

Языковая модель билингва

Говоря о языковой модели билингва можно сказать, что он (билингв) находится в особой промежуточной или билингвальной языковой модели, когда происходит отклонение языков. Отклонение — это языковая специфическая форма, отличная от предполагаемой. Отклонение может иметь место на всех уровнях языка (фонетическом, лексическом, синтаксическом, семантическом либо прагматическом). Существует два вида отклонения: 1 — статическое отклонение, в котором отражаются постоянные черты изменений с одного языка на другой (к примеру, акцент, расширение значения отдельных слов, специфическая синтаксическая структура и т. д.) и динамическое отклонение, которое являет собой эфемерное вторжение в другой язык (проявляется в случайных промахах стрессовой ситуации, мгновенном использовании синтаксических структур, не употребляемых ранее). Если билингв свободно владеет одним языком, то слабое знание второго языка можно отнести к *межязыковому отклонению*

от первого. Межязыковое отклонение проявляется в употреблении форм правильных глаголов в качестве форм неправильных глаголов, отказе употребления множественного числа существительных, не соблюдении времен, опущении функциональных слов, упрощении синтаксиса, намеренном неупотреблении определенных слов и словосочетаний т. д. Нужно отметить, что оба типа отклонений, хотя иногда довольно очевидные (такие как иностранный акцент), обычно не препятствуют коммуникации. Это вызвано тем, что билингвы развивают свои языки согласно уровню беглости, требуемой окружающей средой. Отклонения в билингвальной речи имеют, таким образом, характер неуверенности и оговорки. Они присутствуют, но обычно не затрагивают коммуникацию. В билингвальной модели, первоначально билингвы овладевают «основным» или «матричным» языком. Выбор языка является хорошо изученным навыком (билингв редко осознанно задает вопрос, «На каком языке я должен общаться с этим человеком?»). Обычно, билингвы взаимодействуют с другими билингвами в повседневной жизни. Психологические и социолингвистические факторы взаимодействия способствуют выбору второго языка. Как только основной язык был выбран, билингв может ввести другой язык различными способами. Основной способ — это кодовое включение, когда сначала изучаются слова, фразы, предложения, для того, чтобы полностью перейти второй язык.

Бикультурная личность

Однако необходимо отметить, что понятие билингвизма широкого обсуждается в современном мире в основном с позиций лингвистики и социолингвистики, а понятие бикультурализма рассматривается в рамках мультикультурализма, феномена равенства всех культур, присущего эпохе постмодерна.

В данной статье мы рассмотрим понятие бикультурной личности. Культура определяет все аспекты жизнедеятельности группы людей: их организацию, нормы, верования, ценности, традиции и т. д. Культура каждой личности состоит как из главных аспектов культуры, т. е. национальных, лингвистических, социальных, религиозных и т. д., так и к второстепенных (профессия, спорт, хобби и т. д.) Бикультурная личность характеризуется выборочным сочетанием главных и второстепенных аспектов двух культур. Однако, синтез двух культур, антагонистичных в определенной политической обстановке зачастую создает проблемы. Так, в современной ситуации возникают трудности сосуществования арабской (мусульманской) и еврейской, сербской и хорватской т. д.

Бикультурная личность отлична от монокультурной, она в том и заключается, что личность невозможно отнести только к французской, немецкой, испанской и т. д. культурам. Сама личность ощущает смешение и сочетание культур, и не может однозначно причислить себя к той или иной культуре.

Существенным отличием между билингвизмом и бикультурализмом является то, что билингв в зависимости от ситуации может разговаривать на том или ином языке, а бикультурная *личность* — это феномен, который не зависит от языковой среды, а *формируется за счет языковых навыков*. Таким образом, чем лучше человек говорит на каком-либо языке, тем больше культурных стереотипов он воспринимает, чем слабее языковые навыки, тем меньше он подвергается культурной адаптации.

Бикультурная идентичность

Говоря о бикультурной идентичности детей и подростков можно выделить несколько возможных вариантов идентичности: выбор А идентичности, выбор В идентичности. Либо они говорят, что они владеют двумя языками, вследствие чего причисляют себя и к А и В культурам. Сталкиваясь с двойной категоризацией культурной идентичности, дети и подростковые билингвы оценивают одну и вторую культуру: родство, внешность, национальность, образование и т. д.

Нами был проведен опрос взрослых билингвов (опрошено более 1000 респондентов от 25 лет и старше в Северо-Кавказском регионе РФ) представителями какой культуры они ощущают себя. Было предложено выбрать между А культурой, В культурой, либо респонденты-билингвы не причисляют себя ни к А и ни к В культурам, либо билингвы считают себя приверженцами и А и В культур, был еще предложен вариант позиционирования между культурами и быть с одной и со второй культурой.

Исходя из опросов 75 % взрослых билингвов не ощущают себя представителями ни одной культуры, а позиционируют себя *между культур* или *с одной и со второй культурой*, таким образом, образуя отдельную группу людей, имеющих бикультурное естество и бикультурную идентичность.

Бикультурное поведение

Бикультурное поведение, представляющее собой смешение культур, связано с культурным непониманием в монокультурной среде. Есть масса примеров такого рода во всем мире.

Имея культурную доминанту одной культуры, билингв может либо переключаться с одних стереотипов на другие, в соответствие

с ситуацией, либо заимствовать определенные импонирующие или удобные, выгодные ему культурные нормы и правила поведения.

Проведя данное исследование по билингвизму в эпохе постмодерна, мы пришли к выводу о том, что билингвы находятся как между языками, так и между культурами, образуя отдельную группу, обладающую специфическими гибкими, открытыми, комбинаторными особенностями. «Вечное стремление к новым совершенствам — это и есть счастье» [3, с. 81].

Список литературы:

1. Алоян Н.Л. Древнегреческое трагическое как существенный момент жизни// Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2007. — № 6. — С. 81—84.
2. Алоян Н.Л. Мифосимволическая реальность романтизма. // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2007. — № 6. — С. 96—99.
3. Алоян Н.Л. Категория трагедии. // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2008. — № 2. — С. 80—82.

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ И НЕЙРОЛИНГВИСТИКЕ БИЛИНГВИЗМА И ОСОБЕННОСТЯХ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Вигель Нарине Липаритовна

*д-р филос. н, профессор кафедры Истории и философии
Ростовского государственного медицинского университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: 22nara@mail.ru*

TO THE QUESTION OF PSYCHOLINGUISTICS AND THE NEUROLINGUISTICS OF THE BILINGUALISM AND FEATURES OF BILINGUAL PSYCHOLOGY

Narine Wiegel

*Ph.D., professor of the department History and philosophy
Rostov state medical university,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В данной статье изложен обзор психолингвистических и нейролингвистических исследований билингвизма и выявлены особенности психологии билингва на основе компаративного метода. Вывод, полученный в ходе исследования, состоит в том, что психолингвистические и нейролингвистические исследования необходимо продолжить. Психология билингвизма отмечает заметное изменение поведения билингва, которое не связано с «переключением» с одного языка на другой, а представляет собой переход в отношении и поведение, соответствующий сдвиг в ситуации или контексте независимо от языка.

ABSTRACT

In this article the review of psycholinguistic and neurolinguistic researches of a bilingualism is stated and features of bilingual psychology on the base of a comparative method are revealed. The conclusion received during research consists that psycholinguistic and neurolinguistic researches should continued. The psychology of a bilingualism notes noticeable change of bilingual behavior is not connected with "switching" from one language on another, and represents transition to the relation and the behavior, the corresponding shift in a situation or a context irrespective of language.

Ключевые слова: билингв; психолингвистика билингвизма; нейролингвистика билингвизма; психология билингвизма.

Keywords: bilinguals; psycholinguistics of bilingualism; neurolinguistics of bilingualism; psychology of bilingualism.

Психолингвистика и нейролингвистика билингвизма

Психолингвистика билингвизма нацелена на изучение процесса, включенного в воспроизводство, восприятие, понимание и запоминание языков билингва (разговорный, письменный или знаковый), когда используется монопольная или билингвальная языковая модель. До недавнего времени акцент ставился на «языковой независимости» билингва (Как он ограничивает два языка? Пользуется ли билингв одним или двумя словарями?) в таком процессе как онлайн перевод с одного языка на другой, либо быть ему (билингву) в одноязычной или в двуязычной языковой модели. Выделяется три направления «языковой независимости» билингва: первый — относительно координационно-составное зависимое различие, второе — анализ владение одним или двумя языками и третье — изучить способность билингва создавать барьер между двумя языками в монопольной языковой модели. Возникает вопрос «Каким образом человек может ограничить сам себя?» [4, с. 73]. Было выдвинуто предположение, что существует

языковой «переключатель», позволяющий непроникновение во второй язык, проводились соответствующие эксперименты, но доказательства этого предположения не были обнаружены.

Гросжан [6, с. 105], считает, что билингв — это не совмещение двух монолингвистических языковых моделей, а уникальный спикер-слушатель, пользующийся одним языком, другим языком или двумя вместе в зависимости от темы, ситуации, собеседника и т. д. Психолингвистическое исследование Гросжана [6, с. 107] пытается понять владение языком в различных билингвистических языковых моделях. Билингвы отличаются от монолингвов в ситуации одноязычной языковой модели с точки зрения восприятия и процесса воспроизводства.

«Понимание языка неразрывно связано с отражением, т. е. чтобы понять и принять язык необходимо отразить предмет или действие в мозгу, при котором неизвестное, неизвестное нам, становится близким и понятным» [1, с. 25]. Что касается нейролингвистики билингвизма, на протяжении многих лет ученые интересовались «организацией языка» в «двуязычном мозге» и как эта организация отличается от мозга монолингвов. Первый подход был направлен на наблюдение и проверку физической природы мозга билингва, чтобы лучше понять, какие языки были затронуты травмой головного мозга и какие факторы наилучшим образом способствуют различным методам восстановления языков. Другой подход должен был изучить билингва с неповрежденным головным мозгом, чтобы установить, происходит ли процесс воспроизведения речи, главным образом, в левом полушарии мозга или в обоих полушариях. На основе наблюдения и эксперимента было предположено, что билингвы пользуются правым полушарием в процессе языковых функций больше чем монолингвы. Однако, самые современные исследования Гросжана [6, с. 103] предоставили явное доказательство, что монолингвы и билингвы не отличаются по полушарному участию во время языковой активности.

И, наконец, на предмет языковой организации в билингвальном мозге. Большинство исследователей соглашается с тем предположением, что языки у билингвов иницируются как у монолингвов. Кроме того, исследуется возможность существования два подмножества нервных связей у билингвов, по одному для каждого языка (каждый может быть активирован или запрещен), или существует одно подмножество, обладающее единым большим набором, из которого билингвы в состоянии «вытянуть» элементы любого языка в любое время. Подводя итоги обзора психолингвистических и нейролингвистических исследований у билингвов, мы пришли к выводу, что билингвальный

мозг — все еще в значительной степени *terra incognita*, и только дальнейшие экспериментальные и клинические исследования выяснят насколько он похож на монолингвальный и чем он отличается.

Психология билингвизма

Ряд исследований по психологии билингвизма показал, что, либо у двуязычных людей отсутствует ощущение их двуязычия (это просто факт их жизни) или они видят больше преимуществ, чем неудобств в том, чтобы жить с двумя (или более) языками. Билингвы больше всего ценят умение общаться с людьми из разных языковых и культурных меньшинств — это своего рода «уход от одиночества, от опустошенности современного мира» [5, с. 50] двуязычие дает им разнообразные взгляды на жизнь, поощряет открытость, позволяет читать и писать на разных языках, делает изучение иностранных языков проще, дает больше возможностей для трудоустройства и др. — все это является преимуществами двуязычных людей. Недостатки у билингвов включают такие аспекты, как невольное смешивание языков, вынужденность приспосабливаться к разным культурам, чувство потери одного языка, чтобы обладать другим языком или перевод с одного языка на другой по разным случаям.

Интересно сравнить отношения монолингвов к двуязычию, поскольку они чрезвычайно разнообразны, начиная от очень позитивного отношения (например, удивляюсь, что некоторые из двуязычных людей могут разговаривать и писать на двух или более языках) или очень негативное отношение (например, удивительно, что многие из билингвов не владеют в совершенстве ни одним языком и не могут автоматически переводить с одного языка на другой, и т. д.) Следует отметить, что большинство мнений монолингвов о билингвах составлено на основе социально-экономических и культурных соображений, а не лингвистических факторов. Современные билингвы все чаще и чаще сталкиваются с «необходимостью как внешних, так и внутренних побуждений» [2, с. 80] знать второй и т. д. языки.

Мы мало знаем о языках, используемых билингвами или как билингвы реагируют в эмоциональной ситуации. Похоже, что некоторые ментальные операции специфичны для определенных языков. Таким образом, билингвы, как правило, считают и молятся на том языке, на котором их учили делать это. Думать или мечтать могут также на определенном языке (хотя они могут быть иногда алингвистичны) и процессы эти зависят от человека, ситуации и темы. Когда билингв устал или раздражен, он часто возвращается к родному языку, на котором часто выражает свои эмоции. Стресс также может

привести к искажениям, так как возникает необходимость найти подходящие слова.

Некоторые билингвы сообщают, что переключаясь на другой язык, изменяется отношение и поведение людей. Наряду с переходом на другой язык изменяется языковое поведение, ориентированное на соответствующие культурные стереотипы. Чешская поговорка гласит, что «выучить новый язык — это получить новую душу». Можно предположить, что наблюдается раздвоение личности у двуязычных людей. На самом деле нет реальных доказательств того, что у билингвы страдают больше от психических расстройств, чем монолингвы. На самом деле, заметное изменение поведения — это переход в отношении и поведение, соответствующий сдвиг в ситуации или контексте независимо от языка. Как мы отмечали выше, билингвы гибко выбирают язык в зависимости от ситуации, собеседника, темы и цели беседы. Эти факторы вызывают различные мнения, впечатления и поведение, и, таким образом, то, что принимают за изменение личности из-за языкового сдвига может быть действительно сдвигом в ситуации общения. Словом, это среда в целом способствует изменению языкового поведения двуязычных наряду с настроением и чувствами. Основное различие между монолингвами и билингвами в этом отношении является то, что билингвы переходят на другой язык. Кроме того, билингвы могут часто переключаться с одной культуры на другую, многие из них являются или бикультурными или «имитируют образцы, нормы и стереотипы иной культуры» [3, с. 89], тогда как монолингвы, как правило, остаются в пределах одной культуры.

Список литературы:

1. Алоян Н.Л. Герменевтический аспект обучения в контексте философии культуры: диссертация кандидата философских наук / СКНЦ ВШ. Ростов-н/Д., 1999. — 117 с.
2. Алоян Н.Л. Свобода и необходимость в древнегреческой трагедии // Философия права. — 2008. — № 3. — С. 77—80.
3. Алоян Н.Л. Феномен страдания в архаическом обществе // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2008. — № 1. — С. 86—89.
4. Давидович В.Е., Алоян Н.Л. Значение метафоры в философии Ф. Ницше // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2008. — № 1. — С. 70—73.
5. Давидович В.Е., Алоян Н.Л. Одиночество как феномен бытия // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2008. — № 6. — С. 50—53.
6. Grosjean F. Individual bilingualism // Applied Linguistic Studies in Central Europe. Veszprem, — 1997, — v. 1. — Pp. 103—113.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА

Козлова Анна Дмитриевна

*аспирант кафедры истории, философии и культурологии Московского
государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова,
РФ, г. Ковров*

E-mail: ak355832@yandex.ru

THE TRANSFORMATION OF THE FESTIVE CULTURE IN A MODERN RUSSIAN MEGAPOLIS

Kozlova Anna

*postgraduate student of the Department of history, philosophy
and cultural science of the Moscow State humanitarian University IMMA,
Russia, Kovrov*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена трансформации понятия «праздник» в современной культуре мегаполиса. Обозначены изначальные функции и структура праздника. Дана характеристика понятию «Event» как альтернативе празднику в XXI веке. Произведен анализ замены вовлечения участника праздника на зрелищность. Дана характеристика снижения роли традиций в современном празднике. Большое внимание уделено рассмотрению праздника как платформы и почвы для развития современной художественной культуры. Сделаны выводы и намечены общие тенденции развития праздничной культуры современного мегаполиса.

ABSTRACT

This article is dedicated to describe the transformation of term «celebration» in culture of modern city. The functions and the structure of celebration were marked. The term «Event» is described as an alternative celebration in XXI century. The analysis of replacement of the involvement by means of entertainment has been done. Decrease of the necessity of traditions in modern celebration is described. A great part of research is connected to show the celebration as a base for development of modern culture.

Ключевые слова: современный праздник; Event; праздничная культура; Experience.

Keywords: modern holiday; Event; festive culture; Experience.

Динамичность развития современного общества не оставляет сомнений. Если ранее изменения в мировоззрении и повседневной культуре протекали в рамках десятилетий, сейчас, в XXI веке, не проходит и двух-трех лет, как волна обновлений «приносит» что-то кардинально новое в духовную культуру нашей страны [3].

Рассматривая множество пластов духовной культуры, мы можем заметить эти новшества повсеместно. Однако одну из наиболее ярких и наглядных картин, позволяющих распознать «новорожденные» элементы, даёт праздничная культура. Причем показательна праздничная культура именно мегаполиса, «диктующая» вектор развития для прочих городов.

Праздник как неотъемлемый элемент культурной среды со времен своего идеологического и функционального формирования претерпел значительные изменения.

Сейчас праздником мы называем культурные активности, кардинально отличающиеся по своим функциям, методам и содержанию от ритуального действия и народного гуляния, породивших данное понятие. Однако, акцентируем внимание на том, что именно в XXI веке праздничная культура приобретает совершенно новые грани, являющиеся «ответом» на «вызов» массовой культуры в виде запроса на новые его формы.

Для понимания масштаба и характера изменений обратимся к истории, и этимологии слова «праздник».

Данное слово заимствовано из старославянского и является производным от слова «праздный», что буквально означает — «день, не занятый делами, свободный от работы» [1, с. 250].

М. Фасмер дает аналогичную характеристику слову «праздник», связывая его с церковнославянскими истоками в виду наличия «ра» [5, с. 353].

Данные определения направляют нас на мысль о том, что: во-первых, праздник сознательно отделяется людьми от повседневной жизни, во-вторых, имея церковные корни, слово праздник не может быть не связано с культом, ритуалами и некой энергетической функцией.

Не углубляясь подробно в древние функции праздника, и ставя целью данной статьи характеристику современного этапа развития понятия, сделаем краткий экскурс в его историю для возникновения почвы для сравнений.

Одной из распространенных теорий появления праздника можно считать версию о том, что еще в палеолите, наряду с зарождающимся искусством, праздник выполнял «энергетически восстанавливающую» функцию. Целью праздника, по сути, являлось приведение всех его участников в определенное психофизическое состояние, которое отличается от обычного, и которое способствует либо «притягиванию» событий, либо благополучному переживанию текущей ситуации, в том числе связанной с астрологическими, природными циклами.

Стоит сказать о том, что праздник — это момент определенного отношения ко времени. Это период, в который времени как бы нет. Период празднования «выпадает» из повседневного календаря и дает «передышку» от потока будничных событий. Об этом «говорят» в том числе и иностранные версии слова праздник. Так «holiday» в английском — дословно «святой день», в сербском языке *swieto* происходит от *svet* — «святой», «сакральный». Праздник — это день, принадлежащий не земному, а Божественному, сакральному, у которого нет ни времени, ни пространства.

Издревле в числе многочисленных делений праздника на категории выделяются две основные: личные и общественные праздники. В календаре древнего Рима это: *feferiae denicales* — праздник семейный и *feferiae conceptivae* — назначенный общественный праздник. Было также понятие общественного регулярного праздника. Праздник личный, семейный претерпел мало изменений и выполняет все те же функции: отмечание события, значимого для узкого круга лиц. Формат данного празднования, традиции и особенности всегда индивидуальны и «подчиняются» народным традициям в общих своих проявлениях.

Общественный же праздник, а именно праздник, «назначенный» обществу сверху государством или «уменьшенной» его версией, работодателем, претерпел трансформацию.

Ранее общественный праздник, будь то ритуальное действие, или отмечание значимого для социума события, своей целью ставил, как в прочем и сейчас, закрепление неких парадигм в сознании людей. Однако это закрепление происходило при вовлечении практически всех участников праздника.

Коллективность — одна из основ праздника: «Праздновать — значит свободно общаться и коллективно переживать идеальные устремления, которые на время как бы стали реальностью. Иначе говоря, жизнедеятельность в ситуации праздника дает людям удовлетворение в той его избыточной форме, которая в будничных условиях подавляется или игнорируется» [4, с. 10].

Не менее важна и вовлеченность. Через игру, свойственную празднику, человек использует свое свободное время не на физическое и умственное расслабление, а на активизацию своих духовных структур в процессе игры и наслаждения. Причем наслаждение происходит от единства в ритме с другими участниками праздника. Согласно Аристотелю: «Все живые существа не могут сохранять спокойствие, им хочется двигаться и шуметь, скакать и прыгать, испытывая при этом удовольствие». Так трактует слова Аристотеля А. Мазаев [4, с.18].

И отсюда следует, что активное участие, «переживание» праздника лично, определенная роль в нем и различная степень участия — неотъемлемая часть празднования. Однако именно в XXI веке праздник приобретает зрелищность и меняет вектор вовлечения участника в данный процесс. Это связано и с трансформировавшейся целью праздника. Теперь организатор праздника, транслятор его ценностей — не только государство, которое ранее было «работодателем» и «кормильцем» общества, но и собственно независимые отдельные работодатели и другие «продавцы» ценностей. С увеличением инициаторов праздника увеличилась конкуренция за внимание его участников, а значит, усложнились структура и содержание праздника. Главной задачей праздника становится — удивить его участника, превзойти других организаторов и других «продавцов». Данное стремление зародило растущую с каждым годом зрелищность праздника. Теперь участник — больше почетный гость, которому выпала честь быть удивленным, воодушевленным и поощренным за приверженность именно этому организатору праздника, будь то работодатель или фирма, оказывающая участнику услуги в повседневной будничной жизни. Само понятие «праздного» времяпрепровождения также трансформируется как лексически, так и содержательно.

Сейчас понятие «праздник» прочно ассоциируется со словом Event — событие. Событием называют любое празднование по любому поводу. Причем Event часто не противопоставляется будням, в отличие от праздника, а зачастую своей целью ставит «опразднование» рабочего времени, «украшательство» текущих рабочих, деловых и социальных событий с помощью всех атрибутов Event. Атрибуты эти многообразны: декорирование, артисты, медиа решения и прочее. Идя на Мероприятие, а именно так еще называют праздник в наши дни, его потенциальный участник в большинстве случаев четко осознает, что основная цель его пребывания на нем — получение новой интересной информации, новых эмоций от увиденного или услышанного. Накопление, а не выплескивание эмоций, созерцание, а не действие — принципиальные отличия

процесса участия в празднике в XXI веке от древних традиций. Сами Event-организаторы, например, признанные «гуру» Мероприятий в нашей стране, А. Шумович и А. Берлов в своем пособии для Event-менеджеров четко дают оценку стремлениям современного участника праздника, обозначая ее как тягу к Experience, то есть опыту, впечатлениям. Именно Experience — ключевая ценность успешного праздника-события. Участник должен через созерцание и вовлечение ощутить новые эмоции, пройти новый для него опыт. Но этот опыт кардинально отличается от традиционного вовлечения в праздник: в первом случае участнику организаторы «дают попробовать» ранее не знакомое, удивляя его и склоняя «на свою сторону», в то время как в традиционном празднике радость и удовлетворение наступает не от новизны, а от приобщения к коллективному, от единого энергетического ритма праздника.

Само же Мероприятие для А. Шумовича и А. Берлова «прямое вовлечение целевой аудитории в ряд действий, объединенных идеей и режиссерской задумкой, с целью достижения контролируемого эффекта со стороны аудитории» [6, с. 9]. Event выступает важным инструментом внедрения изменений. «Именно то, как изменились люди после вашего мероприятия, можно считать ключевым критерием успеха» пишут авторы [6, с. 15].

Стоит пояснить, что не духовный рост и развитие заботит авторов, а лишь изменения, направленные на отношение к организаторам праздника. Безусловно, данная функция социальной регуляции была у праздника и ранее, однако народные гуляния, устроенные государством или правящей элитой были направлены либо на «успокоение» народа, либо на поддержание общего настроения и отсутствие волнений. Сейчас же появляется другая цель — продажа, продажа имиджа компании и в следствии — ее идеологии и предоставляемых услуг. Под «компанией» следует понимать любую организацию, включая вышеупомянутое государство, инициировавшее праздник.

Однако в XXI веке, как было сказано выше, основную массу мероприятий организуют работодатели для своих сотрудников. Данные «мини-государства» функционируют и управляют своими «гражданами» по законам, устоявшимся и в реальном государстве. Мало отличается и функция праздника корпоративного от государственного. Однако кроме упомянутых новшеств появляется также важный момент — отхождение от традиций. Если ранее — праздник предполагал ритуальность, сакральность, преемственность, то теперь, в виду того, что возросла зрелищность, появилась необходимость частого её «обновления». Никому не интересно каждый год отмечать день Компании по сценарию прошлого года.

Компании стремятся показать новых артистов, новых ведущих, новые места, с новыми неожиданными элементами сценария провести программу. Кроме того, количество праздничных поводов увеличивается с каждым годом. «Разрушение связи праздничного действия с сакральной сферой дарует «творцам» праздников абсолютную свободу в выборе истока, сюжета и событийного ряда праздника» [2, с. 122].

Данная потребность праздника влечет за собой спрос на динамичность художественной культуры. Мероприятие в современном мегаполисе — платформа для её развития и трансформации.

Безусловно, артисты на праздниках — явление не новое, о роли праздника в художественной культуре пишет и А. Мазаев: «На заре человечества праздники выступали в качестве одного из факторов зарождения и развития художественной культуры и ориентированного на нее эстетического сознания. Позднее они постоянно вбирают в себя опыт искусства, по-своему используют его средства» [4, с. 10].

Однако именно сейчас мероприятия зачастую является основным доходом для многих артистов, а значит, развитие различных видов зрелищных искусств напрямую связано с площадкой, на которой они реализуются, с мероприятием. Зритель из зала, где каждый купил билет на представление, переместился за банкетный стол или в тот же зрительный зал, но уже в качестве приглашенного участника, которому самим приглашением «обещают», что будет интересно. От того же, насколько отзывчиво примет артиста публика, зависит, позовет ли организатор его еще раз. В общих своих чертах процесс мало отличается от практики до XXI века, однако теперь организаторы приглашают артиста для представления уже новым участникам праздника, так как удивлять одну публику одним и тем же невозможно. И если ранее носители художественной культуры, артисты, имели поклонников, за счет которых и обеспечивали себе сценическое «долголетие», то сейчас — наличие поклонников и узнаваемость лишь бонус, повышающий стоимость артиста на мероприятии. В общем же, большинство артистов, отработав определенное количество раз программу, вынуждены искать новые формы представлений аналогично тому, как это было ранее, однако сейчас процесс «устаревания» программы и ее актуальности происходит намного динамичнее.

Такая динамика и неограниченность в технике и художественных средствах послужила почвой для возникновения и распространения многих новых видов сценического искусства. Так, рисование песком, которое в нашей стране популяризировал Артур Кирилов, в последние 5 лет является самым растиражированным и покупаемым шоу

на мероприятиях, а последователей этого жанра с каждым днем становится все больше. В то время, как при отсутствии спроса на это шоу среди Event-мира, развитие жанра могло и не произойти так стремительно, так как покупать билеты на концерты песочного шоу публика не готова, ввиду специфичности действия и его монотонности, в то время как, увидев шоу на 5—10 минут на корпоративном празднике, участник с радостью его посмотрит, а затем найдет видео артиста в Интернете и покажет его друзьям. То же можно сказать о таких новых тенденциях, как рисование светом, лазерные шоу, мультимедийные шоу. Все эти жанры без финансирования и спроса со стороны организатора праздника имели бы значительно меньшую почву для развития, не имея площадки для реализации и окупаемости. Безусловно, данная роль «катализатора» художественной культуры является положительной для современного праздника. Однако у данного факта — двойственная природа.

Обратной стороной медали является тот факт, что при постановке номеров, развитии репертуара (что касается в большинстве случаев музыкальных коллективов) артисты в первую очередь ориентированы на повышение своей стоимости при заказе их на мероприятие. А повышение стоимости происходит через максимальную узнаваемость и популярность, которые в свою очередь приходят при «попадании» артиста в актуальную волну настроения общества. Однако подобные «волны» в современном мире очень изменчивы, и часто популярные исполнители в прошлом году, в этом — уже забыты и не актуальны. Безусловно, остаются и будут существовать артисты, не теряющие актуальности на протяжении многих лет, но поток «быстроугасающих» шоу в XXI значительно увеличился.

В этом — одно из последствий бурного развития современных праздников в мегаполисе — давая платформу и финансирование для развития художественной культуры, праздник провоцирует тот факт, что творческая среда направляет свои силы на создание продукта, который можно «дороже продать», отодвигая на второй план истинную творческую деятельность, идущую от сердца. А данный факт отражается на искусстве в целом.

Поводя итог вышесказанному, можем сказать, что ключевыми тенденциями праздника в современном мегаполисе являются:

- Повышение зрелищности и падение уровня вовлеченности участника в процессе праздника;
- Динамика изменений структуры и содержания праздника, уменьшение роли традиций в праздничной культуре;

- Изменения отношения к свободному «праздному» времени, и борьба организаторов праздника за внимание его участника в рамках рабочего и активного социального времени;
- Стремительное развитие на базе праздника новых форм художественной культуры.

Перечисленные изменения — лишь малая часть от имеющихся трансформаций праздника в культуре мегаполиса. В целом же для подробной характеристики и анализа праздника как феномена в XXI веке необходимо обширное исследование. Интерес и актуальность данной темы растет с каждым днем. Популярным в обществе становится и посещение как можно большего количества Event в качестве участника и профессия организатора праздника, а значит, сейчас Мероприятие, находясь «на волне» значимости и популярности в обществе, наиболее открыто для изучения и анализа.

Список литературы:

1. Боброва Т.А., Шанский Н.М., Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2001. — 398 с.
2. Каверина Е.А. Праздник как эстетический и социальный феномен // Томский государственный университет. Научная библиотека. — 3 июня, 2009. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/324/image/324-119.pdf> (дата обращения 15.06.2014).
3. Купцова И.А. Социокультурные механизмы адаптации личности в условиях современной массовой культуры: диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Орел, 2002. — 176 с.
4. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. М.: Наука, 1978. — 392 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Том 3. Перевод с немецкого Трубачева О.Н., автор предисловия Ларин Б.А. М.: Прогресс, 1986. — 832 с.
6. Шумович А. Берлов А. Смешать, но не взбалтывать. М.: Альпина паблшер, 2013. — 250 с.

ГЕРОНТОКРАТИЯ КАК ФЕНОМЕН АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Меликова Каринэ Андреевна

*аспирант кафедры истории, философии, культурологии, Московского
государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова,
РФ, г. Москва
E-mail: byrsik@bk.ru*

GERONTOCRACY AS A PHENOMENON OF CLASSICAL CULTURE

Karine Melikova

*postgraduate student of Department of History, Philosophy
and Culturology, Sholokhov Moscow State University for Humanities,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены история зарождения принципов геронтократии в родоплеменных сообществах эпохи архаики, развитие и укрепление геронтократического общества в античных цивилизациях. Автором проведено исследование и анализ причин и условий возникновения возрастной иерархии. Возрастная иерархия, как основа античной культуры.

ABSTRACT

The article considers history of gerontocracy principles' origin in tribal communities of antiquity, development and strengthening of gerontarchical society in antique civilizations. Study and analysis of causes and conditions of age hierarchy appearance has been conducted by the author. Age hierarchy as a basis of classical culture.

Ключевые слова: иерархия отношений; доминирование старейшин; система светских и религиозных культов; семейно-клановые принципы; геронтократия; герусии; совет Ареопага.

Keywords: hierarchy of relationships; dominance of elders; system of secular and religious cults; family and clan principles; gerontocracy; Gerousias; council of Aeropagus.

Для цивилизаций древнего мира геронтократия — явление характерное, но отнюдь не новое. Ещё в эпоху архаики в первобытных

племенах существовала жёсткая иерархия отношений, сопровождавшаяся особыми обрядами почитания шамана и вождя, которыми становились, как правило, старшие по возрасту члены племени. Ритуальность в отношениях между старшими и младшими способствовала развитию общества с доминированием старейшин и укрепляла их статус. Установленные в те времена принципы родства не только формировали родоплеменные отношения, но и определяли старшинство внутри группы. По принципу старшинства в первобытном племени происходило распределение пищи. Уже тогда при учёте ролевых функций существовала социальная дифференциация — женщины, мужчины, старики и дети [5]. Тем не менее, отношение к старикам в первобытную эпоху не следует идеализировать. Как только человек в племени, достигнув старческого возраста, становился нежизнеспособным, его тут же уничтожали, но таких случаев было мало, поскольку, кроме высокой смертности, процветал каннибализм. Американский антрополог и этнограф Л.Г. Морган, изучая примитивные культуры, разделил историю человечества на три периода — эпохи дикости, варварства и цивилизации. Согласно его гипотезе, только на среднем этапе периода дикости стариков перестали убивать, что совпало с началом использования первобытными людьми огня и употребления в пищу рыбы [6]. Однако, с его мнением можно согласиться лишь отчасти, поскольку процесс эволюции проходил неравномерно. Случаи поедания стариков были известны вплоть до эпохи античности. В сочинениях Геродота и Страбона упоминаются практики, включающие поедание стариков, у жителей побережья Далмации и скифов-массагетов [10].

С развитием земледелия, скотоводства и ремёсел картина резко меняется. Появление избыточного продукта, способствуя увеличению населения, порождает социальное неравенство и тесно связанный с ним вопрос о привилегиях. Создание коллективов, производящих пищу, способствовало большей выживаемости людей, и, соответственно, увеличению продолжительности их жизни, что привело, в свою очередь, к росту количества стариков в обществе [3]. Соответственно, появление большой группы пожилых людей, не занятых тяжёлым физическим трудом, было закономерным. Обладая жизненным опытом и знаниями, они имели возможность в свободное время заниматься совершенствованием существующих орудий труда, воспитанием детей и примитивными видами художественного творчества.

Наряду с этим происходит укрепление института старейшин и жрецов. Благодаря способности воздействовать на соплеменников, усиливается сакрализация их власти. Со временем, жрец и вождь в племени — это одно и то же лицо, а в более поздние времена царь

является одновременно и верховным жрецом в некоторых цивилизациях древнего мира. Это приводит к твёрдой вере в божественность власти. А во власти находятся старейшие [4].

Переход к оседло-земледельческим культурам общинного типа способствовал формированию принципиально новых взаимоотношений между поколениями внутри семьи. Положение старшего в семье и в роду становится привилегированным, и это явилось началом перехода к ранговому обществу, где пожилые люди занимают особое место. Постепенно их роль заметно усиливается. Ритуал почитания старших совершенствуется, и создаются традиции, в основе которых лежат новые отношения между пожилыми и молодыми людьми.

Следует отметить, что высокий авторитет стариков — типичное явление для древних военизированных государств со слабо развитым земледелием. Древняя Греция в ранний период не была исключением. Она не располагала необходимыми природными ресурсами, а географическое положение её первых поселений было крайне невыгодным. Жаркий климат, трудности с добычей питьевой воды, болотистая местность и удалённость от моря поначалу не способствовали интенсивному развитию сельского хозяйства. К тому же частые войны вынуждали население находиться в постоянном напряжении. С постепенным переселением ближе к морю расширялся круг занятий мужской части поселений. Древний грек вынужден был быть одновременно и земледельцем, и воином, и рыбаком, что развивало в нём предприимчивость и способность к вариативной деятельности [7].

Но, в то же время, такие условия жизни подразумевали жёсткую дисциплину и иерархию отношений. Отсюда и непререкаемый авторитет стариков, и женское бесправие.

Система светских и религиозных культов, сложившаяся в эпоху архаики, оказывает заметное влияние на развитие в античных цивилизациях основных принципов геронтократии. Когда матриархат сменяется патриархальным строем, наряду с появлением государственности, в обществе происходит смена нравов и общественных устоев. Формируются органы власти, состоящие из старейшин. Именно благодаря им в древней Греции закладываются этические и правовые нормы, опирающиеся на религиозно - мифологическую, а затем и на религиозно-философскую базу.

Древнюю Грецию, разделённую на полисы, можно считать типичным геронтократическим государством. Геруссия (Gerussia) — высший орган правления греков, представляла собой совет старейшин, состоявший из людей шестидесяти лет — возраста, который считался в те времена преклонным. Даже само слово γέρων в переводе

с древнегреческого означает «старец». Социально-политическая роль представителей Геруссии была огромна. Вместе с народным собранием (эклесия), главным органом управления в Элладе и Спарте, геронты решали важнейшие государственные вопросы. При этом Герусия была абсолютно независима и имела право отменить любое решение народного собрания в случае несогласия с ним. Помимо народного собрания и Геруссии, в античных греческих полисах функционировал Совет Ареопага, в число обязанностей которого входили охрана патриархальных устоев и контроль за состоянием нравов [7].

Власть «старейших» осуществлялась не только в виде их участия в органах государственного управления. Социальное устройство древнегреческих царств — полисов строилось на семейно-клановых принципах, способствовавших развитию оседлого земледелия ещё с догомеровского периода. Семья — основа общественного уклада античной Греции, представляла собой патриархальную ячейку, в которой под власть старшего — главы дома попадали жена и дети, а также слуги, рабы и всё имущество. Отец — патриарх являлся владельцем, опекуном и заступником семьи, её представителем в органах власти и в суде. Будучи одновременно и главным жрецом в доме, и блюстителем древних традиций, он играл главную роль в воспитании детей, особенно, сыновей, имея абсолютную власть над ними.

Кроме почтения и повиновения, которые должен был исполнять хороший сын, можно было бы перечислить массу других его обязанностей по отношению к родителям, но главное, что он должен был сделать, это содержать в старости и нужде своих родителей, а также других престарелых родственников — деда, бабуку, прадеда и прабабку. К тому же, на старшем сыне и наследнике, кроме похорон стариков, лежала обязанность следить за их могилами, воздавая должные почести в соответствии с религиозными предписаниями. Невыполнение этих норм считалось оскорблением предков и могло повлечь самое суровое наказание, вплоть до смертной казни [1].

Весьма интересным было положение стариков в Спарте. Отдавая обязанности правления зрелым мужам, совет старейшин имел неограниченную власть и контролировал дела практически в любой сфере — политической, судебной, финансовой, военной. Но самой главной обязанностью стариков считалось воспитание подрастающего поколения. Как только младенец мужского пола появлялся на свет, его судьба напрямую зависела от решения комиссии, куда входили самые глубокие старики в роду. Именно они, пока дети росли, занимались их физической подготовкой и образованием. Отбирая себе наиболее достойных юношей, члены совета становились их наставниками.

В Древней Греции всегда можно было отличить спартанского юношу по молчаливости и строгости манер — в присутствии старших он не смел даже поднять глаз и, будучи нем как рыба, прятал руки под плащом. Все старики, встречающиеся на улице, пользовались почтением, наравне с родным отцом. Они могли сделать замечание или наказать, имея на это полное право. Женщин в Спарте воспитывали наравне с мужчинами. Будучи по природе жёсткими, мужественными и патриотичными, они пользовались не меньшим влиянием в семье, а уважение к матери было таким же, как и к отцу [1].

Специфика общественного устройства в Римской империи мало чем отличалась от Древней Греции. После распада родоплеменных отношений в Риме основной социального уклада становится семья — фамилия. Отец семейства — *pater familias*, являлся хозяином и собственником своих домочадцев, а также верховным жрецом семейного культа предков. Семьи объединялись в общины в пределах рода, а несколько общин, объединённых по территориальному признаку — в трибы.

Структура управления состояла из лиц пожилого возраста. Наряду с народным собранием, римский сенат, будучи высшим органом власти, представлял собой совет старейшин. Более того, само его название произошло от латинского слова *senex* — старик. Начиная с эпохи принципата (с 1 в. д.н. э.), основной формой законодательства становятся сенатусконсульты (*senatus consulta*, множественное число, — сформулированное общее мнение сената, имеющее обязательный характер). Это означает негласную и неограниченную власть членов сената, поскольку его рекомендации и советы (*senset, videtur, placet*) после оглашения эдикта преторов уже считались неоформленными законами, что свидетельствует об огромном влиянии пожилых людей на государственные дела. Формально не имея законодательной инициативы, сенатусконсульты должны были лишь оглашать волю императора. На самом деле, не считаться с ними было невозможно, ибо никакая абсолютная власть не смогла бы просуществовать долго, не имея поддержку сената и армии [8].

Таким образом, власть геронтов начиналась снизу, в семье, и доходила до органов управления, пронизывая всю структуру античного общества. Их статус был непомерно высок, а социальное положение закреплялось римским правом, то есть законодательно. Обладая безграничной властью над семьёй, её глава мог лишить жизни, продать в рабство или оставить без наследства любого члена своей семьи, несмотря даже на его высокую должность и заслуги перед государством. Сын становился полноправным главой семейства только после смерти

своего отца. При этом вся судебная система защищала интересы старейшего члена семьи. Даже государственные органы не имели права влиять на внутрисемейные отношения, оспаривая решение главы фамилии. Более того, существовал закон, запрещающий проникновение на территорию домовладельца, даже если там происходило убийство домочадцев. Тяжёлая болезнь, безумие или просто несостоятельность не являлись для отца семейства причиной лишения его статуса. Сын же или дочь могли освободиться от отцовской опеки только в случае, если она становилась весталкой, он — жрецом или консулом. Сам отец мог добровольно освободить детей путём *emancipatio* (эманципации), но при этом он имел право на половину их имущества [8].

В отличие от Рима, Древняя Греция почти не оставила письменных памятников о законах, большинство обрывочных сведений о них учёные вынуждены черпать из сохранившихся надписей, юридических речей, касающихся наследства (Исей, Демосфен, Лисий, Эсхин, Исократ), сочинений философов и поэтов [1]. Связано это с тем, что в Греции история и мифология в синтезе создали базис для развития философии, а уже философия способствовала созданию законов. И потому, традиции и общественный уклад греков отражает не право, как у римлян, а литература и мифология.

Среди литературных памятников сохранилось немало свидетельств геронтократического правления и особой роли пожилых людей в обществе. Олимпийский период в древнегреческой мифологии является наглядным свидетельством «главенства отцов» и перехода к патриархату. Сам Зевс — глава Олимпа, будучи отцом многих богов и героев, олицетворяет верховную власть. Став символом государственности, он считается основателем моральных устоев и тесно связанных с ними первых законодательных норм.

Древние литературные источники изобилуют персонажами пожилого возраста, которые учат молодое поколение и передают ему свой опыт. В античной Греции наглядным примером этого может служить образ мудрого и просвещённого старца, который неизменно фигурирует в древнегреческой мифологии и литературе. Нестор в «Илиаде» у Гомера, будучи опечаленным ссорой между Ахиллом и Агамемноном, пытается вразумить обоих. Противопоставляя своему времени глубокую старину, он даёт советы молодым людям, напоминая им: «Вы, меж данаями первые в сонмах и первые в битвах! Но, покоритесь, могучие! Оба меня вы моложе... Будьте и вы послушны: слушать советы полезно...» [2]. Образ гомеровского Нестора — это символ мудрого наставничества, опирающегося на опыт предков. Не менее интересны в этом отношении пьесы древнегреческих

драматургов. В пьесе «Эвмениды», которая входит в трилогию Эсхила, участь Ореста, совершившего двойное убийство, оправдывают боги и суд афинских старейшин. Сам Орест при этом произносит: «Мы старимся, и время очищает всё!». Интерпретировать саму пьесу можно по-разному, но абсолютно очевидно одно — только старейшие могут судить и выносить решения, самой же старости прощается всё. Именно эта мысль сквозным лейтмотивом проходит в сюжете, и её доносит до зрителя автор. Таковы были нравы древних афинян. Даже сама Афина, дочь Зевса, отвечая старой Эринии, богине мщения, говорит такие слова: «Твой гнев терплю покорно — ты старейшая. Мудрей меня во многом ты, поистине» [9].

Всё изложенное позволяет сделать достаточно обоснованные выводы о том, что в античных цивилизациях, даже на микроуровне семьи, доминировал принцип подчинения младшего старшему, а в государственных органах преобладали люди преклонного возраста. Это, несомненно, оказало серьёзное влияние не только на социальный уклад своей эпохи, но и на художественное творчество того времени. Стариков в полной мере можно считать носителями античной культуры, подтверждение чего служит литература и мифология. Исследования письменных памятников свидетельствуют о том, что в античных обществах ритуальность, отпочковавшаяся от мифологии и магии, являлась неотъемлемой частью культуры и быта. Исполняя в ритуальном спектакле первую роль, старики являлись проводниками воли богов, посредниками между Олимпом и людьми. Поскольку в античном мире не могло быть существования вне мифа, то создав ритуально-мифологизированную иррациональную действительность, древние греки и римляне не могли обойтись в ней без своего идейного стержня — без старейших представителей родов и семей, которые являлись главными исполнителями законов, порождённых мифами и главными мифотворцами одновременно. Вся законодательная система античности, где каждый поступок совершался волею богов или во славу богов, была основана на принципе строго соблюдения старшинства и служила, прежде всего, пожилым гражданам.

Список литературы:

1. Гиро П., Частная и общественная жизнь греков / Пер. с франц. Н.И. Лихаревой, Петроград, Издание т-ва О.Н. Поповой, 1915, — 660 с.
2. Гомер. Илиада /Пер. с древнегреч. Н. Гнедича, М.: Правда, 1984, — С. 23.
3. Ламберт Д.. Доисторический человек. Кембриджский путеводитель, Л.: Недра, 1991, — С. 155, — С. 198—203.

4. Фрезер Дж.Дж., Золотая ветвь. Исследование магии и религии/Перевод М.К. Рыклина, М.: Политиздат, 1980, [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.psyoffice.ru/2749-9-freze01-index.html>, 04.05.2014.
5. Морган Л.Г. Древнее общество. Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Издательство народов севера, 1935, — С. 9, 15.
6. Холостова Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми, М:ИТК «Дашков и К^о», 2003, — С. 23.
7. Хачатурян В. История мировых цивилизаций с древнейших времен до конца XX века, [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hach_istmir/03.php, 04.05.2014 г.
8. Римское частное право. Под ред. Новицкого И.Б., Перетерского И.С. М.: Юриспруденция, 2005. — 448 с.
9. Эсхил, Орестея, книга 3// пер. В. Иванов, М: Наука, 1989.
10. Каневский Л.Д. Каннибализм, М.КРОН-ПРЕСС, 1998, — 85 с.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДРОСТКОВ

Мельникова Мария Игоревна

*специалист кафедры сравнительной экономики и предпринимательства
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,*

РФ, г. Москва

E-mail: madchen@mail.ru

PROBLEM OF MUSIC CULTURE DEVELOPMENT WITH ADOLESCENTS

Maria Melnikova

*specialist of the chair of Comparative Economics and Business,
Plekhanov Russian University of Economics,*

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется категория «музыкальная культура». Музыкальное искусство рассматривается как эффективное средство

в воспитании подрастающего поколения. Уделяется внимание особенностям данного возрастного периода. Поднимается вопрос влияния поп- и рок- музыки на личность подростков. В условиях стремительно развивающейся индустрии подчеркивается роль эстетического воспитания детей. Доказывается, что в современном мире возрастает роль «высокой» музыки, которая открывает мир красоты и гармонии. В этом процессе важная роль отводится профессионально подготовленным учителям в области искусства.

ABSTRACT

A category of music culture is under examination in the article. The art of music is considered as an effective means in upbringing of the younger generation. Special attention is given to peculiarities of this age. The question of pop and rock music influence on personality of adolescents is taken up. Under conditions of boom industry the role of aesthetic education of children is emphasized. It is proved that the role of “high” music which opens the world of beauty and harmony is going up in the modern world. In this process the special place is devoted to professionally trained teachers in the sphere of art.

Ключевые слова: музыкальная культура; музыкальное искусство; музыка; подростки.

Keywords: music culture; art of music; music; adolescents.

Музыкальное искусство играет большую роль в развитии и эстетическом воспитании человека, а также способствует формированию целостной личности. Музыка открывает целый мир высоких чувств и обогащает духовно. Она затрагивает сердца и обладает огромным эмоциональным воздействием на человека. Выдающийся дирижер XX века Л. Стоковский писал: «Музыка раскрывает нам мир фантазии, она отвечает на наше извечное, неутолимое стремление к красоте, к идеалу» [4, с. 3].

Музыка — это результат человеческой деятельности. А все, что создано человеком, является культурой, которая условно делится на материальную и духовную. Духовная культура — это, прежде всего, мир науки и искусства. Музыка является одним из видов искусства. Следовательно, музыка и культура тесно взаимосвязаны между собой, а точнее, музыка является важной составляющей культуры, одним из многочисленных ее проявлений. Музыкальная культура — это сложная целостная система, которая включает в себя такие компоненты, как:

- умение ориентироваться в различных жанрах, направлениях и стилях;
- музыкальные знания, умения и навыки, среди которых игра на музыкальных инструментах, пение и др.;
- высокий музыкальный вкус, проявляющийся в способности наслаждаться ценной музыкой в художественном отношении;
- эмоциональный отклик на те или иные музыкальные произведения [7];
- музыкально-эстетическое сознание, которое включает в себя потребность в музыке, эстетические эмоции и переживания, оценку музыки и т. д. [6].

Это лишь некоторые составляющие понятия «музыкальная культура», так как оно достаточно многогранно.

Проблеме формирования музыкальной культуры человека издавна уделялось пристальное внимание. Еще в античные времена музыка занимала особое место в системе наук и была предметом исследования педагогов, эстетиков, психологов, музыкантов, а также находила отражение в трудах таких философов как Платон и Аристотель. Музыка считалась основным средством воспитания гармонично развитой личности. Платон, рассуждая о воспитательной функции музыки, считал, что она способствует совершенствованию души. По мнению философа, музыка наряду с арифметикой, геометрией и астрономией — это свод необходимого знания для воспитания рассудительных, понятливых и радостных натур. Он говорил: «Они далеки от всякого рода наружной рисовки, но поистине чтят добродетель. А это самое главное для любого государства. Вот мы и утверждаем, что такие натуры по своей природе наиболее значительны и способны к наилучшему усвоению тех знаний, которые им преподают» [5, с. 500]. Аристотель, подчеркивая силу воздействия музыки на психику человека, писал: «...Или же, скорее, следует думать, что музыка ведет к добродетели, и что она способна, подобно тому как гимнастика оказывает влияние на физические качества, оказать воздействие на нравственный склад человека, развивая в нем умение правильно радоваться...» [1, с. 634]. И действительно, музыка играет важную роль в эстетическом развитии человека. Поэтому музыкальное искусство может выступать эффективным средством в воспитании подрастающего поколения, которое особенно остро нуждается в правильном и надежном наставлении и руководстве. Музыка является фундаментом, основой в формировании гармонично развитой личности. Ведь подростковый возраст — это один из самых серьезных и сложных периодов в жизни человека, так как он труден как для самого подростка, так и для тех,

кто находится рядом с ним. На данном этапе взросления происходят не только физические, но и такие серьезные психологические изменения во всем организме, как:

- переход на новый уровень самосознания, проявляющийся, главным образом, в стремлении познать самого себя как личность;
- появление чувства взрослости, которое характеризуется отдалением от родителей и желанием принимать самостоятельные решения; также это может проявляться в подражании таким внешним признакам поведения взрослых как употребление алкогольных напитков, курение, особый лексикон, использование косметики и украшений, следование взрослой моде в выборе одежды и прически, определенные способы развлечений и отдыха;
- протестное поведение по отношению к взрослым, которое может проявляться в негативных действиях, носящих демонстративный характер, или в намеренном неподчинении требованиям;
- потребность в дружбе и общении, являющаяся одной из ведущих в подростковый период.

Важно подчеркнуть тот факт, что в подростковый период формируются нравственные представления, ценностные ориентации, а также художественно-эстетические предпочтения, в том числе, и музыкальные вкусы. Поэтому необходимо отметить, что у подростков чрезвычайно высокий интерес к музыке, и именно она занимает ведущее положение в области их художественных предпочтений. Музыка способна оказывать огромное влияние на молодых людей, ведь она обращается к чувствам и внутренним переживаниям, которые в подростковый период так противоречивы и сложны.

В нынешних условиях музыкальная индустрия чрезвычайно развита [3]. С одной стороны, большой выбор музыкальных произведений и их доступность могут удовлетворить потребности самой разнообразной аудитории — от невзыскательного вкуса до изысканного. С другой стороны, такое многообразие музыкальных образцов формирует сомнительный эстетический вкус, особенно у школьников, чьи ориентации в области музыки складываются, главным образом, под воздействием сверстников и таких средств массовой коммуникации, как телевидение, интернет, радио.

Многие музыковеды и композиторы неоднократно подчеркивали важность работы в сфере музыкально-эстетического воспитания подростков. Советский композитор и педагог Д.Б. Кабалевский об эстетическом воспитании писал следующее: «В условиях чудовищной засоренности мирового музыкального быта особую сложность

приобретает вопрос об эстетическом воспитании детей. Отсюда вытекает основная задача: формирование хорошего вкуса надо начинать в самом раннем детстве. Надо, чтобы подростки, когда они встретятся с легкой музыкой, уже понимали красоту большого, серьезного искусства и ощущали разницу между хорошим и плохим. Надо, чтобы хорошая народная, классическая и современная музыка входила в круг детских интересов в те же ранние годы, когда входит в этот круг умная и добрая книга» [2, с. 104].

Говоря о формировании музыкальной культуры подростков, важно понимать, что современная музыка, в особенности такое направление как поп- и рок-музыка, пользуются среди них широкой популярностью, а классическая, народная или джазовая музыка, к сожалению, находятся за пределами их внимания. Популярная музыка отличается простой, незамысловатой мелодией, танцевальным ритмом, легко запоминающимся текстом и, как правило, выполняет не столько эстетическую функцию, сколько фоновую, а это, в свою очередь, не оказывает положительного воздействия на формирование личности школьника, не воспитывает его эстетический вкус и формирует очень низкие потребности. Рок-музыка имеет как положительные черты, так и отрицательные. С одной стороны, отличаясь авторским и личностным характером, рок может стать психологической отдушиной для школьников. Но с другой стороны, существует такой экстремальный вид рок-музыки, как тяжелый метал. Он включает в себя множество подстилей: от сравнительно мягких (например, классический хеви-метал) до очень тяжелых (дэт-метал и блэк-метал). Тяжелый метал обычно отличается бунтарским и агрессивным характером, нередко призывая слушателя к насилию, жестокости, протесту против родителей и общества. Учитывая неустойчивую и хрупкую психику подростков, под влиянием такой музыки формируется искаженное представление о любви, сострадании, взаимопомощи, человеческих взаимоотношениях и смысле жизни. На концертах зачастую царит атмосфера ярости. В этом возрасте особое значение может приобретать музыкальный кумир, который, как правило, ведет аморальный образ жизни. К сожалению, мировоззрение и система ценностей такого кумира являются образцом для подражания молодого поколения, а это может привести к саморазрушению личности ребенка.

Таким образом, в современном мире в условиях размытых нравственно-эстетических идеалов особенно возросла роль такой «высокой» музыки как классическая, народная и джазовая. Такая музыка воспитывает благородные качества, открывает мир красоты и гармонии, вызывает чувство прекрасного. Учитывая силу воздействия и значение

музыки в жизни подростков, важно использовать ее в общеобразовательных школах как эффективный воспитательный инструмент. Ведь именно школьные учреждения наряду с родителями закладывают основу мировоззрения, жизненных ориентиров, музыкальных вкусов, развивают творческие способности ребенка и т.д. Эти важные и ответственные задачи стоят перед педагогами, которые значительную часть времени проводят в работе с детьми. В связи с этим в музыкально-эстетическом воспитании подростков большую роль играет наличие учителя, профессионально подготовленного в этой области, творческая личность, владеющая искусством.

Список литературы:

1. Аристотель. Политика. (1339a 15-30). / Аристотель // Соч.: В 4 т. М., — 1984. — Т. 4. — С. 634.
2. Кабалевский Д.Б. Воспитание ума и сердца. М.: Просвещение, 1984. — С. 104.
3. Купцова И.А. Социокультурные механизмы адаптации личности в условиях современной массовой культуры: диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Орел, 2002. — 176 с.
4. Осовицкая З.Е., Казаринова А.С. Музыкальная литература: Учебник для ДМШ: Первый год обучения по предмету. М.: Музыка. 2003. — С. 3, нот., ил.
5. Платон. «Послезаконие» (989c-d) / Платон // Соч.: В 3 т. М., — 1973. — Т. 3 (2). — С. 500.
6. Радынова О.П., Катинене А.И., Палавандишвили М.Л. Музыкальное воспитание дошкольников: учеб. пособие. М.: Академия, 1998. — 240 с.
7. Шостакович Г.В. Музыка массовых жанров как фактор формирования музыкальной культуры подростков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Киев: Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, 1996.

СЕКЦИЯ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К ПРОБЛЕМЕ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Кириянов Алексей Юрьевич

*студент 4 курса
института филиала ФГБОУ ВПО «ВГУЭС» в г. Артеме,
РФ, г. Артем
E-mail: 89147307340@mail.ru*

Турчина Нина Петровна

*ст. преподаватель кафедры психологии и социальных технологий
филиала ФГБОУ ВПО «ВГУЭС» в г. Артеме,
РФ, г. Артем
E-mail: nina.turchina.55@mail.ru*

ABOUT THE PROBLEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE WESTERNIZATION

Kiryaynov Aleksey

*4 year student of Federal State Budgetary Educational Establishment
of Higher Professional Education "Vladivostok State University
of Economics and Service" branch in Artem, Russia, Artem*

Tyrchina Nina

*senior teacher of psychology and social technologies
department in Federal State Budgetary Educational Establishment
of Higher Professional Education "Vladivostok State University
of Economics and Service" branch in Artem,
Russia, Artem*

АННОТАЦИЯ

Вестернизация русского языка ведет к формированию нового знания и заставляет людей приспосабливаться к системе новых значений, что приводит к перестройке системы ценностных и мировоззренческих ориентаций по западным образцам, трансформации его картины мира. Так ли уж необходимы заимствования? Изучены литературные источники, материалы СМИ, проведен опрос среди молодежи по указанной проблеме. Сделан вывод о том, что одной из проблем, связанных с открытостью языка и культуры, является вестернизация сознания, которая отчасти является результатом слепого следования языковой моде.

ABSTRACT

Westernization of Russian language leads to forming new knowledge and makes people adapt to new knowledge system that contributes to rebuilding of values and world outlook system according to western standards, and to its worldview transformation. Are these borrowing so necessary? We have studied bibliography, mass media and have made questionnaires survey among young people. Therefore we made the conclusion that one of the problem that connected to language and culture openness is consciousness westernization which is the result of blind following of language fashion.

Ключевые слова: русский язык; вестернизация; ассимиляция; заимствования.

Keywords: Russian; westernization; assimilation; borrowing.

За последние годы в российском обществе проведены радикальные преобразования, которые привели к основательным изменениям в экономическом, политическом, социальном и, особенно, в культурном планах. Именно поэтому в наше время — время новых коренных преобразований — возникла проблема вестернизации культуры российского общества, а вместе с этим и проблема вестернизации русского языка, засорение его терминами и словесными оборотами иностранного, прежде всего западного, происхождения. Споры вокруг данной проблемы идут в России уже не одно столетие. Но особенно актуально это сегодня, потому что никогда прежде русский литературный язык не подвергался такому насилию, как в последнее десятилетие. Считаю, что просто необходимо обратить внимание современников, особенно молодёжи, на данную проблему.

Итак, главной задачей нашей работы является рассмотрение процесса вестернизации и его воздействия на русский язык. Изучив литературу [1, 3, 6], мы определили для себя единое универсальное

определение понятия «вестернизации» из множества предложенных: это бездумное заимствование западноевропейского и североамериканского образа жизни в области экономики, политики, образования и даже языка [1, с. 23].

С нашей точки зрения, язык не может полностью обойтись без заимствованных лексем, потому что экстралингвистические факторы (появление новых предметов, сфер деятельности, развитие экономики, техники) требуют определенных наименований, которые по объективным причинам отсутствуют в языке-оригинале [7].

Русский литературный язык в настоящее время ощущает небывалый наплыв новых слов. Простой пример: из 3000 неологизмов, которыми в 1981 году пополнился русский язык, примерно 80 % — иноязычного происхождения. Сегодня же соотношение иноязычных и исконных слов еще более стремительно меняется в пользу заимствований, и не исключено, что в скором времени они будут количественно преобладать в русском языке. Словари иностранных слов почти сравниваются в объеме с толковыми словарями русского языка [8]. Общение бизнесменов, ученых-естественников происходит практически исключительно на английском языке. Часть заимствований (особенно в области высоких технологий), вероятно, оправданна, так как в этой области мы исторически отстаем, поэтому и принимаем терминологию, предложенную теми, кто её разработал. Но замусоривание в, казалось бы, традиционных областях невозможно оправдать. Мы сами становимся ежедневными свидетелями, если не участниками, интервенции родного языка.

Вот несколько простых примеров бездумного внедрения в наш быт иностранных слов. Для чего при обучении русских бухгалтеров и экономистов используются чужеродные слова «депозит» и «депонирование», если русский язык имеет односложные синонимы — аналоги «вклад» и «передача»? Почему мы сейчас часто говорим «иду делать шоппинг»? Неужели нельзя сказать просто — «пройтись по магазинам». Чем выражения: «мой бойфренд», «моя герла» лучше русских: «мой парень», «моя девушка»?

Невозможно не согласиться с тем, что многие заимствованные слова, если их употреблять к месту, обогащают нашу речь, делают ее точной, сжатой и выразительной.

Что же касается заимствований, имеющих равнозначные русские синонимы, то употреблять их следует в языке определенного стиля, не злоупотребляя ими. Так, к примеру, зачем вместо слова «опрос» употребляют какое-то «брифаутинг»? Многие люди даже в повседневной речи употребляют слово «респект», вместо того чтобы красиво по-русски

сказать что-нибудь вроде «ваши размышления по данной теме вызывают у меня глубокое уважение» [8].

Буквально в наши дни появились и получили распространение в качестве названий различных заведений в нашем городе такие слова, как «Артём HOTEL», «Fastfood», «StopLine», «SuperGood». Разве в русском языке не нашлось бы красивых названий?

По данным специалистов, за последние годы умение детей культурно общаться значительно ухудшилось. Подрастающее поколение все хуже владеет родной речью: дети затрудняются объединять слова в предложения, правильно строить фразы, точно, ярко выражать свои мысли. Причина в том, что их «собеседником» все чаще становится компьютер, телевизор. Живое общение заменяется односторонним восприятием происходящего на экране. В результате, как показали исследования японских нейрофизиологов, у завязтых «телеманов» невосстребованными оказываются некоторые участки мозга, а у любителей видеоигр тренируются реакции и действия, практически не применимые в реальной жизни. Эти и многие другие аналогичные факты и побудили нас провести своё исследование среди учащихся 9—11 классов и студентов. Сначала мы понаблюдали за речью отдельных ребят и услышали неоднократно слова: «комикс», «юниор», «перформанс», «пиар», «хобби», «эскалация», «маркетинг», «менеджмент» и др. В беседе попытались выяснить, зачем молодёжи так много иностранных слов в повседневной речи. Ответы были разные. Вот некоторые фрагменты:

— Мы так говорим для окраски речи и придания ей некоторой яркости и пафоса... (студент института, 4 курс);

— Сейчас это модно и стильно... (ученица 11-ого класса, Марина);

— Не все явления, события, предметы можно охарактеризовать русскими словами... (не представилась).

Для создания более полной картины мы провели анкетирование, определив число участников — 100. Контингент: студенты и школьники старших классов. Результаты опроса приведены в таблице 1.

Таблица 1.

**Результаты опроса молодежи по проблеме вестернизации
русского языка**

Вопрос	Ответ, % ответивших
Ваш пол?	Мужской — 56 %; женский — 44 %.
Употребляете ли Вы в своей речи иностранные слова и выражения?	Никогда — 4 %; часто — 75 %; редко — 21 %.
Волнует ли Вас проблема чистоты русского языка?	Волнует — 43 %; не волнует — 15 %; никогда не задумывался об этом — 42 %.
Чем, по-вашему, можно объяснить столь широкое распространение иностранных слов в нашем обществе?	Свободой слова — 28 %; развитием государства — 48 %; увеличением количества эмигрантов — 24 %.
Иностранные слова среди молодежи употребляются, потому что...	1) не хватает других слов — 56 % 2) это способ самоутверждения в глазах других людей — 40 % 3) свой вариант: «по-другому меня не поймут» — 4 %
Стоит ли бороться с употреблением иностранных слов?	Это бесполезно — 53 %; можно попробовать, но не думаю, что изменится что-либо — 31 %; борьба необходима в любом случае — 16 %
Как бороться с вестернизацией?	Воспитанием — 34 %; самовоспитанием — 34 %; свой вариант: «бесполезно» — 32 %
Хотели бы Вы, чтобы Ваши будущие дети употребляли в своей речи иностранные слова?	Да — 3 %; нет — 90 %; свой вариант: «мне всё равно» — 7 %

Исходя из полученных данных в результате опроса, мы сделали вывод, что большинство ребят употребляют иностранные слова в повседневной жизни и считают это нормальным явлением, а борьбу с вестернизацией языка — бесполезной. Но, интересный факт, среди опрошенных практически нет желающих, чтобы их дети употребляли так много иностранных слов.

Это побудило нас обратиться с опросом к представителям старшего поколения — родителям наших сверстников. Было опрошено 20 человек, большинство женщин — 55 % (таблица 2).

Таблица 2.

Результаты опроса старшего поколения по проблеме
вестернизации русского языка

Вопрос	Ответ, % ответивших
Как часто Вы используете иностранные слова в речи?	Часто — 40 %; постоянно — 20 %; редко — 35 %; вообще не использую — 5 %.
Считаете ли Вы нормальным, что молодое поколение все чаще и чаще использует иностранные слова в речи?	Да — 40 %; нет — 45 %; мне все равно — 15 %.

Цифры настораживают. Опасения в том, что наши дети совсем забудут «могучий» русский язык, не безосновательны. Способствуют этому более всего, как нам кажется, СМИ. В популярных у российских читателей газетах «Аргументы и факты», «Комсомольская правда» мы увидели доминирующие группы существительных с суффиксом — «инг» (герундийные формы английского языка: например, *боулинг, роуминг, лифтинг* и др.), а также с суффиксом — «ер» (напр., *постер, ростер, байкер, брокер* и др.).

Употребляемые немотивированно слова английского происхождения часто являются агнонимами (т.е. словами, значение которых непонятно, неизвестно большинству носителей языка). Зачастую они требуют специальной расшифровки, семантизации средствами родного языка. Подобная лексика засоряет наш язык, ведёт к непониманию речи, в то время как лексика такого рода нередко может быть заменена русскими аналогами [7].

И снова обратимся к средствам массовой информации:

- *шоу-рум* — от англ. show-room «выставочный зал, демонстрационный зал для показа образцов товаров»;
- *прайм-тайм* — от англ. prime time «лучшее время» («Бразильским сериалам не место в прайм-тайме!»; — заголовок в «Комсомольской правде»);
- *блокбастер* — «сенсация; фильм, имеющий огромную популярность», от англ. разг. block-buster, первоначальное значение которого — «фугасная авиабомба крупного калибра» (ср.: *Сегодня на экраны российских кинотеатров выходит один из главных блокбастеров года — фильм «Изгой», «Комсомольская правда»*) и т. д.

На наш взгляд, дальнейшее развитие этого процесса ничего хорошего не сулит русскому языку: всем известно, что состояние

языка и культуры речи всегда являлись индикаторами состояния общей культуры российского общества.

Из всего вышесказанного делаем вывод: одной из проблем, связанных с открытостью языка и культуры, является вестернизация сознания, которая отчасти является результатом слепого следования языковой моде. В русском языке появляются слова, которые предлагают новую концептуализацию действительности с ориентацией на внешнюю красоту, наслаждение, удовольствие, материальное благополучие, прибыльность дела, карьерный рост. Это заставляет приспосабливаться к системе новых значений, что приводит к перестройке системы ценностных и мировоззренческих ориентаций по западным образцам, трансформации его картины мира [7]. Нам это не надо! Поэтому считаем, что, прежде всего, должна работать федеральная целевая программа «Русский язык на 2011—2015 годы», утверждённая в 2011 году правительством России. Основная задача программы — «сохранение духовного, художественного, научного и культурного достояния России — русского языка». И, наконец, чтобы приостановить процесс вестернизации, просто необходимо постоянно напоминать носителям русского языка, особенно молодёжи, о его достоинствах.

Список литературы:

1. Бачинин В.А. Культурология: Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005. — 672 с.
2. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. М.: Флинта; Наука, 2003. — 224 с.
3. Зарубежная политология: словарь-справочник / под ред. А.В. Миронова, Г.А. Цыганкова. М.: Независимый открытый университет, 1998. — 296 с.
4. Левицкий А.Э. Особенности взаимодействия языков и культур в эпоху глобализации // Русистика: сб. науч. тр. / Киев. нац. ун-т им. Т. Шевченко. Киев, 2010. — Вып. 9—10. — С. 10—13.
5. Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. М.: Академия, 2009. — 448 с.
6. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999. — 524 с.
7. Муравская И.А. Вестернизация сознания как результат межкультурной коммуникации (на материале заимствованных лексем). [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://vestnik.pstu.ru/_engine/ (Дата обращения: 23.04. 2014).
8. Научно-исследовательская работа на тему «Некоторые вопросы экологии русского языка» [Электронный ресурс]. Режим доступа. — URL: <http://fs.nashaucheba.ru/docs/270/index-1298583.html> (Дата обращения: 07.04.2014).

2.2. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

GEOGRAPHICAL BABY NAMES: НОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОНИМИКЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

Тархова Анна Борисовна

*ассистент кафедры теории и практики перевода
Международного Института Рынка,*

РФ, г. Самара

E-mail: abt1313@yandex.ru

GEOGRAPHICAL BABY NAMES: NEW TENDENCY IN MODERN ENGLISH ANTOPONYMY

Anna Tarkhova

*assistant to translation theory and practice teaching
department of International Market Institute,*

Russia, Samara

АННОТАЦИЯ

Благодаря стремлению к оригинальности в имятворчестве и распространению в средствах массовой информации примеров географических имен детей знаменитостей, личные имена, образованные от топонимов и этнонимов, а также их производных, стали настоящей модной тенденцией в современном англоязычном мире. Цель настоящей статьи — выявить и описать использование топонимов, этнонимов и их дериватов в качестве антропонимов в английском языке.

ABSTRACT

Personal names derived from toponyms and ethnonyms and their derivatives have become a real fashionable trend in the modern English-speaking world because of people's desire of being unique in name giving and wide distribution of geographical celebrities' baby names in mass media. The purpose of the article is to identify and describe the use of toponyms, ethnonyms and their derivatives as personal names in English.

Ключевые слова: антропоним; топоним; этноним; ономазиология; личные имена.

Keywords: anthroponymy; toponym; ethnonym; onomasiology; given names.

Одно из самых интересных проявлений вторичной номинации на базе топонимов и этнонимов — это процесс образования имен собственных людей от географических названий, или т. н. «geographical names» или «geo names». При этом в процессе создания «географических имен» принимают все виды топонимов, этнонимов и дериваты, образованные от них.

Многочисленные англоязычные порталы, содержащие списки личных имен и их значений, призванные помочь будущим родителям выбрать имя для ребенка, а также публикующие ежегодные рейтинги популярности имен, отмечают тенденцию давать личные географические имена как набирающую популярность, чему посвящены многочисленные новостные статьи и заметки, а в некоторых случаях даже целые тематические разделы [7, 8].

Если клички, образованные аналогичным образом, уже неоднократно становились предметом изучения, то данная тенденция, ввиду ее относительной новизны, пока попала только под пристальное внимание прессы [6, 7, 9], так как распространение данного феномена наблюдается в основном среди голливудских знаменитостей, которые становятся родителями. Поскольку пресса фокусирует внимание обывателей на необычных именах детей знаменитых родителей, в настоящее время тенденция называния «geographical names» принимает характер моды и распространена в США, Австралии и Великобритании.

Второе издание Oxford Dictionary of First Names официально фиксирует 97 личных имен, мотивированных топонимами, этнонимами и их дериватами [5]. Разделы интернет порталов, содержащие сведения о “geo names”, фиксируют от 78 до 120 географических личных имен [6, 7, 8], что свидетельствует о продуктивности такого рода номинации.

Исследователь Кэтрин Холл утверждает, что традиция называния детей «geo names» возникла в 1980-е годы, когда в рейтингах популярных имен для мальчиков лидировали *Austin* (столица штата Техас) и *Jordan* (Иордан — река на ближнем востоке — место крещения Иисуса Христа). В 90-е годы в США эта тенденция достигла пика благодаря популярности женских имен *Savannah* (пространства в субэкваториальном поясе) и *Madison* — имя русалки из фильма “*Splash*” — героиня фильма выбрала себе такое имя после того,

как увидела название улицы Madison Avenue (кроме того Madison это город в штате Висконсин) [6].

Универсальность топонимики в сфере личных имен подтверждается большим количеством топонимических библионимов. К таким именам относятся довольно известные и распространенные — *Ariel* (одно из имен города Иерусалим), *Bethany* (деревня, упоминаемая в Новом Завете как место рождения Лазаря), *Shiloh* (библейская река), *Sharon* (упомянутая в Библии равнина в центральном Израиле). Кроме того, это *Israel* (название страны Израиль) и *Zion* (библейский синоним Иерусалима). Также достаточно популярны такие имена, как *Eden* (Рай) и *Heaven* (Небеса), топонимы — мифонимы и библионимы [5, 6].

Интересно, что для девочек в основном выбирают имена стран, такие как *Kenya* (*Kenya*), *America*, *India*, *Ireland*, или предпочитают имена южных штатов *Louisiana*, *California* [6].

Для мальчиков характерны имена, образованные на основе этнонимов: *Finn*, *Dane*, *Scott*, *Brett* [6]. Кроме того, для мальчиков выбирают имена мест, традиционно ассоциирующихся с мужественностью, например, по имени основных городов в штате Техас: *Austin*, *Dallas*, *Houston* [6]. Многие имена универсальны и так же, как в случае с именами, образованными от фамилий, могут быть использованы для лиц обоих полов.

Известны и исторические факты случаев образования имен собственных реальных людей и литературных персонажей от топонимов и этнонимов, например, героиню романа «Унесенные Ветром» зовут *India Wilkes* (Индия Уилкс); имя Индия было довольно сильно распространено в XIX веке, что связано колониальными амбициями Британской Империи. Имя сестры Виктории Вудхил, первой женщины, баллотировавшейся в президенты США в 1872 г., *Tennessee Claflin* (Теннесси Клэфин) образовано от названия штата Tennessee, обе женщины прославились своим участием в аболиционистском движении и движении за права женщин [6].

Процесс образования личных имен от топонимов и этнонимов подчиняется процессам вторичной номинации, а именно семантической деривации. Вслед за Г.О. Щукиной мы считаем, что данный процесс номинации «неразрывно связан с представлением о семантической структуре слова, его составляющими являются сигнификат, как некое общее понятие, содержащее десигнат (различные характеристики окружающего мира) и денотат как некий объект действительности» [4, с. 111]. При этом в качестве сигнификата будет выступать само имя собственное, десигнат — это эмоциональная связь

называющего с окружающим миром, а денотат — это этноним, топоним либо их дериват, лежащий в основе антропонима.

Как отмечает Oxford Dictionary of First Names, наиболее частотной при образовании личных имен в английском языке является схема: топоним — фамилия — имя. Так образуются многие имена, узнать которые можно по топонимическим морфемам: *-mor; -ton; -er; -land; -ville; -ford* (*Brigham, Brighton, Chester, Clayton, Linford, Milton, Stanford, Glanville*). Часто такие антропонимы уже настолько вошли в язык, то не вызывают ассоциаций с топонимом, выступившим в качестве мотивационной базы.

В случае, когда процесс идет напрямую, как правило, происходит метонимический перенос по схемам: *приятные ассоциации с рельефом, пейзажем, климатом местности — имя; место зачатия ребенка — имя; утраченная родина предков — имя; национальность — имя.*

Такой процесс часто происходит импульсивно, имя рождается в четкой эмоциональной связи называющего с топонимом или этнонимом или, как описала этот процесс Т.Е. Водоватова, «являясь логически (понятийно) несущественными, коннотации в то же время обладают прагматической релевантностью» [1, с. 181]. В любом случае, такой оним, выбираемый в качестве мотивационной базы, — это памятное место, с которым связаны яркие ассоциации, либо сентиментальные чувства тоски по родине, желание проассоциировать себя с определенной нацией, либо сохранить память «откуда мы родом». При этом мотивационной базой может выступать не только сам топоним или этноним, но и их дериваты, как правило, это этнонимические прилагательные: *Roman, Alban, Moroccan, Damask* — либо сокращения. Например, дочь актера Джимми Фаллона зовут *Winnie* от Lake Winnepesaukee, озера, на котором находится загородный дом родителей [7].

Как правило, в случае прямого семантического переноса о связи антропонима с мотивационной базой говорят сами родители. При этом вслед за Л.В. Молчковой мы полагаем, что «выбор вида семантического переноса определяется той тематической областью, к которой относится предназначенный для образной десигнации концепт» [3]. Например, супруги футболист Дэвид и певица Виктория Бэкхем (*David* и *Victoria Beckham*) назвали первого сына *Brooklin* (район Нью-Йорка), так как «Нью-Йорк — город контрастов, и к тому же я обнаружила, что беременна сыном именно там», — цитата из автобиографической книги Виктории. Имена даются в честь любимого города или страны, даже по названию стиля оформления номера в отеле (певица Мераяя Керри назвала своего сына *Moroccan Scott*, так как ее супруг Ник Кэннон

(Nick Kannon) сделал ей предложение в номере отеля, оформленном в марокканском стиле). Певица и модный дизайнер Гвен Стефани (Gwen Stefan) и ее супруг музыкант Гэвин Россдейл (Gavin Rossdale) назвали своего сына *Kingston*, потому что отец имеет английские корни, а мать интересуется культурой Ямайки. Младшая дочь носит имя *Zuma* по названию Zuma Beach, который располагается рядом с их домом. Кроме того, популярность таких имен растет благодаря поклонникам этих звезд, которые сами становятся родителями и часто выбирают такие же имена для детей, как и кумиры. Имя *Memphis* от названия города Мемфис штат Теннесси, места, где прошло детство Элвиса Пресли, популярно среди поклонников певца — так зовут дочь солиста группы U2 Боно и сына актрисы Джемаймы Кирк [7].

А. Кторова свидетельствует, что тяга к оттопонимным именам спала к началу XXI века, однако утверждает, что такие имена все еще популярны, приводя в пример имена девочек-близнецов *Okla* и *Homa*, образованные от названия штата Oklahoma, а также *Minna* и *Sota* — от штата Minnesota [2, с. 28].

Самым популярным оттопонимным именем среди детей известных людей является имя *Georgia*. Так, в честь американского штата, назвали своих дочерей музыкант Мик Джаггер и Джерри Холл, актер Харрисон Форд и Мелиса Мэтисон, Эрик Дейн и Ребекка Гудхарт. Использование имени штата в качестве имени ребенка довольно широко распространено, наиболее популярны: *Georgia, Tennessee, Indiana, Dakota, Alabama, Phoenix*. На втором месте стоят названия стран: *Egypt, Ireland, Scotland, India, Morocco* [7].

Интересна мотивация: дочь Алека Болдуина зовут *Ireland*, потому что она «красива, но совершенно не умеет справляться с финансами» [7]. Одним из самых необычных «географических имен», мотивированным самым высоким пиком мира, названа дочь известного голливудского кинорежиссера Джорджа Лукаса *Everest Hobson Lukas* [7].

Многие известные родители, однако, дают детям возможность выбора, предпочитая использовать географические имена как *middle names*, окружая их именами более применимыми для повседневной жизни. Так, дочь звезды телешоу Кортни Кардашьян зовут *Penelope Scotland* [7].

Таким образом, мы отмечаем не только новую тенденцию в современной антропонимике, но и свидетельствуем, что потенциал такого типа вторичной номинации неисчерпаем, так как любой благозвучный, по мнению родителей, топоним, этноним или их дериват

имеет возможность стать именем собственным, звучным, необычным, выгодно выделяющим своего владельца из толпы.

Список литературы:

1. Водоватова Т.Е. Метафорические высказывания в свете инференциальной теории смысла // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2007. — № 1. — С. 181—183.
2. Кторова А. Сладостный дар, или Тайна имен и прозвищ. М.: Гамма Пресс 2002. — 208 с.
3. Молчкова Л.В. порождение фразеологизма как выбор и комбинирование образных и формальных средств // Современные проблемы науки и образования. Серия. Филологические науки. 2013. № 6. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2013/6/248.pdf> (Дата обращения: 10.04.2014).
4. Щукина Г.О. Продуктивный способ идиоматической номинации // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. — 2012. — Т. 18, — № 2. — С. 110—112.
5. A Dictionary of First Names (2nd edition). Oxford University Press Inc., New York, 2006. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780198610601.001.0001/acref-9780198610601> (Дата обращения: 10.04.2014).
6. Catherine Hall. Geographical places as names // Oh baby names. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ohbabynames.com/unique-baby-names/geographical-places-as-names/7#.U6BnJihiau9> (Дата обращения: 12.05.2014).
7. Essential baby. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.essentialbaby.com.au/photogallery/pregnancy/prepare-for-baby/celebrity-baby-names-inspired-by-places-20120607-1zyc4.html> (Дата обращения: 10.04.2014).
8. Everyday family. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.everydayfamily.com> (Дата обращения: 12.05.2014).
9. Baby name guide. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.babynameguide.com> (Дата обращения: 12.05.2014).
10. Reese Witherspoon and other celebrities mad for geography-themed baby names // The Washington Post, 27.09.2012 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.washingtonpost.com/blogs/reliable-source/post/reese-witherspoon-and-other-celebrities-mad-for-geography-themed-baby-names/2012/09/27/a94c0744-08e1-11e2-858a-5311df86ab04_blog.html (Дата обращения: 12.05.2014).

2.3. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА БАРСЕЛОНЫ В РОМАНЕ КАРЛОСА РУИСА САФОНА «ТЕНЬ ВЕТРА»

Ломтева Татьяна Николаевна

*д-р пед. наук, профессор
Северо-Кавказского федерального университета,
РФ, г. Ставрополь*

Бронникова Екатерина Юрьевна

*студент Северо-Кавказского федерального университета,
РФ, г. Ставрополь
E-mail: ek_bronnikova@mail.ru*

THE METAPHOR AS A DEVICE OF CREATING THE IMAGE OF BARCELONA IN CARLOS RUIZ ZAFON'S NOVEL 'THE SHADOW OF THE WIND'

Lomteva Tatyana

*dr. ped. sciences, professor of North Caucasus Federal University,
Russia, Stavropol*

Bronnikova Ekaterina

*student of North Caucasus Federal University,
Russia, Stavropol*

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является рассмотрение идиостилевых возможностей функционального поля метафоры в создании художественного образа города Барселоны. В результате анализа автор статьи доказывает, что образ Барселоны в романе «Тень ветра» отличается от стереотипного и складывается из знаков универсальных жизненных сфер семиотической системы города благодаря использованию К.Р. Сафоном метафоры.

ABSTRACT

The objective of the article is to examine the functional capacities of metaphor in creating the imagery of Barcelona within the individual style

of Carlos Ruiz Zafon. The analysis has proved that the image of Barcelona in the novel 'The shadow of the wind' is not stereotypes and is built of the signs of correspondent universal conceptual fields of the semiotic urban system of Barcelona by the way of using metaphor by the author.

Ключевые слова: метафора; образ города; семиотика города; идиостиль.

Keywords: metaphor; city imagery; urban semiotics; individual style.

Художественная литература по праву считается видом искусства, в котором наиболее полно отражается индивидуальное авторское видение мира. Роман Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра» признан одним из самых популярных произведений современной испанской художественной литературы не только в Испании, но и в мире. Город Барселона в романе представлен не только как место действия. К.Р. Сафон является уникальным писателем, так как благодаря его мастерству образ столицы Каталонии становится портретом полноценного персонажа произведения.

В создании образа города участвуют знаки, которым человек присваивает определенные образы. О.А. Ганжара полагает, что человеку свойственно наделять объекты окружения смыслом. Таким образом, пространство видимого города превращается в пространство искусственно созданного образа города [1, с. 4—5].

Рассматривая город с точки зрения семиотики, мы можем по праву считать его системой знаков. По мнению В.М. Капицына, в художественной литературе образ города складывается из образов-знаков города, которые относятся к универсальным жизненным сферам: территориально-пространственной (знакам, определяемым размером территории, ландшафтом, окружающей средой), естественно-антропологической (знакам, порождаемым социально-демографическими событиями и состояниями детства, отрочества, зрелости, старости, составом и размером семей, а также окружающим бытом, системой охраны здоровья в поселении), духовно-культурной (знаками, порождаемыми мифами, верованиями, историей, уровнем и характером духовной культуры малых сообществ). Нередко возникает доминанта той или иной жизненной сферы [2, с. 4].

В умах как испанских, так и русских читателей уже довольно прочно сложилось представление о столице Каталонии как о городе, который пользуется большой популярностью у туристов, восхищающихся архитектурными шедеврами и отдыхающих на изумительных пляжах. Автор романа «Тень ветра», будучи уроженцем Барселоны, создает её

многогранный образ, который намного шире стереотипов. Так, писатель характеризует Барселону как древний, живущий по своим правилам город XX века, у которого есть свой характер, своя история.

По мнению С.Ю. Селезневой, стилистические средства языка играют чрезвычайно важную роль в создании художественного образа в любом романе. Стилистические приемы акцентируют не только конкретные черты внешнего облика, но также и различные аспекты зрительного впечатления, выводя на первый план особенности рисуемого образа, важные для автора по тем или иным причинам. При этом значимой становится уже не физическая, а эмоциональная характеристика описываемого, то впечатление, которое может произвести формируемый образ [3, с. 6]

Стилистические выразительные средства служат для усиления экспрессивности высказываний, придания «объёмности» образам персонажей. Использование автором выразительных средств делает речь автора более насыщенной, экспрессивной, эмоциональной, яркой, индивидуализирует его стиль и помогает читателю почувствовать позицию автора по отношению к героям, моральным нормам, историческим деятелям и эпохе.

Язык произведения «Тень ветра» Карлоса Руиса Сафона плотно насыщен метафорами, которые как никакой другой троп отражают индивидуальный стиль автора. Идиостиль К.Р. Сафона отличается кинематографичностью, то есть медленным и эпизодичным разворачиванием запутанного и полного интриги сюжета. Для Сафона характерен стиль детективов, а также романов Ч. Диккенса и В. Гюго. Автор в мельчайших деталях описывает мрачные зловещие места действия, такие как кладбища, склепы, заброшенные полуразрушенные замки. Кроме того, автор вдохновляется фасадами многих зданий Барселоны, украшенных каменными фигурами драконов. Он уделяет особое внимание образу дракона ввиду его личной симпатии к этому мифическому существу. Тем не менее, готические элементы являются лишь частью идиостиля писателя. Несмотря на мистический характер сюжетов и образов, в его произведениях царит доброжелательная атмосфера благодаря дружеским и семейным отношениям между героями. В романе Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра» образ Барселоны занимает особое место, с ее характером автор знакомит читателя в описательных фрагментах текста. Такое внимание автора к этому городу объясняется тем, что в нем он родился и прожил 28 лет. С этим городом у него связано много детских и юношеских воспоминаний, и при его описании К.Р. Сафон выражает разнообразие

своих чувств и эмоций: восхищение, благоговение, подчас юмор и иронию.

Рассмотрим возможности метафоры в создании образа города из образов знаков, относящихся к территориально-пространственной сфере. С самых первых строк романа Карлос Руис Сафон уделяет большое внимание описанию погоды, ландшафта города. В следующем примере метафоры позволяют передать индивидуально-авторское видение вечера в городе - как пасмурного, но при этом романтического:

*Caminábamos por las calles de una **Barcelona atrapada bajo cielos de ceniza** y **un sol de vapor que se derramaba sobre la Rambla de Santa Mónica en una guirnalda de cobre líquido**. — Мы шли по улицам Барселоны, над которой **вдруг нависло пепельное небо** и **мутное солнце, которое жидкой медью растекалось по бульвару Санта Моника**.*

Метафоры *Barcelona atrapada bajo cielos* (букв. Барселона пойманная небом) и *un sol se derramaba en una guirnalda de cobre líquido* (букв. солнце плавилось гирляндой жидкой меди) по своей грамматической структуре являются глагольными, согласно современным испанским грамматикам [4, р. 286]. Первая метафора по сфере-донору относится к числу антропоморфных, так как приписывает небу умения человека ловить предметы руками, а вторая — к природным, так как солнце приобретает свойства металла меди, а именно цвет и свойство плавиться.

В следующем примере природная глагольная метафора *la montaña Tibidabo amanecía* живописно изображает величественный образ горы в окрестностях Барселоны.

*Alcé la vista y vi que **la montaña del Tibidabo amanecía entre nubes de gasa**. — Я поднял взор и увидел, как **гора Тибидабо встречает рассвет** в облаках.*

Благодаря данным метафорам создается образ Барселоны как романтического города, в котором природа живет по своим собственным законам, независимо от людей, которые лишь наблюдают со стороны за жизнью природы.

Перейдем к естественно-антропологической сфере, то есть образам жителей и социальной обстановки в городе в целом. В следующем примере метафора позволяет взглянуть на Барселону глазами К.Р. Сафона. Он, будучи ее уроженцем, хорошо знает, что с наступлением темноты Барселона становится опасным, предательским городом, полным сумасшедших и преступников. Эту черту образа города писатель стремится представить читателю при помощи метафоры в следующем примере:

*Aquella noche primeriza de verano, caminando por ese **anochecer** oscuro y **traicionero de Barcelona**, no conseguía borrar de mi pensamiento el relato de Clara en torno a la desaparición de su padre. — Тем июньским вечером, шагая по **погружавшейся в сумерки предательнице-Барселоне**, я не переставал прокручивать про себя рассказ Клары о пропавшем отце.*

В данном примере адъективная метафора *anochecer traicionero de Barcelona* является антропоморфной, так как только человек может быть предателем. Данный тип метафоры позволяет автору создать впечатление о Барселоне как о небезопасном городе в ночное время.

Образы знаков духовно-культурной сферы наиболее часто фигурируют в произведении Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра». Можно сказать, что именно эта жизненная сфера является доминантой в формировании образа Барселоны в романе. Используя метафору для описания знаков, относящихся к истории, культуре, искусству города, автор наиболее полно характеризует Барселону.

В следующем примере при помощи природной субстантивной метафоры писатель создает образ модной прогрессивной Барселоны. Она, как и многие европейские города, следует передовой тенденции в искусстве, а именно модерну:

*Por aquella época, la **fiebre modernista ya consumía Barcelona**, pero Jausá indicó claramente que quería algo diferente. — В то время **вирус модерна уже проник в Барселону**, но Жауза четко дал понять, что его подобные вещи не интересуют.*

Многие детали архитектурных сооружений города изображают мифическое существо — дракона. Дракон при этом перестает быть просто одним из знаков архитектуры. Образ дракона является неотъемлемой частью образа города и даже отождествляется К.Р. Сафоном с городом. Рассмотрим следующий пример:

***Dragones de piedra custodiaban la fachada** enclavada en un cruce de sombras y sus farolas de gas congelaban el tiempo y los recuerdos. — Притаившийся в полумраке **фасад охраняли два каменных дракона**, а остановившие время газовые фонари берегли воспоминания о прошлом.*

Глагольная антропоморфная метафора *Dragones de piedra custodiaban la fachada* (букв. *каменные драконы охраняли фасад*) позволяет сквозь призму видения автора придать Барселоне образ готического города-дракона.

Внешний облик города представляется К.Р. Сафону поистине волшебным. Такое видение автора выражается словами одного

из персонажей романа при помощи антропоморфной субстантивной метафоры в следующем примере:

*El diácono escuchó con atención la visión de la Jacinta y, y ateniéndose a la descripción de una suerte de catedral que, en palabras de la vidente, parecía una gran peineta hecha de chocolate fundido, el sabio le dijo: «Jacinta, eso que has visto tú es **Barcelona, la gran hechicera**, y el templo expiatorio de la Sagrada Familia...».* — Внимательно выслушав рассказ о видении Хасинты, особенно описание чего-то вроде церкви, которая, по ее словам, была похожа на большой гребешок из растопленного шоколада, мудрый диакон сказал ей: «Хасинта, ты видела **Барселону, великую волшебницу**, и собор Святого Семейства, собор искупления...».

Данной метафорой писатель показывает, что волшебство Барселоны заключено в гениальности архитекторов, которые создали ее магический образ.

Итак, проанализировав примеры употребления метафоры для создания образа Барселоны в романе «Тень ветра», мы можем сказать, что Карлос Руис Сафон создал комплексный, целостный, а главное — нестереотипный, образ города, который складывается из образов знаков универсальных жизненных сфер. К.Р. Сафон написал роман о Барселоне XX века, которая вошла в историю как романтический, близкий к природе, самобытный, волшебный, небезопасный, прогрессивный город-дракон.

Список литературы:

1. Ганжара О.А. Визуальная концепция мироустройства в современном кино: последние деньки в раю // журн. «Артикульт», Российский государственный гуманитарный университет / Факультет истории искусства. № 1 (1-2011). М., 2011.
2. Капицын В.М. Семиотика города: поиск концепта взаимодействия знаков и символов // Семинар Исследовательского комитета Российского общества социологов «Социология городского и регионального развития». М., 2013.
3. Селезнева С.Ю. Языковые средства и когнитивные модели описания внешности персонажей в англоязычной художественной прозе (на материале произведений английских и американских писателей XIX—XX вв.): 10.02.04: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. — 28 с.
4. M.ª Luz Gutiérrez Araus, Manuel Esgueva Martínez, Mario García-Page Sánchez, Paloma Cuesta Martínez, Ana-Jimena Deza Enríquez, Angeles Estévez Rodríguez, M.ª Antonieta Andión Herrero, Pilar Ruíz-va Palacios. Introducción a la lengua española. Madrid: Editorial Universitaria Ramon, 2005.

2.4. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ТРАНСТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ КАК ТИП ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОДЪЯЗЫКА ГОМЕОПАТИИ)

Буженинов Александр Эдуардович

канд. филол. наук, УрГПУ,

РФ, г. Екатеринбург

E-mail: alexandrebougeninov@mail.ru

TRANSTERMINOLOGIZATION AS A TYPE OF A TERMINOLOGICAL NOMINATION

Buzheninov Alexandr

candidate of philology, Ural State Pedagogical University,

Russia, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является выявление сущности транстерминологизации как особого типа терминологической номинации на материале подъязыка гомеопатии. Посредством компонентного анализа в его дефиниционной разновидности выявляются компоненты значения, различные для гомеопатических терминов и терминов смежных наук. Делается вывод о том, что в гомеопатическом языке транстерминологизация является особым способом терминологической номинации; выявляются различные группы транстерминологизированных терминов.

ABSTRACT

This article is devoted to the revelation of the essence of transterminology as a special type of denomination on the material of the sublanguague of homeopathy. By means of the component analysis in it's definitive variety, are revealed the components of meaning, which are different for homeopathy's terms and the terms of interdisciplinary sciences. Is made a conclusion that in the homeopathy language transterminology represents a special method of terminological denomination and are revealed different groups of transterminological terms.

Ключевые слова: термин; транстерминологизация; терминология; подъязык; гомеопатия.

Keywords: term; transterminologization; terminology; sublanguage; homeopathy.

В наши дни рост научных знаний как никогда велик. Роль формирования терминосистем как адекватного средства выражения системы научного знания трудно переоценить. В связи с этим представляется весьма актуальным исследование терминосистем, обслуживающих зарождающиеся, молодые области знания и деятельности.

Одной из таких областей является гомеопатия, ответвление медицинской науки, официально принятое в нашей стране в 1995 году. Несмотря на относительно давнюю историю гомеопатии (1799 год), подъязык этой науки еще только формируется, а в ходе экспериментальных исследований появляются новые понятия, требующие адекватной номинации.

Следует подчеркнуть, что в дальнейшем под подъязыком мы будем понимать систему языковых средств, служащую для отражения понятийного аппарата науки и вербализации (номинации) научных знаний этой науки (Н.Д. Андреев, А.С. Герд, А.И. Комарова, З.И. Комарова, И.С. Кудашев, В.М. Лейчик, А.В. Суперанская, L. Dépecker, F. Gaudin, P. Lerat, M. Slodzian, J.-M. Sager). Противопоставление специализированных подъязыков и общелитературного языка весьма условно с лингвистической точки зрения: как указывает P. Lerat, «языки для специальных целей суть не что иное, как использование естественных языков в специальном смысле» [15, с. 1]. Подъязык, таким образом, может быть рассмотрен как синоним понятию «профессиональный язык» (Fluck, Hoffman): «профессиональным языком можно назвать совокупность всех языковых средств, которые употребляются в профессионально ограниченной сфере коммуникации с целью обеспечения взаимопонимания между людьми, работающими в данной сфере» [14, с. 139].

Сказанное означает, что термины являются далеко не единственными единицами подъязыков. Так, в монографии И.П. Массалиной и В.Ф. Новодрановой указывается, что «если ранее научный дискурс включал в себя только терминологию и общелитературную лексику, то теперь в нем выделяется три основных пласта» [7, с. 65—67]:

- общеупотребительная лексика (слова общеупотребительного языка в принятом в нем значении, а также слова, использующие

связующую функцию и др. — предлоги, общеупотребительные глаголы, союзы и т. п.);

- общенаучная лексика (слова специальной сферы употребления, имеющие дефиницию и являющиеся наименованиями общенаучных концептов);

- терминологическая лексика (наиболее специфическая часть подъязыков, это термины, репрезентирующие концепты данной конкретной области знания).

- Т.Р. Кияк в программной статье выделяет пять видов лексики, функционирующей в профессиональных языках [4, с. 21—22]:

- узкоспециальные термины данной отрасли, обладающие собственной дефиницией;

- межотраслевые общенаучные терминологические единицы;

- полутермины и профессионализмы, к которым можно отнести и номенклатуры;

- профессиональные жаргонизмы;

- лексика общеупотребительного языка.

Нас в данной статье будут интересовать только терминологические единицы гомеопатического подъязыка.

Гомеопатический подъязык довольно молод, поэтому неудивительно, что многие термины, его составляющие, являются заимствованными из других наук, на которые гомеопатия опиралась в своем становлении. Среди них можно выделить психологию, молекулярную биологию, анатомию, гистологию, фармакологию, фармацевтическую химию, психоанализ и некоторые другие. Однако основным источником гомеопатических терминов является, конечно, родовая для гомеопатии наука и ее терминосистема — медицинская.

Одним из наиболее частотных способов терминологической номинации в молодых подъязках является транстерминологизация: переход терминологической единицы из одной терминологии в другую. При этом происходит определенное изменение значения термина без изменения его формы.

В этой связи важно различать транстерминологизированные термины и так называемые «привлеченные» термины, которые, принадлежа смежным областям знания, переходят в ту или иную терминосистему, сохраняя свое значение. Так, в подъязыке гомеопатии функционирует огромное число терминов, пришедших из терминосистемы родовой для гомеопатии науки — академической медицины. Это термины патологий (*анемия, конъюнктивит, цистит, маниакально-депрессивный эпизод*), термины наук и отраслей (*патологоанатомия, гистология, хирургия, нефрология*), термины свойств (*моторика желудка,*

ригидность сустава, проницаемость сосудистой стенки), термины деятели (*офтальмолог, хирург, онколог*).

При транстерминологизации, таким образом, происходит определенное изменение значения термина: к вербализуемому им понятию добавляются новые концептуальные признаки, компоненты значения, или, напротив, оно лишается уже имеющихся признаков (сужение и расширение значения). С другой стороны, будучи типом вторичной номинации, транстерминологизация сопровождается зачастую метафорическим и метонимическим переносом.

Новые концептуальные признаки являются тем новым компонентом научного знания, которое данная наука привносит в уже имеющееся понятие. Такие признаки есть и во многих гомеопатических терминах. Обнаружить эти концептуальные различия в понятиях позволяет анализ словарных дефиниций и анализ функционирования терминов в научном дискурсе.

Наш анализ показал, что транстерминологизированные термины в подъязыке гомеопатии делятся на три группы: 1) медицинские термины, перешедшие в гомеопатию с незначительными изменениями значения; 2) медицинские термины, кардинально изменившие свое значение при переходе в гомеопатический подъязык; 3) немедицинские транстерминологизированные термины. Рассмотрим подробнее каждую из перечисленных групп.

Первая категория транстерминологизированных терминов включает медицинские терминологические единицы, перешедшие в гомеопатический подъязык с незначительными изменениями значения. Так, под *острой болезнью* в медицине понимается заболевание, протекающее «с выраженными характерными для него симптомами, при своевременном лечении заканчивается выздоровлением; может перейти в хроническую форму или закончиться смертью» [11].

Рассмотрим контексты, в которых раскрывается значение того же термина в гомеопатических источниках: «К *острым болезням* относятся болезни, причина которых попадает в организм извне. У них имеются продромальный период разной продолжительности, период наибольшей активности и период спада, который заканчивается самоизлечением организма» [3]. «Если во внимание принимается совокупность симптомов, на их основании вполне можно выявить индивидуальное лекарство, однако локальные симптомы имеют при *острых болезнях* особенную ценность» [9, с. 168].

Как мы видим, в гомеопатических определениях в понятие *острая болезнь* входят новые концептуальные признаки, которые мы не находим в дефиниции медицинского словаря: причина болезни

попадает извне, течение заболевания проходит характерные стадии, наиболее показательны локальные симптомы.

Еще более ярким примером служит термин **патогенез**. В академической медицине под патогенезом подразумеваются механизмы развития заболеваний и патологических процессов. Также в широком смысле патогенезом называют учение о механизмах развития, течения и исходах болезни. В гомеопатии это понятие функционирует также в измененном виде: «лекарственный **патогенез** — совокупность симптомов, наблюдаемая при испытании лекарств на здоровых людях, и подтвержденная (либо не подтвержденная) результатами лечения больных соответствующим лекарством» [8, с. 22]. «Гомеопатический лекарственный **патогенез** — это картина повреждения организма токсической или терапевтической дозой лекарственного вещества, которая становится прямым показанием для применения этого же лекарственного средства в гомеопатии при болезнях с подобной симптоматикой» [10, с. 19].

Основное различие здесь, как мы видим, заключается в том, что понятие патогенез в академической медицине относится к болезни, а в гомеопатии — к лекарству, препарату.

В гомеопатическом подязыке функционирует транстерминологизированный термин **диатез**. Как известно, в клинической медицине под диатезом понимают «врожденную аномалию обменных процессов организма, при которой функции и обмен веществ организма приходят в состояние длительного неустойчивого равновесия, что выражается своеобразными патологическими реакциями и заболеваниями» [1].

Гомеопатия использует этот термин, трансформируя его значение добавлением только одного признака: диатез может быть не только врожденным, но и приобретенным: «**диатез** — врожденная или приобретенная, но тем не менее существенная предрасположенность, неизменно хроническая, вызывающая повреждения, многочисленные по форме, но единые по существу» [5, с. 27].

Термин **лекарственная болезнь** также по-разному функционирует в терминсистеме медицины и подязыке гомеопатии. Традиционно под этим термином скрывается понятие о «результате нежелательного, вредного «побочного» действия лекарств» [1]. Несколько отличаются гомеопатические дефиниции данного термина. Показательна следующая цитата: «к **лекарственной болезни** в клинической медицине и в гомеопатии относятся по-разному. Появление лекарственной болезни в клинике указывает на интоксикацию больного лекарственным средством и служит сигналом к прекращению лечения этим средством. В гомеопатии

лекарственная болезнь является предметом специального изучения действия лекарства посредством испытаний. Знание лекарственных болезней необходимо для проведения лечения по принципу подобия симптомам естественной болезни данного больного» [2, с. 12].

Вышеописанные примеры показывают, как гомеопатический подъязык перенимает из смежной науки (медицины) тот или иной термин и незначительно меняет его содержание (расширяет его значение путем добавления новых концептуальных признаков в понятие).

Рассмотрим теперь примеры терминов, значение которых при транстерминологизации меняется целиком и полностью.

Любопытным примером может служить гомеопатический термин *миазм*. Под миазмами в общелитературном языке понимаются гнилостные ядовитые испарения. Это понятие метафорически стало использоваться в медицине: это устаревший медицинский термин, которым до конца XIX века именовали некие «заразные начала», обитающие в окружающей среде (продукты гниения, содержащиеся в почве, болотной воде (откуда и гнилостные испарения)).

В современной гомеопатии этот термин был метафорически переосмыслен: «*миазмы* — это наиболее общие типичные алгоритмы или способы адаптации человека как единой социально-биологической системы к изменениям внешней и внутренней среды, являющейся базой для развития всех вторичных по отношению к ним хронических заболеваний» [5, с. 28]. «*Миазмы* — это патологически измененные типы конституции, определяющие индивидуальное протекание любой болезни» [10, с. 27].

Таким образом, мы видим, что данный термин полностью утратил свое прежнее значение при транстерминологизации: устаревший медицинский термин имел категориальное значение сущности, субстанции (болезнетворный агент); в гомеопатическом подъязыке этот термин используется с категориальным значением свойства (типа конституции, свойства человека адаптироваться к среде).

Еще один показательный пример — транстерминологизированный термин *сифилис*, который в современной гомеопатии не имеет ничего общего с традиционным пониманием этой болезни: в отличие от значения опасного венерического заболевания в академической медицине, в гомеопатии значение этого термина коренным образом изменено. «*Сифилис* проявляется деструктивными процессами, сопровождающимися разрушениями ткани, изъязвлениями. То есть сифилису соответствуют все процессы и изменения, искажающие ход физиологической адаптации» [6, с. 50].

Таким образом, гомеопатический сифилис является одним из типов адаптации больного организма.

Справедливо будет отметить, что полного изменения значения термина при транстерминологизации, в сущности, не происходит: какой-то концептуальный признак (или признаки) остаются, благодаря чему транстерминологизация и возможна. В вышеприведенных примерах это отчетливо видно: миазм является болезнетворным началом, искажающим фактором; сифилис и как нозологическая единица, и как гомеопатический тип адаптации сохраняет один признак: деструктивный характер, изъязвления.

Третий пласт транстерминологизированных терминов состоит из немедицинских терминов, функционирующих в подязыке гомеопатии.

Одним из таких терминов является междисциплинарный термин *модальность*. Данным понятием пользуются в лингвистике, философии, музыке, психотерапии, общей психологии (именно из последней науки гомеопатия и заимствовала данное понятие). В психологии под модальностью принято понимать одно из основных свойств ощущений, восприятий, представлений, их качественная характеристика. В гомеопатии же термин *модальность* используется в значении условий, при которых симптомы пациента появляются или исчезают, усиливаются или ослабевают. «Модальность — изменение симптомов при изменении условий внешней и внутренней среды» [8, с. 19].

Совершенно специфическое значение принимает в гомеопатическом дискурсе и термин физики *динамизация*: «Динамизация — процесс придания гомеопатическому лекарству лечебного действия» [9, с. 220]. «Термин *динамизация* означает модификацию, привносимую в действие препарата посредством встряхиваний» [13, с. 58].

Таким образом, мы можем констатировать, что транстерминологизация является одним из важнейших способов вторичной терминологической номинации. Она помогает молодым научным системам находить адекватные средства вербализации своих понятий и тем самым связывать их с понятиями других, смежных областей знания. Это обеспечивает некую преемственность науки (если речь идет о смежных науках, как в нашем случае соотношение гомеопатии и академической медицины), а также делает многие термины междисциплинарными, помогая ориентироваться и неспециалисту в различных сферах знания и деятельности.

Транстерминологизация также ценна в диахроническом аспекте. Как пишет Ю.В. Сложеникина, «изменение значения термина является результатом эволюции научного понятия, знания, выделения новых

существенных признаков в изучаемом денотате» [12, с. 69]. Транстерминологизация, таким образом, позволяет увидеть эволюцию научного понятия, а также тот вклад, который внесла в его развитие каждая конкретная наука.

Список литературы:

1. Большая советская энциклопедия (БСЭ). [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Diatez-13952.html (дата обращения: 01.06.2014).
2. Вавилова Н.М. Гомеопатическая фармакодинамика. В 2 томах. М.: Эверест, — 1994. — Том 1. — 480 с.
3. Кент Дж.Т. Лекции по философии гомеопатии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.medic-helper.ru/index.php?p=book&id=348> (дата обращения: 01.06.2014).
4. Кияк Т.Р. Лингвистика профессиональных языков и терминоведение // Терминология и знание: материалы I Международного симпозиума (Москва, 23—24 мая 2008 г.). М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2009. — С. 21—28.
5. Линде В.А. Теория миазмов Самуила Ганемана СПб.: Центр гомеопатии, 2001 — 72 с.
6. Линде В.А. Методы гомеотерапии. Пособие для врачей. СПб.: Центр гомеопатии, 2000 — 88 с.
7. Массалина И.П., Новодранова В.Ф. Дискурсивные маркеры в английском военно-морском языке. Калининград: изд-во ФГОУ ВПО «КГТУ», 2009. — 277 с.
8. Песонина С.П., Линде В.А., Васильев Ю.В. и др. Словарь терминов, используемых в гомеопатии. СПб., 2004 — 36 с.
9. Свейн Д. Гомеопатический метод. М.: ЗАО Гомеопатическая медицина, 2002. — 358 с.
10. Симеонова Н.К. Гомеопатия. Учебник. М.: «Слава!», ООО «Рекон», ООО «Форт-Профи», 2008. — 432 с.
11. Словарь медицинских терминов. // Медицинская информационная сеть. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.medicinform.net/slovar/o.htm> (дата обращения: 01.06.2014).
12. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. — 120 с.
13. Diais A. Glossaire de l'Homéopathie. Editions Boiron 1992: — 264 p.
14. Hoffman L.A. Fachsprachen als Subsprachen in Fachsprachen. Berlin. New-York: Walter de Gruyter, 1998.
15. Lerat P. Approches linguistiques des langues spécialisées / Asp 15—18. 1997. — Pp. 1—11.

ПУТИ ЗАИМСТВОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ БЛОГОСФЕРЕ

Зотова Виктория Владимировна

*аспирант кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации
Саратовского социально-экономического института (филиала)
ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
РФ, г. Саратов
E-mail: vicky.zotova@gmail.com*

WAYS OF BORROWINGS OF ENGLISH WORDS IN RUSSIAN BLOGOSPHERE

Viktoriya Zotova

*post-graduate student of the Department of translation and cross-cultural
communication, Saratov Socio-Economic Institute (branch) of federal
budgetary state educational institution of higher professional education
“Plekhanov Russian University of Economics”,
Russia, Saratov*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме функционирования англоязычных заимствований в русскоязычной блогосфере и их влияния на русский язык. Рассматриваются некоторые принципы и тенденции возникновения заимствований из английского языка в русский на материале блогов русскоязычного интернет-пространства.

ABSTRACT

The paper discusses the problem of functioning of English borrowed words in Russian blogosphere and their influence on the Russian language. Some principles and trends of the occurrence of borrowings from the English language into the Russian language based on the data from the blogs of the Russian Internet space are considered.

Ключевые слова: заимствование; принцип экономии; варваризм; транслитерация; сленг; блог; блогосфера.

Keywords: borrowed word; principle of economy; barbarism; transliteration; slang; blog; blogosphere.

Появление иноязычных слов в современном русском языке объясняется усилением информационных потоков, укреплением

международных отношений, стремительным развитием информационных технологий и различными экстралингвистическими тенденциями. Интернет как коммуникационная и информационная платформа стал неотъемлемой частью человеческой деятельности.

Влияние информационных технологий на коммуникацию огромно, так как Интернет является не только всемирной компьютерной сетью, соединяющей тысячи сетей для хранения и передачи информации. Интернет сегодня — это реализация коммуникативных потребностей людей. Как мы видим, формирование русского компьютерного сленга — это результат общения, обмена информацией между представителями разных культур, а необходимость языковой экономии — это следствие перехода лексических единиц одного языка в словарный фонд другого. «Сегодня, в период глобализации, интенсивного расширения экономических, политических, культурных связей между народами и межъязыковых контактов, изучение процессов заимствования приобретает особую значимость и актуальность» [3, с. 27].

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, «*заимствование* — это элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [4].

Лингвистическая традиция выделяет следующие причины заимствования:

1. *внутренние (лингвистические)*: «потребность уточнить или детализировать соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки; тенденция к замене исконного словосочетания иноязычным словом» [3, с. 30];

2. *внешние (экстралингвистические)*, а именно исторические, политические, технологические и др.

В отечественном языкознании с появлением социолингвистических исследований (И.В. Арнольд, М.М. Гухман, Г.М. Поспелова) основным вектором заимствования принято считать причины нелингвистического характера. Социально-экономические условия жизни, международные контакты и развитие новых информационных технологий отражаются в языковой ситуации в виде заимствований.

Сложившаяся на базе английского языка терминология вычислительной техники легко пополняется новыми терминами английского происхождения. Слова *сайт*, *баннер*, *браузер* используются в речи людей, имеющих дело с компьютерными технологиями, эти слова в настоящее время выходят в своем употреблении за рамки узкоспециального профессионального формата.

«Следовательно, эти англицизмы из сугубо профессиональной сферы переходят в узуз многих русских людей» [1, с. 36].

Рассмотрим некоторые принципы и тенденции заимствований из английского языка в русский на материале блогов русскоязычного интернет-пространства:

1) **Принцип экономии.** Принцип экономии в языке был сформулирован французским лингвистом А. Мартине. Согласно этому принципу, «изменение языка — компромисс между потребностями коммуникации и стремлением человека к минимизации усилий» [6, с. 537].

Данный принцип является характерной чертой общения в Интернете, так как пользователи Интернета стремятся сократить графическое обозначение слов в целях экономии времени и усилий написания. Однако эти изменения дают противоречивые результаты, которые плохо согласуются с принципом экономии. «С одной стороны, заимствованное слово короче описательного оборота. С другой стороны, заимствование увеличивает набор единиц. А использование иноязычных слов в речи связано с необходимостью в расшифровке их значений, т. е. с удлинением текста» [3, с. 32].

Действительно, непросвещенный пользователь Сети не сразу поймет значение многих слов, и ему придется их описывать. Однако это лишь вопрос времени, ведь количество иноязычных усеченных лексических единиц в Интернете с каждым днем увеличивается, и процесс этот необратим.

Русскоязычные пользователи Интернета заимствуют слова из английского языка и сокращают их, тем самым лексические единицы приобретают статус сленговых единиц, например: **комп** — компьютер (от англ. computer); **винт** — винчестер (от англ. winchester — жесткий диск); **инет, нет** — Интернет (от англ. Internet); **мак** — Макинтош (от англ. Macintosh — линейка персональных компьютеров производства корпорации Apple); **офф** (возможно написание **оф**) — офлайн (от англ. offline — отключенный от сети; в автономном режиме); **ак** (возможно написание **ак**) — аккаунт (от англ. account — учетная запись); **софт** (от англ. Software — программное обеспечение).

Пример из блога пользователя nordbreeze:

*Не помогло :(Специально потестил позже, не доходят сообщения, пока я **офф** :(*

Пример из блога пользователя Алексея Тимофеева:

*Сейчас разберусь с поврежденным винчестером и переформирую съемный **винт** под другой файловой системой, пока еще*

естественно не решил, но склоняюсь к MacOs файловой системе HFS+, но об этом буду думать потом.

Пример из блога пользователя *dimok*:

Меня часто спрашивают, чем я пользуюсь из софта. Я время от времени об этом пишу, и сейчас можете ознакомиться с более полным списком...

Пример из блога пользователя *БЛОГГЕР*:

Буквально на прошлой неделе читал что не стоит заводить на одном аккаунте больше одного блога. Может из одного блога у меня пострадали 20 блогов, которые были на этом акке.

Пример из блога пользователя *Эдуарда Волкова*:

Самое интересное, что на некоторых компах с той же виндовс XP и торрент-клиентом таких тормозов не наблюдалось, не было тормозов и на ноуте с вистой, но позже и на vista появились проблемы с загрузкой страниц. На какое-то время решил проблему помогал смена клиента на bittorent. Но через время инет опять начал тормозить и в ИЕ и в хrome в файрфоксе при включенном юторренте или битторренте.

Пример из блога пользователя *Никиты Шехова*:

Нежданно негаданно макам исполнилось 30 лет. По этому поводу команда создателей собиралась вместе и праздновала.

2) Тенденция к варваризации Интернет-языка. «Варваризм (греч. *barbarismos*, от греч. *barbaros* — чуждый, иноземный) — заимствованное слово или выражение, не полностью освоенное языком и воспринимаемое как чужеродное» [2].

Как правило, эквивалентом варваризма выступает общеупотребительное исконное слово. Е.В. Маринова отмечает, что «способ заимствования, при котором перенимается только фонетика и язык не получает нового лексического значения, а лишь новое звучание, является специфической особенностью субстандартных языков — жаргонов, аргю и т. п. В этих языковых сферах варваризация - обычный источник пополнения жаргонной лексики. Литературной речи такое избыточное заимствование все же не свойственно. Варваризм, как правило, не выдерживает конкуренции с литературным эквивалентом» [5, с. 67].

На письме варваризмы обычно передаются кириллицей, однако, даже в таком, внешне «русском» виде они не зафиксированы словарями русского языка и иностранных слов и не входят в литературный язык. Варваризмы характеризуются формальным приспособлением к звуковой и морфологической системе русского языка, подчиняются его словообразовательным законам и приводят

к появлению производных слов. Однако они имеют ограниченное употребление в речи, в разных стилях и в текстах разных авторов.

Следовательно, так как английский язык является аналитическим, а русский — флективным, имеет место добавление русских флексов к заимствованным словам и их фонетическое сходство с английскими заимствованиями:

расширить — от англ. *share* — делить, делиться;

забанить — от англ. *ban* — запрещать, налагать запрет ;

приаттачить — от англ. *attach* — прикреплять, прилагать;

лайкнуть — от англ. *like* — любить, нравиться;

профэйлить — от англ. *fail* — потерпеть неудачу;

пофиксить — от англ. *fix* — приводить в порядок, налаживать, чинить;

импрувить — от англ. *improve* — улучшать;

отхеппибёздить — от англ. *Happy birthday!* — С днем рождения!;

протэктить — от англ. *protect* — защищать.

Поскольку в русском языке существуют исконные лексемы для обозначения приведенных понятий, мы рассматриваем данные примеры как варваризмы. На наш взгляд, варваризмы никогда не войдут в русский литературный язык как общепринятые лексемы, но они всегда будут являться неотъемлемой частью общения в Интернете, обладая большей образностью и являясь стилистически маркированными. Вряд ли хакер или геймер (от англ. *gamer* — человек, играющий в видеоигры) будут использовать в своей речи слово «пользователь» или «обозреватель» вместо привычного ему «юзер» или «браузер».

3) Транслитерированные англоязычные заимствования (аббревиатуры и акронимы).

«**Транслитерация** (от лат. *trans* — через, *litera* — буква) — передача текста, написанного с помощью одного алфавита, средствами другого алфавита» [2].

В настоящее время наблюдается тенденция заимствования аббревиатур и акронимов из английского языка. Их популярность употребления объясняется тем, что они заметно экономят время написания и способствуют устранению перегруженности устойчивых сочетаний, что позволяет пользователям Сети не воспроизводить выражение полностью, а использовать сокращение, например:

ИМХО (от англ. *IMHO* — *In My Humble Opinion* — по моему скромному мнению);

ЛОЛ (от англ. *LOL* — *Laughing Out Loud* — громко, вслух смеяться);

FAQ (от англ. *FAQ* — *Frequently asked questions* — часто задаваемые вопросы). Иногда встречается русский аналог данного сокращения — ЧАВО (часто задаваемые вопросы);

Омг (от англ. *Omig* — *Oh, my God* — О, Боже);

СЗОТ — «сори за оффтоп» — (от англ. *sorry for off-top* — извинение за отступление от темы);

Афаир (от англ. *AFAIR* — *As Far As I Remember* — насколько я помню);

Афаик (от англ. *AFAIK* — *As Far As I Know* — насколько мне известно);

Ака (от англ. *AKA* — *Also Known As* — также известен как...).

В заключение хочется отметить парадоксальность влияния интернет-языка на русский язык. С одной стороны, наблюдается тенденция к упрощению и облегчению усилий написания лексических единиц, что заметно экономит время при общении. С другой стороны — пользователи Сети нарочно пренебрегают правилами орфографии и грамматики, тем самым подсознательно привыкая к безграмотности. Сленговые единицы уже стали выходить за рамки интернет-коммуникации. Наиболее подвластны модному влиянию школьники и студенты. Именно они употребляют в своей речи такие слова, как *аффтар*, *превед*, *пацталом*, что, возможно, негативно сказывается на общей грамотности.

Сленг существует уже много лет, однако он так и не стал частью русского литературного языка. Некоторые лингвисты создают словари, связанные с языком интернет-пользователей. Однако язык интернет-коммуникации — это динамично развивающаяся среда, где количество лексических единиц с каждым днем увеличиваются. Скорее всего, язык пользователей Сети и дальше будет оказывать влияние на общенародный русский язык, и возможно, в будущем некоторые слова перейдут из разряда сленговых единиц в общеупотребительную норму. Но пока они остаются в рамках виртуальной реальности и являются неотъемлемой частью общения как «новичков», так и пользователей-профессионалов (программистов, хакеров, ИТ-специалистов).

Список литературы:

1. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. Новосибирск, 2003. — С. 35—43.
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 2006. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.enc-dic.com (дата обращения: 30.05.2014).

3. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и лингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.tapemark.narod.ru/les/index.html (дата обращения: 30.05.2014).
5. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2013. — 296 с. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.fictionbook.ru/pages/download_prew/?file=8893499 (дата обращения: 31.05.2014).
6. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Прогресс, 1963. — С. 366—566.

Список источников примеров:

1. БЛОГГЕР. И еще не много о аккаунтах на блогспот. Удалили аккаунт на блоггер. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.vce-seo.blogspot.ru/2011/06/blog-post.html (дата обращения: 01.06.2014).
2. Волков Э. Решаем проблему: тормозит инет из-за торрент-клиента. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.volkov.in.ua/blog/reshaem-problemu-tormozit-inet-iz-za-torrent-klienta/ (дата обращения: 01.06.2014).
3. Голополосов Д., (dimok). Программы на Mac OS, моя подборка софта. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.blog.dimok.ru/programmy-na-mac-os-moya-podborka-softa (дата обращения: 01.06.2014).
4. Тимофеев А. Блин сплошная невезуха. Винт в моем NAS умирает. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.phtimofeff.ru/2013/04/blin-sploshnaya-nevezukha-vint-v-moem-nas-umiraet (дата обращения: 01.06.2014).
5. Шехов Н. 30 лет компьютерам Макинтош. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.nikitashekhov.com/blog/2014/01/27/mac-30/ (дата обращения: 01.06.2014).
6. nordbreeze. ADIUM. Сообщения ICQ не приходят, если я был в оффлайне. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.ru-mac.livejournal.com/13986908.html?thread=183185500 (дата обращения: 01.06.2014).

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ ПРОСПЕКЦИИ И РЕТРОСПЕКЦИИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Чиговская-Назарова Янина Александровна

*канд. филолог. наук, доцент Глазовского государственного
педагогического института им. В.Г. Короленко,
РФ, г. Глазов*

E-mail: yaninaggpi@yandex.ru

FORMS OF INTERACTION OF THE TEXT CATEGORIES OF PROSPECTION AND RETROSPECTION IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Janina Chigovskaya-Nazarova

*candidate of Philology,
Associate Professor of Glazov State Pedagogical Institute,
Russia, Glazov*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются формы взаимодействия текстовых категорий ретроспекции и проспекции в научном дискурсе. Описано языковое выражение двух форм взаимодействия: соположения и взаимопроникновения.

ABSTRACT

Forms of interaction of the text categories of prospection and retrospection in scientific discourse are being examined in the article. Language expression of the two forms of interaction is being described.

Ключевые слова: категория ретроспекции; категория проспекции; научный дискурс; взаимодействие; формы; соположение; взаимопроникновение.

Keywords: category of retrospection; category of prospection; scientific discourse; interaction; forms; interosculation.

Специфической чертой текстовых категорий ретроспекции и проспекции (далее — КР и КП) является неразрывная, экстралингвистически обусловленная взаимосвязь, их двуединство. Диалектическое взаимодействие данных категорий в семантической ткани

научного произведения (дискурса) проявляется в их «соположении» и «взаимопроникновении». Оно является отражением в научном тексте проспективно-ретроспективного характера мышления ученого в процессе производства нового знания.

Вместе с тем тесное взаимодействие КР и КП обусловлено не только экстралингвистическими факторами, но и динамической моделью дискурса, которая основана на том, что каждый элемент структуры текста оказывается ретроспективным и проспективным одновременно и должен рассматриваться в этом двуединстве.

Обе категории, являясь формами дисконтинуума, приостанавливая «бег» линейного развертывания текста, одновременно связывают, скрепляют прошлое и будущее, «старое» и «новое» знание, выраженное содержанием текста в локально-темпоральное единство («хронотоп»), способствуя тем самым созданию многомерности научного дискурса. Возвращая читателя назад, к коммуникативно и концептуально значимым моментам содержания, автор последовательно продвигает изложение своей концепции вперед, что позволяет говорить о едином проспективно-ретроспективном характере как познавательной, так и текстотворческой деятельности познающего субъекта [5, с. 34].

Наиболее часто средствами ретроспекции и проспекции одновременно проявляется указание на *переход* авторских рассуждений от одной подтемы к другой (или от темы к теме), что способствует организации четкой и ясной композиции. Как правило, смена темы происходит в начале нового раздела или в конце предыдущего раздела, главы, параграфа. Наиболее типичным оказывается следующее построение начала абзаца: в одном предложении, первая часть которого напоминает читателю о предшествующем контексте, а вторая — сигнализирует о дальнейшем ходе рассуждения. Приведем типичные примеры. Текстовые фрагменты ретроспекции будем отмечать стрелками (\leftarrow), а проспекции (\rightarrow). Стрелки указывают направление векторной связи).

«Соположение» представляет собой способ взаимодействия КР и КП, при котором эти текстовые категории сосуществуют, объединенные коммуникативной общностью, но не «пересекаются». «Соположение» двух категорий характеризуется контактным расположением ретроспекции и проспекции:

1. в рамках предложения, когда в нем присутствуют одновременно сигналы ретроспекции и проспекции. Например: *Если до сих пор шла речь о (\leftarrow) том аспекте, который имеет отношение к проблеме существования, то ниже будет затронут (\rightarrow) аспект, связанный с...* [1, с. 200];

2. в двух соседних предложениях в пределах одного абзаца: До сих пор мы говорили лишь об(←); Теперь проследим, (→) как... [2, с. 9];

3. в двух соположенных предложениях следующих друг за другом абзацев.

«Взаимопроникновение» представляет собой способ взаимодействия КР и КП, при котором текстовые категории как бы перехлестываются, когда один и тот же языковой элемент служит реализации двух категорий.

Смысловая спаянность в некоторое единство достигается прежде всего за счет употребления глаголов «двойной» семантики (ретроспективной и проспективной), например, *возвращаться, повторять, вспоминать*. Будучи по лексическому значению ретроспективными, эти глаголы при использовании в форме будущего времени (нередко с модальностью необходимости, долженствования) получают в контексте ретроспективно-проспективное значение: Итак, повторим (↔); Необходимо при этом еще раз вернуться (↔) к теме нашей книги [3, с. 40].

Заметим, что повторение предшествующей информации актуализирует ранее изложенное, выделяет и усиливает его смысловую значимость. Кроме того, являясь смысловым «фиксатором», повторение ведет читателя к глубинному постижению основного авторского замысла.

Сигналами «слитности» КР и КП при смысловом обобщении материала являются семы «завершенности», «итогового конечного результата» в предложениях-клише типа: *Резюмируя изложенное (↔), можно сделать вывод (→), что...; Обобщая изложенное (↔) в данном параграфе, подчеркнем (→) следующие моменты... и т. п.*

Особенно значимым для организации читательского восприятия является установление одновременно *контактных* и *дистантных* связей между ретроспекцией и проспекцией, образующих так называемую «регулятивную рамку» [4, с. 215]. Использование «регулятивной рамки» приводит к раскрытию взаимосвязи начала и конца научного текста, в котором движение некоторой «смысловой нити» получает исчерпывающее выражение. Иначе говоря, подводит к заключительной «точке» текста, сигнализирует о достижении авторского замысла в рамках научного текста. Информация, актуализированная в самом начале, является определяющей для всей работы, она задает перспективу дальнейшего раскрытия, «лейтмотивом» проходит через весь текст и, следовательно, возвращение к ней свидетельствует о завершенности данного исследования; например: *Мы начали статью некоторыми наблюдениями над «действующими силами» языка. Мы хотим и закончить возвращением к теме* [1, с. 188].

Разнонаправленные во временном и смысловом отношениях, ретроспекция и проспекция имеют общую функциональную «природу»: принимать участие в экспликации движения от старого, уже известного читателю по данному тексту к новому (собственно авторскому) знанию. В соответствии с этим динамика развития мысли характеризуется проспективно-ретроспективной связью, в которой каждый смысловой момент авторской концепции соотносится с предшествующим. При этом все ранее воспринятые коммуникативно значимые смысловые моменты содержания объединяются, интегрируются памятью для дальнейшего развития, т. е. взаимопроникают друг в друга. Благодаря этому достигается непрерывность, спиралевидная поступательность движения научного рассуждения. Более того, поступательное развертывание авторской концепции предусматривает целенаправленную управляемость читательским восприятием и пониманием.

Таким образом, в процессе управления познавательной деятельностью читателя «сеть ретроспекций и проспекций» призвана облегчить процесс восприятия и понимания коммуникативного намерения автора и, в конечном счете, достичь определенного коммуникативного эффекта. Textoобразующая функция тесного «переплетения» ретроспекции и проспекции позволяет читателю восстанавливать путь последовательного развития авторского замысла, направлять внимание на переход авторских рассуждений от одного этапа научной мысли к другому, в совокупности обеспечивающих непрерывное движение научного дискурса.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. О новом, первом и последнем // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Изд-во «Индрик», 1997. — С. 170—200.
2. Захарова Е.П. Коммуникативные категории и возможность их классификации // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, — 1998. — Вып. 4. — С. 9—17.
3. Николаева Т.М. О функциональных категориях линейной грамматики // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. — С. 37—49.
4. Петрова Н.Г. Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К.Д. Бальмонта: Автореф. дис...канд.филол. наук. Томск, 2000. — 366 с.
5. Чиговская-Назарова Я.А. Авторская ретроспекция в научном дискурсе // Современные научные исследования и инновации. — 2014. — № 2 (34). — С. 34—36

2.5. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМЕН ЦВЕТА В ЯКУТСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Борисова Мария Владимировна

*ассистент кафедры английской филологии
Института зарубежной филологии и регионоведения
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
РФ, г. Якутск
E-mail: maria_vladm@mail.ru*

LINGUISTIC REPRESENTATION OF COLOR TERMS IN YAKUT AND RUSSIAN LANGUAGES

Borisova Maria

*assistant teacher Department of English philology Institute of Foreign
philology and Regional Studies North-Eastern Federal university,
Russia, Yakutsk*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены особенности деления цветового континуума в якутском и русском языках, этимология цветообозначений. Автор также рассматривает такое явление как «сложные прилагательные цветообозначения».

ABSTRACT

This article presents peculiarities of division of color continuum in Yakut and Russian languages as well as etymology of color terms. Author also touches upon such phenomenon as “complex CT adjectives”.

Ключевые слова: цветообозначения; сложные прилагательные цветообозначения.

Keywords: color terms; complex CT adjectives.

Окружающий мир человек воспринимает цветным. Этот факт является для него значимым, что позволяет говорить об особенностях цветового видения мира как индивидуумом, так и представителями разных этнокультурных сообществ. Очевидным является то, что практически в каждом языке присутствуют слова, называющие цвет. Как полагает Н.Б. Бахилина, “в основном это прилагательные — цветообозначения” [1, с. 5]. Отличительным признаком микросистемы имен цвета (ИЦ) в каждом языке является своеобразное членение цветового континуума.

Материалом для данной статьи послужили ИЦ якутского языка, которые анализируются в сопоставлении с русскими колоративами. Актуальность выбранной темы определяется прежде всего тем, что цветоименования якутского языка до настоящего времени системному описанию не подвергались, тогда как в русском языке по данной проблеме имеется большое количество работ. Интерес представляет разноструктурность языков, принадлежность русского языка к флективному типу в противоположность агглютинативному строю якутского языка.

Ядро семантического поля цветообозначений в том или ином языке составляют основные названия цветов. Вслед за Б. Берлином и К.Кеем под основными цветообозначениями мы будем понимать: 1) производные слова, слова, имеющие одно лексическое значение, что исключает такие сочетания, как *чээлэй күөх* ‘ярко-зеленый’; 2) лексемы, не указывающие на оттенки. Например, *кугас* ‘рыжий’, ‘красно-бурый’ является оттенком ИЦ *кыһыл*; 3) слова, обладающие большой сочетаемостью, например, *үрүң былыт* ‘белое облако’, *үрүң санаа* ‘светлая мысль’, *сымыт үрүңэ* ‘яичный белок’, где ИЦ *үрүң* употребляется как в прямом, так и переносном смысле; 4) цветообозначения, имеющие психологический «вес», первыми упоминаются информантами, обладают устойчивым денотативным значением [14]. Якутский язык имеет следующие основные цветоименования: *үрүн/манган* ‘белый’, *хара* ‘черный’, *кыһыл* ‘красный’, *күөх* ‘зеленый, голубой’, *араҕас/ саһархай* ‘желтый’, коричневый ‘*хоһор*’. Как свидетельствует материал, якутские ИЦ отличаются от русских в количественном отношении, а также по значению.

В якутском языке употребительны два наименования белого цвета *үрүн* и *манган*, которые различаются по стилистической окраске: ИЦ *үрүн* имеет ‘высокое значение’, такое как ‘светлый’, ‘чистый’, ‘божественный’ [6, с. 3179]. Слово *манган*, нейтральное по стилистической окраске, является заимствованием из монгольских языков.

Кроме того, желтый цвет в якутской лексике представлен двумя словами, которые указывают на различие по степени насыщенности. В “Словаре якутского языка” Э.К. Пекарского ИЦ *араҕас* в большинстве примеров употребляется в значении ‘желтый’: *араҕас арыы* — ‘желтое масло’; *араҕас чэчир* — ‘желтое деревцо’, *араҕас таас* — ‘желтый камень’; *араҕас көмүс* — ‘золото’; *ан ыйа дайды араҕас сабарата* — ‘золотистое средоточие матери-земли’ [6, с. 127]. Слово *саһархай* расшифровано такими ИЦ, как ‘желтокрасный’, ‘рыжий’, ‘гнедой’ (о лошади); ‘русый’ (о волосах); ‘карий’ (о глазах); ‘желтый’, ‘оранжевый’. *Саһархай* обладает более красным, оранжевым оттенком в отличие от ИЦ *араҕас*.

Яркой характеристикой лексической системы якутского и других тюркских языков является наличие ИЦ со значением ‘макросиний’: голубой, синий и зеленый цвета репрезентированы одной лексемой *күөх*. Обычно зеленый и синий (голубой) цвета различаются при помощи детерминативов *от* ‘трава’ (*от күөх* ‘зеленый, как трава’) и *халлаан* ‘небо’ (*халлаан күөх* ‘голубой, синий, как небо’). В “Толковом словаре якутского языка” П.А. Слепцова приводятся следующие выражения: *дьэнкир күөх* — *сырдык күөх* ‘светло-зеленый (о сене)’, *күөх манган халлаан* — *былыта суох олус ыраас халлаан* ‘чистое безоблачное синее небо’, *чээлэй күөх* — *сып-сырдык от күөх* ‘ярко-зеленый’ [11, с. 76—79]. Аналогично семантической структуре лексико-семантической группы цвета в русском языке, в котором репрезентированы два наименования холодной части спектра (*голубой, синий*), в якутском языке употребительны два наименования желтого цвета (*араҕас, саһархай*). Данные ИЦ различаются по степени интенсивности, насыщенности.

В базисные ИЦ в русском языке входят двенадцать слов (*красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, серый, белый, черный, коричневый и розовый*) [2, с. 116], в якутском — семь лексем (*үрүҥ, манган, хара, кыһыл, күөх, араҕас, саһархай*). Причем наименование коричневого цвета *хонгор* малоупотребительно и не входит в число базовых наименований цвета.

В якутском языке, так же как в русском языке, исконные ИЦ указывают “на цвет соответствующих распространенных предметов или объектов природы” и действительности [2, с. 9]. ИЦ *күөх* восходит к тюркскому слову *kok* [8, с. 287], которое имело первоначальное значение ‘небо’ [9, с. 66—67], а также обладало “адъективной семантикой и обозначало нерасчлененный участок спектра ‘зеленый-голубой-синий’ с целым рядом неярких оттенков” [10, с. 604]. В русском языке отсутствует палитра “макросинего”, но имеется

деление цветового спектра на голубой и синий. ИЦ *синий* этимологи относят к группе слов *сив, сиять*, что связано с сиянием ночного неба, покрытого звездами [1, с. 176—177]. ИЦ *голубой* происходит от праславянского *golǫbь* ‘голубь’, что соответствует окрасу его шейки, а также этимологически связано с литовским словом *gulbe* ‘лебедь’, происходящим от и-е. корня *ghel/ ghol* ‘желтый’, ‘зеленый’, ‘серый’, ‘синий’, ‘голубой’ [12, с. 201—202]. Равным образом происходит и ИЦ *зеленый*, родственным которого считается латинское *helvus* (*g'heluos*) ‘янтарно-желтый’, ‘буланый’ [12, с. 324].

Языковая репрезентация ИЦ *желтый*, как было отмечено ранее, передана в якутском языке двумя ИЦ — *араҕас, саһархай*. Слово *араҕас* восходит своими корнями к тюркскому слову *сарыг* [11, с. 519], так же как слово *саһархай* [6, с. 2117]. Данные лексемы произошли от одного корня — *saryu* (от старотюркского *saz* ‘желтый’) [9, с. 221]. Считается, что помимо значения ‘желтеть’, лексема *saryu* передает значения ‘внудить’, ‘стареть’, ‘чахнуть’, ‘бледнеть’ [10, с. 602]. Глаголы действия подтверждают значение слова, поскольку связаны с постепенным увяданием (исчезновением) былого цвета.

ИЦ *кыһыл* восходит к глагольной основе тюркского языка *quz* [7, с. 826], что значит ‘быть красным’, ‘накаляться’, переносное ‘возбуждаться’ [9, с. 189—190]. Мотивирующим фактором данной словоформы послужил не цвет, а семантическая связь с ‘сильным нагреванием, накаливанием и переносно — с сильным психологическим возбуждением’ [10, с. 602—603]. Схоже происхождение ИЦ *красный* в русском языке. Языковеды полагают, что данное ИЦ происходит от литовского *krosnis* ‘печь’, что, вероятно, связано с зрительным восприятием накаливания, покраснения печи и ощущением жара, от которого краснеет кожа. Согласно другой этимологической версии, ИЦ *красный* происходит от готского *hrop* ‘слава’ (*hropeigs* ‘славный’, ‘пославленный’, др.-исл. *hrosa* ‘хвалить’, др.-сканд. *hrodr* ‘слава’) [12, с. 440].

ИЦ *үрүң, маҕан* восходят к двум разным лексемам. ИЦ *үрүң* произошло от тюрк. *ürünj*, которое имеет следующие значения: ‘белый’ (о цвете серебра), ‘седой’, ‘светлый’, ‘ясный’, ‘чистый’, ‘благородный’, ‘молоко’ и т. д. Э.Р. Тенишев пишет, что данное слово было вытеснено из обихода более употребительным словом *aq* ‘белый’, однако все же не приобрели некоторые из его значений [10, с. 601]. Специалисты отмечают, что якутский язык практически единственный из современных тюркских языков сохранил слово *үрүң*. В “Словаре якутского языка” Э.К. Пекарского ИЦ *маҕан* сравнивается со словом хакасского языка койбальского

наречия *маҕан*, означающим ‘белая масть’ (о лошади), ‘с белым пятном на лбу’ (о лошади и корове) [6, с. 1499, 1525]. Как пишет Л.Л. Габышева, “указанные якутские имена цвета различаются по происхождению, своему смысловому объему и сочетаемости, отчасти стилистической окрашенностью” [4, с. 78]. В “Толковом словаре якутского языка” П.А. Слепцова слово *манган* означает ‘белый с желтоватым оттенком’, ‘изжелта-белый’, ‘молочно-белый’ в описании внешности человека; ‘желтовато-белый’ о масти лошади или волосах человека [11, с. 224]. ИЦ *үрүҥ* имеет ‘высокое значение’, такое как ‘светлый’, ‘чистый’, ‘божественный’, например, *үрүҥ аат* ‘высокое имя’, *үрүҥ аар артык* ‘светлый божественный путь’, *үрүҥ санаа* ‘светлая мысль’, *үрүҥ соло* ‘светлый сан’, ‘белое (благородное) назначение’, *үрүҥ тыын* ‘белое (нежное, чистое) дыхание’, ‘белая душа (жизнь)’ [6, с. 3179—3180].

В русском языке ИЦ *белый* семантически связано с цветом мела, блеска, белил и просходит от индоевропейского *bhel/bhol* ‘блестеть’, ‘блестящий’, ‘светлый’, ‘белый’ [12, с. 84], что, в свою очередь, соотносимо со значениями ИЦ *үрүҥ*. Однако лексема *белый* ‘высоким значением’ не обладает.

Цветовой антоним *хара* восходит к тюркскому *qara*, известному и монгольским, и тунгусо-маньчжурским языкам. Он имеет довольно разветвленную семантическую структуру, обозначающую ‘черный’, ‘темный’, ‘смуглый’, ‘ночь’, ‘вороной’, ‘сажа’, ‘чернила’, ‘письменность’, ‘траур’, ‘земля, суша, материк’, ‘грязь’, ‘большой, обильный’ и так далее [6, с. 592—593]. Данные значения слова *qara* сохранились и в якутском языке: *хара ат* ‘вороная лошадь, вороной конь’, *хара баран* ‘смуглый’, *хара былгыт* ‘темное облако’, *хара тыа* ‘черный, темный бор’, *сурук харата* ‘черновик письма’, *хара быар* ‘черная печень’, ‘самая печень’, *хара киэһэ* ‘поздний вечер’. Отмечается высокая сочетаемость данной лексемы, множественность семантических связей, придающая слову *хара* различные значения. ИЦ *черный* в русском языке также имеет большое количество значений: ‘самый темный’, ‘имеющий цвет сажи, угля’, ‘безрадостный’, ‘мрачный’, ‘тяжелый’, ‘плохой’, ‘темнокожий’ и так далее [12, с. 383], а также высокую сочетаемость, например, *черный лес* ‘лиственный лес’, *черный хлеб* ‘ржаной’, *черная душа* ‘дурной, бессовестный человек’, *черные мысли* ‘мрачные, печальные мысли’, *черные книги* ‘содержащие черную науку’, *черная лодка* — лодка ‘для глады, не для перевозки людей’ и т. д. [5, с. 611—612].

Вышесказанное подтверждает низкую словообразовательную мотивацию в якутском языке. Многие слова-цветообозначения при субстантивации приобретают иные переносные значения. Форма

слов в таком случае не меняется. Лексема *кыһыл* в функции существительного означает ‘краснота’: *улар харабын үрдүн* ‘красное пятно над глазами тетери’ [6, с. 1438]. Одним из значений слова *күөх* является ‘зелень’: *көрдөх күөхпүт көбөрдө* ‘праздничная зелень наша зазеленела’ [6, с. 1323]. Русский военно-политический термин ‘белые’ послужило семантической калькой для лексемы *үрүҥ*. ИЦ *үрүҥ* имеет несколько значений, зависящих от сочетания с другими словами: ‘беловик’ (*үрүҥнэ таһар* ‘переписывать набело, перебеливать (рукопись)’); ‘белизна’ (*мас үрүҥэ* ‘белизна, которая на дереве’); ‘белок’ (*харах үрүҥэ* ‘белковая оболочка глазного яблока’), ‘несвободная часть ногтя’ (*тыгырахүрүҥэ*) [6, с. 3178—3179].

Лексема *хара* также приобрела множество значений, основным из которых является ‘чернота’ (*күн ый хаххалыаччы хара тугуй* ‘что это за чернота, застилающая солнце и луну?’). Следующие же значения являются контекстуально связанными: ‘черновик письма’ (*сурук харата*); ‘сердцевина карандаша’ (*харандас харата*); ‘конец, свободная часть ногтя’ (*тыгырах харата*); ‘роговая оболочка’ (*киһи харабын харата*); ‘проквашенное молоко’ (*ынах харата*) [6, с. 3330—3331].

В отличие от других ИЦ, приобретших абстрактные значения вследствие субстантивации, лексема *хонгор* имеет конкретное значение: ‘гусь гуменник’, ‘толстоклювый гуменник’, ‘дикий гусь’ [6, с. 3490].

Еще одним фактором, подтверждающим низкую словообразовательную мотивацию в якутском языке, является особенность системы повторов в цветообозначениях. Редупликация звуковой оболочки ИЦ (*үт-үрүҥ*, *мап-манан* ‘пребелый’, *хап-хара* ‘пречерный’, *кып-кыһыл* ‘красный-прекрасный’, *күп-күөх* ‘презеленый’, *ап-араҕас*, *сап-саһархай* ‘прежелтый’) придает колоративу интенсивность, усиливает его значение. Например, *күн тэнэ ап-араҕас* ‘подобно солнцу прежелтый’. Но если в якутском языке повтор является частичным, то в русском языке преобладает полный повтор ИЦ (с добавлением приставки *пре-*): *белый-белый*, или *белый-пребелый*, *синий-синий*, или *синий-пресиний*, *зеленый-зеленый*, или *зеленый-презеленый* и т. д.

Как было описано ранее, происхождение базовых ИЦ в якутском языке связано с названием предмета, имеющего схожий цветовой признак. В якутском языке для называния оттенка цвета был применен тот же подход. К слову-цветообозначению было привязано слово, обозначающее объект окружающей действительности, имеющий соответствующий оттенок, например: *саһыл араҕас* ‘листья желтый’, ‘*хаар манан* белый (как) снег’, *уот кугас* ‘огненно-рыжий’ и т. д.

В русском языке данная конструкция соответствует выражениям типа «цвета...», «имеющий цвет...», «напоминающий цветом (по цвету)...», «цветом подобный.../ подобный цветом...» и т. д., например: *белый как лебедь, цвета кофе с молоком, напоминающий цветом море*.

Как полагает Л.Л. Габышева, в якутском языке первый компонент, образованный от имени существительного, является эталоном данного цвета, определяющим традиционный взгляд носителей языка [3, с. 54]. Помимо существительного в якутском языке, как и в русском, первым компонентом может быть прилагательное, служащее для обозначения оттенка, степени насыщенности, яркости, например: *күөх борон* ‘серый с синим оттенком’, ‘темно-синий’, *сырдык араҕас* ‘соловый’ (*сырдык* ‘светлый’), *дьэнкир күөх* ‘светло-зеленый’ (*дьэнкир* ‘пропускающий свет, прозрачный’), *чээлэй күөх* ‘ярко-зеленый’ (*чээлэй* ‘яркий’) и т. д.

Интересно семантическое деление групп составных прилагательных. Оно отражает различные сферы традиционной жизни якутов. Главным занятием якутов было разведение рогатого скота и лошадей, которое играло жизненно важную роль. Последнее определяет многочисленность группы, обозначающей масти коней и коров: *далан араҕас* ‘с полоской кроваво-красного цвета на гриве, брюшке и хвосте’; *куба араҕас* ‘грива, круп и спина желтого цвета, колени и грудь — соловые’ (*куба* ‘лебедь’), *күдэн араҕас* — *сырдык кугас* ‘игренивая со светлой гривой’ (*күдэн* — ‘марево во время длительного летнего зноя или туман из-за сильных морозов зимой’; ‘густой дым, пыль’ и т. д), *монгул кугас* ‘темно-рыжий со светлой гривой и хвостом’, *хатыр (чыгыл) манган* ‘молочно-белый’, *чуоҕур манган* ‘белый с темными пятнами, *саадьаҕай кыһыл* ‘красный с белыми пятнами на спине’ и так далее [11]. Содержание компонентов составных прилагательных других групп отражает бытовую жизнь якутов, основными элементами которой являются:

а) продукты питания: *арыы саһыл* ‘желтовато-красный’ (*арыы* — ‘масло’), *өһөх куас* ‘медно-рыжий’ (*өһөх* — ‘сгустки крови, которые отстаивали в течение суток в сосуде’ (сгустки убираются, а остальное используется для приготовления кровяной колбасы);

б) природный и животный мир: *куба манган* ‘выделяющийся своей нарядной белизной’ (*куба* — лебедь), *күллуну борон* ‘пепельно-серый’ (*күл* — ‘пепел’), *солондо кугас* ‘рыжий’ (*солондо* — ‘хорек’, ‘колонок’, ‘колонковая шуба’), *туос кугас* ‘светло-желтый’ (*туос* — ‘береста’, ‘берестяной’), *хаар (муус, туус) манган* ‘белоснежный’, ‘белый как снег’, ‘ослепительно белый’ (*хаар* — ‘снег’, *муус* — ‘лед’, *туус* — ‘соль’);

с) предметы быта: *куочай кугас* ‘красновато-рыжий’ (*куочай* — ‘палка, отделанная в виде стрелы и надетая на сучок высоко над землей, на которую шаманы вешали шкуру жерственной скотины’);

д) культурное пространство: *уот кыһыл* ‘огненно-красный’ (*уот* — ‘огонь’) и т. д.

Таким образом, языковая репрезентация имен цвета в якутском языке во многом отличается от русского языка как в количественном, так и в качественном отношениях. Разноструктурность языков позволяет выявлять четкие различия. Наличие сходств свидетельствует о том, что носители русского языка, имея тесный контакт с носителями якутского языка, во многом повлияли на развитие и формирование значений ИЦ в якутском языке. Однако основная ‘семантическая масса’ остается неизменной.

Список литературы:

1. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. — 286 с.
2. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А.П. Василевича. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 216 с.
3. Габышева Л.Л. Якутские цветковые прилагательные: семантика и ассоциации // Языковое сознание: содержание и функционирование. М., 2000. — с. 54.
4. Габышева Л.Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003 (Чтения по истории и теории культуры). — 192 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4 т. СПб., 1882. — 704 с.
6. Пекарский Э.Р. Словарь якутского языка, в 3 т. СПб., 1959.
7. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. СПб., 1899. — 1052 с.
8. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков / Перевод с нем. А.А. Юлдашева. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. — 221 с.
9. Севортыан Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Л”, “М”, “Н”, “П”, “С”. М.: Восточная литература РАН, 2003. — 446 с.
10. Тенишев Э.Р., Благова Г.Ф., Добродомов И.Г., Дыбо А.В., Кормушин И.В., Левитская Л.С., Мудрак О.А., Мусаев К.М. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. — 800 с.

11. Толковый словарь якутского языка: в 7 т. / Гл. ред. П.А. Слепцов. Н.: Наука, 2004—2010.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999.
13. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970.
14. Berlin В. and Kay Р. Basic color terms, their universality and evolution. Berkeley; Los Angeles, 1969.

СЕКЦИЯ 3.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

3.1. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

ЗНАЧЕНИЕ РИСОВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ

Петрова Наталья Юрьевна

*педагог Искусства в МБОУ Педагогического лицея,
РФ, Ульяновской области, г. Димитровград
E-mail: natalypetrova.2011@mail.ru.*

VALUE DRAWING IN TEACHING CHILDREN

Petrova Natalia

*teacher art in Pedagogical Lyceum, MBOW.
Russia, of Ulyanovsk oblast, Dimitrovgrad*

АННОТАЦИЯ

Автор статьи затрагивает вопрос важности предмета рисования в образовании детей, указывая на проблему свободного выбора урока искусства как дополнительного занятия в современной школе. Особое внимание автор уделяет важности рисования в развитие чувств, мышления и других полезных качеств личности, навыков и умений. А также делает вывод, что предмет «Искусство» должен вести специалист и его нельзя убирать из основной программы обучения детей.

ABSTRACT

The author of the article raised the question of the importance of drawing in the education of children, pointing out the problem of the free choice of the lessons of art as additional classes at the modern school. The author devotes special attention to the importance of drawing in the development of the senses, thinking and other useful qualities, skills

and abilities. And concludes that the "art" must be a specialist and it cannot be removed from the basic curriculum for children.

Ключевые слова: образование; способность; семь интеллектов; мультимедийный комплекс; профессионал.

Keywords: education; ability; seven intellects; Multimedia complex; Professional.

Ребенок рисует потому, что он не может не рисовать.

Эта самая ценная особенность детского творчества — в этом дети совершенно равны с великими художниками.

Реформа народного образования затронет многие аспекты обучения и будет проводится по нескольким направлениям, например, сокращение основных предметов, право свободного выбора предметов. Урок «Искусство» попадает в перечень дополнительных дисциплин учебных предметов, и чаще заменяется его «удобным» предметом. Большинство родителей хотят, чтобы их ребенок вырос счастливым, здоровым, самостоятельным, уверенным в своих силах, целеустремленным и успешным человеком. Но, к сожалению, современная система образования и воспитания не приведет к таким результатам.

В большинстве детских учебных учреждений стремятся «напичкать» ребенка знаниями и умениями, игнорируя интерес ребенка и общества. Тем самым выращивают одинаковых, удобных окружающим, послушных, безынициативных исполнителей с навязанными ценностями и убеждениями.

Многие взрослые направляют все свое внимание на развитие интеллектуальной сферы ребенка, забывая о том, что обедненная эмоциональная сфера ведет за собой замедление интеллекта. И, выходя из школы в большую жизнь, такой человек сталкивается со сложностями в выборе профессии и жизненного пути. Он не имеет собственных жизненных ориентиров: что важно лично для него, что он любит, к чему стремится, какую жизнь хочет прожить. Он привык следовать только чужим правилам и схемам. Слова Дени Дидро *«Если какая-нибудь страна научит своих граждан рисовать так же, как она учит их писать и читать, эта страна займет первое место в мире в развитии техники, науки и искусства»* [5, с. 335] забываются в современной школе, так как рисование ведут в основном не специалисты или как дополнительный предмет, часто замещая его другим уроком.

Чем полезно рисование? Благодаря ему у наших детей развивается способность воспринимать вещи во всей их яркости и полноте. Благодаря

способам мышления и возможностям мозга, становятся доступны творческие решения, как на работе, так и дома. Рисование является приятным и полезным занятием. Ребенок будет чувствовать себя уверенно в этом сложном мире, принимая решения и решая проблемы.

Как сказал немецкий художник Альбрехт Дюрер, «тайное сокровище, скрытое в вашем сердце, через ваше творчество становится явным» [1, с. 23]. У тех, кто рисовал, жизнь становится более содержательной, потому что они видят лучше и видят больше. Польза от приобретения навыков рисования, на мой взгляд, такова: если научиться видеть глубоко и основательно, вырабатывается определенная уверенность в своих творческих способностях, будет приобретен опыт неопределимой важности для каждого человека. Рисование является приятным и полезным занятием. Рисование способствует развитию важнейших психических функций — зрение, двигательной координацией, речью и мышлением и связывает их между собой, помогает ребенку упорядочить бурно усваиваемые знания, формирует и фиксирует представление о мире. Рисование — это важнейший информационный и коммуникативный канал для детей. В процессе изобразительной деятельности создаются благоприятные условия для развития эстетического восприятия и эмоций, которые постепенно переходят в эстетические чувства, содействующие формированию эстетического отношения к действительности.

О том, что рисование важно для развития чувств, мышления и других полезных качеств личности, навыков и умений, писали многие педагоги прошлого: Фребель, Каменский и другие. Художники Древней Греции считали, например, что обучение рисованию не только необходимо для многих практических ремесел, но и важно для общего образования и воспитания.

Изобразительная деятельность имеет большое значение для всестороннего воспитания всех детей. Преподавать искусство детям необходимо потому, что оно — неотъемлемая составляющая нашей жизни. Сейчас многие взрослые относятся к визуальному искусству как к приятному времяпрепровождению и занимаются этим для удовольствия или для славы. Но изобразительное искусство сильно и глубоко влияет на нас. Искусство занимает значительное место в нашей жизни, с искусством мы не расстанемся — оно окружает нас всегда.

Детям нужно заниматься искусством, ведь это существенно важно для формирования сознания и развития интеллекта. Во время рисования идет сохранение и воспроизведение в сознании прежних впечатлений, опытов и той роли, которую играет в искусстве психика — работа «внутреннего человека» [4, с. 246].

Искусство — это первая письменность, более того первый язык. Творчество ребенка отражает то, как сознание постигает — «ощупывает» — мир: сначала возникает некое рассудочное представление о мире, а уже потом эти интеллектуальные построения облекаются в словесные формы. Мир осязается, пробуется на вкус, обзревается. Линии, цвет, рельеф поверхности- все это обнаруживается и становится открытием, выбираются графические символы для представления своих мыслей.

В творческих занятиях по рисованию дети приобретают умения и вырабатывают понятия, укрепляющие уверенность в себе и способность действовать в окружающей среде.

Искусство помогает расти:

Эмоционально. Творчество помогает детям развиваться эмоционально: занимаясь искусством, они обретают большую уверенность в себе и в своих силах. Обучает выражать свои чувства и мысли. Уход в творчество помогает детям справиться со стрессами.

Перцептуально. Искусство помогает вырабатывать мировосприятие: дети используют испытываемые чувства и ощущения для выстраивания понятий и представлений о природе вещей, действий и событий. Визуальная перцепция представляет собой познавательный процесс, придающий образам определенные значения и смысла. Навыки наблюдательного и зрительного восприятия улучшаются, по мере того как дети задействуют свои чувства для изучения орнамента, цветов, фактур и форм в процессе творчества. Дети, занимающиеся искусством замечают больше и лучше понимают увиденное, совершенствуют пространственное мышление.

Социально. Занятия искусством развивает у детей умение ориентироваться в обществе: дети учатся обращаться к тем, кто рядом. Дети легче учатся сотрудничеству и умению как сочувствовать, так и просто понимать других людей.

Физически. Искусство способствует физическому развитию детей, так как рисование и тому подобные занятия тренируют и совершенствуют умение управлять большими и малыми мышцами и перестраивать согласованность глаза и ладони.

Когнитивно. Искусство помогает развитию познавательных навыков уже потому, что по ходу творческих занятий предполагается пересчитывать, сортировать, классифицировать инструменты и материалы. Занятия искусством дают возможность в разработке планирования и выстраивания последовательности. Правильно выстроенные творческие занятия побуждают детей принимать

собственные решения и стремиться к достижению поставленной цели, согласуя свои действия со сделанным выбором.

Дети развиваются когнитивно посредством разработки системы графических символов для фиксации своих внутренних и внешних наблюдений.

Творчески. Дети могут реализовать собственные идеи и использовать свои силы и способности, иницируя изменения материалов, их сочетания.

Исходя из исследований познавательного процесса (когнитивности) Хауард Гарднер [3, с. 24] предложил модель семи разумных способностей — интеллектов. Эти интеллекты представляют собой биологический и психологический потенциал любого индивидуума. У каждого человека есть способности, отвечающие понятиям всех семи интеллектов, хотя некоторые интеллекты могут быть выражены сильнее. Гарднер назвал эти категории так:

1. Лингвистический (интеллект): способность оперировать речевыми символами.
2. Логико-математический: способность манипулировать числовыми последовательностями и концепциями.
3. Специальный (пространственный): способность визуализировать (представлять в уме) объекты в пространстве.
4. Музыкальный: способность манипулировать ритмом и звуком.
5. Телесно-кинестетический: способность пользоваться телом для разрешения затруднений или изготовления вещей.
6. Интерперсональный: способность понимать других и работать с ними.
7. Интроперсональный: способность понимать себя.

Гарднер полагает, что следует расширить основу педагогики, поскольку детское творчество позволяет задействовать все интеллекты.

Детское творчество не сводится к картинке на бумаге. Это «мультимедийный комплекс» [3, с. 74], сочетание многих носителей ради графической, вербальной и кинестетической связи с другими людьми. Внимание в этого рода коммуникации позволяет проникнуть в мыслительные процессы ребенка.

Творчество не только фиксирует выученное, но и обогащает саму учебу. Эдвардз, Зифелд и Гандини [3, с. 26] в статьях, написанных после наблюдений в классах Италии, доказывают, что сейчас определенно недооценивают детское рисование и стимулируемый этой деятельностью рост познавательной способности рисующих детей. Эти авторы выступают за более серьезное отношение к визуальным искусствам как способу самовыражения. Они предлагают включить

в расписание занятий на основе учебных тематических блоков. Это предложение известно как ДВАЕ-обучение искусству на основе учебного предмета. Национальная художественная педагогическая ассоциация включила в свои директивы рекомендации, предложения ДВАЕ и следующие критерии:

1. Детям нужны многообразные возможности для занятий искусством.

2. Детям необходим максимум возможностей созерцания и бесед об искусстве.

3. Детям следует научиться замечать искусство в повседневности.

Изобразительная деятельность должна быть использована для воспитания у детей любви ко всему лучшему, справедливому, для углубления тех благородных чувств, которые возникают у них.

В современных педагогических и психологических исследованиях доказывается значение занятий изобразительным творчеством для интеллектуального, художественного развития детей в любом возрасте.

Наблюдается противоречие между актуальностью значения изобразительной деятельности в общей системе развития личности и недостаточной готовностью педагогов к реализации её в педагогическом процессе.

Т.С. Комарова — заслуженный деятель науки РФ, известный учёный в области дошкольной педагогики. Её научные интересы преимущественно связаны с одним из важнейших аспектов дошкольного воспитания — эстетическим развитием детской личности.

По разработанной Т.С. Комаровой системе детей обучают изобразительной деятельности, развивают их творчество в дошкольных учреждениях России и странах СНГ. Система получила признание японских педагогов.

В настоящее время остро стоит проблема обеспечения дошкольных и учебных учреждений профессиональными педагогическими кадрами, способными решать учебно-воспитательные задачи [2, с. 2]. Сложность решения этой проблемы обусловлена следующими факторами. Повышение требований к педагогу, педагогу-воспитателю, работающему с ребёнком, со стороны родителей, органов управления образованием, общественности и низкая материальная и моральная оценка их труда — это те объективные факторы, которые делают задачу обеспечения образовательных учреждений педагогическими кадрами трудно-выполнимой. Объективные трудности, с которыми они сталкиваются в процессе работы с детьми, усугубляются отсутствием знаний, умений и навыков педагогической деятельности, что отрицательно сказывается

на развитии положительного отношения к деятельности и на формировании устойчивого профессионального интереса, а следовательно, не способствует творческой самореализации личности [2, с. 3].

Важная задача современного педагогического образования — формирование эстетической культуры специалиста, развитие способностей понимать и оценивать произведения искусства и эффективно руководить процессом эстетического воспитания детей. В основе приобщения личности к миру искусства лежит представление о художественной культуре как целостной системе, в которой органически взаимодействуют различные виды художественного творчества (Т.С. Комарова, Б.М. Неменский, Т.Я. Шпикалова, Т.И. Бакланова и др.). Полноценному эстетическому развитию способствует интеграция предметов эстетического цикла на основе учебных предметов и ведение данного предмета специалистом.

Список литературы:

1. Бергер Я. Дюрер. М.: Арт-Родник, 2008. — 96 с.
2. Комарова Т.С. Детское художественное творчество / Т.С. Комарова. М. Мозаика-Синтез, 2008, 2-е изд., испр. и доп. — 160 с.
3. Костер Дж.Б. Растим художников: преподавание искусства детям/Джоан Буза Костер. М.: АСТ: Астрель, 2006. — 436 с.
4. Макарова Е.Г. Преодолеть страх, или Искусствотерапия. М.: Школа-Пресс, 1996. — 304 с.: ил.
5. Семёнов А. Энциклопедия афоризмов и мыслей великих людей/ сост. А. Семёнов. М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2008. — 896 с.

СЕКЦИЯ 4.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

4.1. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНЕКДОТОВ

Аскерова Назира Иззатулла кызы
научный сотрудник, Нахичеванское Отделение
Национальной Академии Наук Азербайджана,
Республика Азербайджан, г. Нахчыван
E-mail: ismayilzulfiyev@yahoo.com

GENRE SPECIFICS OF ANECDOTES

Nazira Askerova
Section of National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Republic of Azerbaijan, Nakhchivan

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вызывающие смех особенности серьезных проблем в потоке общественных событий. Люди с помощью культуры смеха, чувства юмора в несколько гиперболизированной форме выражают недостатки общественной жизни. Таким образом, нравственная чистота, поучительная правда представлены в стиле тонкого юмора. Этот стиль, характерный для жанра анекдота, делает его еще более удобным для чтения.

ABSTRACT

The article deals with the specifics raising the laugh against the problems seeming seriously in the background of social events. People express the lacks of the society vividly by the feelings of cultural laugh, humor. Thus, spiritual pureness, instructive truth is furnished by lambent humor style. Being characteristic for the genre of anecdote this style makes it more readable.

Ключевые слова: анекдот; фольклор; сатира; образ; рассказ.

Keywords: anecdote; folklore; satire; image; story.

Кроме комических элементов, наблюдаемых в некоторых жанрах азербайджанской народной литературы, есть еще один жанр, события в котором структурированы на основе содержательного юмора [4, с. 289]. У образцов, созданных на основе народного юмора, есть собственная сущность. В результате исследований, проведенных в области истории культуры народного юмора, сделан вывод, что юмор каждого периода имел как «разрушающее», так и «созидающее» начало. Эта историческая закономерность более наглядно представлена в анекдотах, занимающих большое место в структуре народного творчества.

Жанр анекдота, занимающий одно из важных мест в фольклоре восточных народов, использовался и используется не только тюркскими, арабским, персидским народами и народами Средней Азии и Кавказа, но также и другими народами мира, хотя и в разной степени.

Известно, что в ходе отдельных процессов социального и культурного развития различные народы, наряду с героями сказок и легенд, создавали также обобщенные сатирические, анекдотические образы, которые получили впоследствии всемирную известность. Например: Эзоп, Иванушка-дурачок, Петрушка, Жан-дурак. «Это самые глубокие и яркие персонажи, тип героя, идеальный с художественной точки зрения, который побеждает все вражеские силы, всегда действует умнее и известен как тип, далекий от пессимизма» [7, с. 20].

На Востоке можно указать следующих героев анекдотов: Бахлул Даненде, Молла Насреддин, Джуха, Базарлы, Касым Свет, Мир Диванэ, Сержант Инджили, Мулла Муштуги, Камина и другие. В анекдотах восточных народов «разрушающий» и «созидающий» юмор давал людям возможность не только открывать антифеодальную правду, но и выявлять причины лицемерия средневекового мусульманского феодального общества. В средневековых анекдотах основными компонентами являются такие типичные формы, как «глупость», «дурачество» и «ородство». Как указывал Т.Фарзалиев, комики, сочетая в работе данные компоненты, являлись в действительности очень умными, интеллигентными людьми, которые открыто противостояли реакционным законам и правилам, моральным нормам, обычаям и традициям того времени [2, с. 5].

В большинстве анекдотов, созданных мастерами жанра, высмеивались высокомерные, безжалостные представители правящего класса. В этих анекдотах воплощено здоровое самосознание, мудрая натура народа, уделяется внимание событиям того периода. Султан

Махмуд, восхваляемый в дворцовой поэзии и литературных летописях, очень тонко разоблачается в анекдотах. Можно привести нижеследующий пример:

Однажды по случаю праздника Султан Махмуд приказал подарить всем придворным по халату. Придворному шуту он велит подарить вьючное седло. В праздничный день шут является на прием к султану, надев на себя это седло. Показав его надевшим халаты придворным, шут говорит:

— Эй, уважаемые господа, смотрите, как султан проявляет свою благосклонность ко мне. Вам он велел подарить халаты из казны. Мне же пожаловал халат со своего плеча [2, с. 15].

Или возьмем Джуху, популярного героя арабского фольклора. В его анекдотах также в основном подвергаются критике представители власти.

Образ Бахлула, одного из героев древнеарабского фольклора, также получил широкое распространение в устном творчестве многих народов. Как и Джуха, Бахлул считается современником Гаруна ар-Рашида. В Эот герой, по большей части представляющийся как юродивый, мужественно высказывал мысли, которые было невозможно и опасно иметь в его время.

Бахлул Данэндэ, будучи остроумным, рассудительным, мудрым, смешным героем анекдотов, прославился как искусный юморист не только в Азербайджане, но и на всем Ближнем Востоке. Анекдоты, связанные с его именем, приобрели уникальность и своеобразие, хотя они и сливались по временам с анекдотами других типов, не потеряли оригинальности, отличались и характером повествования, общественно-дидактической сутью и своеобразными признаками жанра. В таких анекдотах не наблюдается чисто юмористическо-поучительной тенденции или резкой сатиры и юмора. Напротив, Бахлул Данэндэ как искусный мастер слова таким образом обобщает известные факты и придает им глубокое социальное значение, что невозможно не восхититься мощным народным интеллектом [5, с. 304]. В одном из анекдотов этой серии говорится, как Бахлул, видя брата своего, халифа Гаруна-ар-Рашида, который сидел на троне во дворце и изо всех сил делал важный вид, сказал ему

— О, Господь, я должен тебе сказать что-то!

— Я не Бог, — отвечает ему Гарун-ар-Рашид.

— Если ты не Бог, то, значит архангел Гавриил!

— Нет, я не Гавриил!

— Что же ты тут корчишь из себя? Пойди, сядь среди людей, узнай, чем они живут-дышат [2, с. 29].

Мораль этого анекдота поучительна. Бахлул Данэнде не насмехается, он спокойно, в повествовательном стиле призывает халифа осознать горькую правду.

В средние века на Востоке, особенно во времена Гаруна-ар-Рашида, были и другие такие же остроумные, даже мудрые герои. Одним из них был арабский поэт Абу Нувас, живший около тысячи лет назад и считающийся также современником халифа Гаруна-ар-Рашида. Он, так же, как и другие, был храбрым и высказывал мысли, которые опасно было говорить вслух.

Последним популярным комическим героем фольклора в мусульманском мире средневекового Востока стал Насреддин. В то время как в арабско-персидских анекдотах отдельные шуты и паяцы выявляли и разоблачали деяния правителей и их отношение к народу, в азербайджанских анекдотах эта задача выпала на долю, прежде всего, мудрого Моллы Насреддина, образ которого — продукт коллективного творчества народа.

Так же, как в анекдотах тюркских народов и народов Центральной Азии, в азербайджанских анекдотах события наряду с другими историческими правителями сконцентрированы вокруг Эмира Тимура, одного из крупных феодальных властителей Средней Азии. Как и другие народы, азербайджанский народ долгое время мужественно и упорно боролся против правительства Тимура. Некоторые следы этой борьбы сохранились до наших дней в анекдотах. В данных анекдотах критикуется не только Тимур, так как не дана характеристика отдельной личности. В образе Тимура подвергаются критике отрицательные черты многих шахов и султанов — их самоуправство, жестокость отчетливо осуждаются, разоблачается абсолютистский стиль управления. В некоторых анекдотах высказываются такие разумные, демократичные мысли, что правитель должен быть прежде всего умным, знающим, справедливым, ненавидящим тиранию и бесчестность, опытным и мудрым человеком.

В анекдотах Моллы Насреддина затрагиваются, в том числе, вопросы образования и воспитания. С одной стороны, высмеиваются методы воспитания, предполагающие физическое наказание ребенка, с другой стороны, в «Проблемах закваски», автор становится серьезнее. Он говорит «Проблема не в том, что тесто замешивают, а в том, что его часто затаптывают» [1, с. 7]. Бесстрашный, остроумный, внимательный, осторожный и всегда готовый шутить Молла Насреддин является символом мудрости и здравого смысла не только в Азербайджане, но и везде на Востоке.

Как известно, анекдоты — это продукт этического, психологического, литературного, философского сознания каждого народа. По сравнению с другими жанрами там нет никаких ограничений в создании. Есть интересные образцы анекдотов, сохраняющие в духовной памяти характер каждого периода. Отношение народной мысли к существующему общественному строю, отрицание или подтверждение событий, происходивших в социуме, чаще находят свое художественное выражение в анекдотах, чем в других жанрах. Благодаря этой особенности, есть герои анекдота не только в разных регионах, а иногда даже и в каждой деревне. Во многих случаях анекдоты, созданные народными массами, рассказываются как бы от лица их авторов. В районах Азербайджана известны такие местные герои анекдотов, как дядя Хаджи [Шеки], мешади Аббас [Агдам], Таги в анекдотах Айрыма. Известны такие мастера юмора, как Гессабоглу — в области Алинджачай, Мирабдулла ага — в Нахчыване, Аббасгулу киши — в Шаруре.

В таких образцах, ставших известными в связи с именами различных личностей в отдельных регионах, отражается широкий спектр возможностей шуточных выражений, родившихся в сфере народного юмора. Жанр анекдота, созданный путем раскрытия смысла слова полушутя-полусерьезно, не обижая людей, является продуманным средством сохранения близких, родственных отношений между людьми, а также культурного самосознания народа. Они показывают, что исторические традиции государственности, существовавшие в Азербайджане, подготовили благоприятную почву для создания анекдотов, области Ширван, Шеки, Карабах, Нахчыван стали известны как родина смешных и содержательных анекдотов. Историчность анекдотов, созданных под определенными именами, носит в действительности условный характер. Анекдоты, отражающие разные исторические эпохи, занимают значительное место в памяти народа. Среди них выделяются образцы, созданные от имени Абдал Касыма. Процесс создания и распространения анекдотов Абдал Касыма продолжается и сегодня. Этот мастер анекдота был исторической личностью, он жил в Карабахе, что проявилось в том, как отражены в образцах, связанных с его именем, характерные для местной среды особенности образа жизни, события и факты [5, с. 31].

Анекдоты области Шеки, известные в связи с именем «дяди Хаджи», отражают национальные и локальные особенности региона, прославившегося как родина юмора. Распространенные здесь анекдоты также связаны с именами мастеров юмора, живших в различные эпохи.

Эти образцы характеризуются шутливостью, забавностью, наивностью и добротой.

Особое внимание мы уделили Нахчыванской АР, в некоторых деревнях которой имеются свои герои анекдотов. Это естественно. В зависимости от характерных особенностей каждой местности, в народной массе создавались интересные образцы жанра анекдота. Эти анекдоты разнообразны и богаты с точки зрения персонажей. Описанные в образцах персонажи представляют различные слои общества. В каждом анекдоте имеются два или три типичных образа. Один из них всегда положительный, а другой отрицательный.

Язык анекдотов образный. Это раскрывает посредством языка внутренний мир, психологию каждого типа персонажей [6, с. 120].

Сатира, юмор являются одними из ключевых особенностей массовых и местных анекдотов. Они связаны с пространством и временем. Народная сатира намного более связана с эпохой, пространством, то есть со временем и местом своего появления, чем все другие виды искусства [4, с. 148]. Как в массовых анекдотах, так и в местных их герои обычно считаются и их создателями. Местные анекдоты, а также их герои могут стать и общенациональными, то есть народными, массовыми. Такие примеры не могут оставаться адаптированными к условиям времени и места их создания. Если бы это было так, то эти анекдоты не смогли бы жить в веках и сохраниться до наших дней. Как массовые, так и местные анекдоты исторически становятся известными в связи с их персонажами, воплотившими в себе юмор народа.

Таким образом, можно сделать определенный вывод, что в отличие от массовых народных анекдотов многие местные анекдоты являются образцами, которые связаны с определенными личностями в различных местностях. Данные личности также являются и героями этих анекдотов. Местные анекдоты также носят поучительный характер. Нет такого анекдота, в котором бы не было этической, интеллектуальной или социальной «морали». С помощью анекдотов можно видеть, что народ всегда любил своих героев, которые проявляли себя в социальной жизни, в смешных, сложных событиях и поступках, как остроумные, сообразительные люди, способные посмеяться над собой и другими.

Список литературы:

1. Анекдоты Моллы Насреддина. Баку: Лидер, 2004, — 302 с.
2. Анекдоты народов Востока. Баку: Язычы, 1982, — 179 с.

3. Антология азербайджанского фольклора. Фольклор Нахчывана. Баку: Сабах, 1994, — 375 с.
4. Валиев В. Азербайджанский фольклор. Баку: Просвещение, 1985, — 413 с.
5. Набиев А. Азербайджанская народная литература. Часть II, Баку: Наука, 2006, — 647 с.
6. Фарзалиев Т. Азербайджанские народные анекдоты. Баку: Наука, 1977, — 120 с.
7. Фарзалиев Т. Народ, создающий анекдоты // Азербайджан, — 1965, — № 4, — с. 196—200.

4.2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

ЧЕСТНОСТЬ С СОБОЙ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА ВИННИЧЕНКО

Констанкевич Ирина Мирославовна

*докторант Восточноевропейского национального
университета имени Леси Украинки,*

Украина, г. Луцк

E-mail: filol_ul@mail.ru

BE HONEST WITH YOURSELF AND AUTOBIOGRAPHICAL WRITING IN PROSE OF VOLODYMYR VYNNYCHENKO

Iryna Konstankevych

doctoral Candidate

*of Lesya Ukrainka Eastern European National University,
Ukraine, Lutsk*

АННОТАЦИЯ

Объектом исследования в статье стал автобиографический дискурс прозы Винниченко в сопоставлении с дневником, определяются отношения правды и фикции, сквозные и повторяющиеся мотивы, сложные коллизии постижения новой морали, формирования нового человека. В контексте модернистских интенций анализируется беллетризация собственного жизненного опыта, переоценка ценностных иерархий.

ABSTRACT

In the article the subject of the study is the autobiographical discourse of prose of Volodymyr Vynnychenko in comparison with a diary; the relations of truth and fiction, transparent and repetitive motifs, complicated impacts of cognition of new morality, the formation of new person are described. In the context of modernistic intensions the beletryzacja of own life experience, overestimation of value hierarchies are analyzed.

Ключевые слова: автобиографический дискурс; честность с собой; дневник; повторяющиеся мотивы; правда и фикция

Keywords: autobiographical discourse; be honest with yourself; diary; repetitive motifs; truth and fiction

Автобиографический дискурс прозы Владимира Винниченко чрезвычайно интересен в контексте его многотомного дневника, который охватывает четыре десятилетия. К тому же речь идет не только о внимательных описаниях повседневности, но и о детальной фиксации хода своеобразного морального эксперимента над самим собой, исследовательской и опытной проверки теории честности с собой. Так что сознательно моделируются, выстраиваются те или иные ситуации, отношения, коллизии, чтобы выяснить жизнеспособность только сформулированных заповедей и законов. Причем подобное моделирование происходит не только в беллетристических сюжетах, но и в реальной жизни, в собственной биографии, о чем мы и узнаем из дневниковых заметок. Такие моральные эксперименты, авангардные жесты были, наконец, знаком того времени. Викторианские ценности теряли значение и авторитетность, а новая эпоха еще не могла сразу предложить новые этические кодексы и нормы. Владимир Винниченко всесторонне отразил момент перелома, ценностного хаоса, поисков нового. Даже прилагательное «новый» имел невероятную притягательность: новая мораль, новая женщина, новая семья, новая заповедь ...

Впрочем, психические мотивации и факторы, инстинктивные порывы и неосознанные желания плохо поддаются регламентации. И Винниченко-писатель часто заставляет уступить Винниченко-моралиста, большая витальная сила побеждает умозрительные концепции и предписания. Таких коллизий в прозе и драматургии этого автора очень много. Как отмечал академик Николай Жулинский, рассматривая роман «Записки Кирпатого Мефистофеля», «многое из того, чего требует или чего стремится избежать человек, находясь под недремлющим оком общественной морали, не поддается вербальной интерпретации, поскольку это «само-в-себе» является непрогнозируемым, неподвластным разуму, воле человека. Реальная жизнь разрушает то, что в теории возникало как идеальная схема, как своеобразная модель поведения и мышления. Стихия чувств, инстинктивных порывов, безумных страстей стремительно захватывает его героев и несет бурным течением нерегламентированной морально-этическими берегами произвольной реки жизни» [2, с. 9].

Требованием честности с собой Винниченко выверяет собственное поведение в сложной жизненной ситуации: «Цікаво, чи згодиться мені тепер моя філософія, чи допоможе вона мені справитися з тим болем, який маю й матиму ще від усього цього? Чи варта взагалі чого-небудь в таких випадках яка-будь філософія? Будь чесним з собою. Так я думаю. І коли ти сам перед собою почуваєш, що ти не зробив нічого гидкого, то май мужність перебороти біль і ясно дивитись в очі собі й іншим. І коли ти почуваєш, що ні розум твій, ні почування не протестують проти твоїх вчинків, то тримай спокійно і твердо голову, не допускай болю. Ніяка образа, ніяка лайка не повинна бути для тебе образою і лайкою. Це або непорозуміння, або злосність не за те, за що лають... Так, сказати й написати це легко, а як спинити і біль, і гіркість, і сором, і гнів? Значить, я сам чи почуваю, чи думаю, що не зовсім правий? Сам чую якусь вину за собою?» [1, с. 250].

Евгению Чикаленко, которого называл своим духовным отцом, Винниченко писал о неизменной установке придерживаться честности с собой прежде всего в своей жизни: «Не дивлячись на гвалт, глум, на поховальні статті і некрологи моїм «проповідям», я, хочачи бути чесним з собою, все-таки стараюся ці проповіді перш усього сам здійснити. Я хочу збудувати собі таку сім'ю, щоб вона відповідала своєму *природньому* призначенню, а не приписам моралі й законів. Я хочу, щоб вона давала і мені, і громадянству, в якому я живу, користь і благо. І поки що я особисто це маю» [7, с. 185].

Похожие коллизии обсуждают и обдумывают Мирон Купченко в «Честности з собою», Андрей Халепа в романе «Хочу», Яков Михайлюк в «Записках Кирпатого Мефістофеля», персонажи таких драм морального експеримента, как «Мemento», «Гріх», «Чорна пантера і Білий ведмідь».

Мария Зубрицкая обратила внимание, что названия таких Винниченковых драм, как «Гріх», «Брехня», «Закон», сигнализируют о сосредоточенности на моральных ценностях. «Поэтому нарушение героями Винниченко обязательных норм и правил — это не просто взрыв притлумлюваних емоцій, а прежде всего акт экспрессивного поведения» [6, с. 70]. К тому же понятие «греха», «лжи», «закона» здесь выступают своеобразными экспрессивными метафорами, насыщенные глубоким и парадоксальным содержанием. А в дневнике (при том, что дневниковые отрывки иногда просто переносятся в готовом виде в художественные тексты) создается индивидуально окрашенная поэтика автобиографизму, узнаваемые и часто повторяющиеся образы, символы, тропы, вплоть до графических изображений. В этой поэтике, следует подчеркнуть, важную роль

играет интертекстуальность, автор дневника охотно выверяет свои состояния и чувства через сопоставление с художественными образцами, с литературными пратекстами. Читательский опыт высказывают и его персонажи, цитируя, полемизируя т. п. Так, скажем, Кырпатый Мефистофель понимая, что, пытаясь убить собственного ребенка, он повторяет уже известный литературный сюжет: «У Мопассана в оповіданні це легше виходило... — кажу я з усміхом» [2, с. 210]. Владимир Винниченко очень хорошо осознает важность самоанализа и письма для того, чтобы человек познал самого себя и попыталась строить собственное счастье на каких-то устойчивых принципах. Поэтому дневник — один из важнейших (а в условиях эксперимента, когда Винниченко неоднократно хочет «взяться за себя», — просто незаменимых!) инструментов такого вот самопознания и самодисциплины: «Я повинен узятися за себе, повинен вибрати з себе найбільшу суму користи. Я рішив як не щодня, то якомога частіше, вести щоденник. Це сприяє самоаналізу й самоорганізації, примушує зупинятись над собою і перевіряти. Крім того, це є та увага, те зупинення над життям, якого так треба для щастя. Розум, здатний зупиняти себе й усю істоту над ментами життя, прислухатись до них, вслухуватись, освітлювати їх, як з ручного електричного ліхтаря, пучком світла, — такий розум є великий помічник щастя» [1, с. 118—119]. Примечательно, что счастье, по Винниченко, возможно лишь как искусство припоминания, отмеченные им умение остановиться над каким-то моментом, оживить его в воспоминании. Так что записи — это и есть коллекционирования моментов радости, моментов какого-то душевного подъема или медитативного сосредоточения. И наоборот, как сказано в записи от 15 ноября 1914 года, потерянные, забытые эпизоды обедняют человека, лишают его счастья.

От дневниковых заметок требуется последовательная, неуклонная искренность. Григорий Костюк отметил, ссылаясь на текст в «Записнику» № 12 за июль 1923 года, что раскритиковав дневники Л. Толстого и других авторов за слабость, непоследовательность, пугливость и застенчивость, следовательно, за неполную искренность, за нечестность с собой, В. Винниченко сам ответил на поставленный вопрос так: «Та чи інша мета може бути хоч частково досягнена з однією умовою: щирість записок. Найбільша, оголена, безоглядна, до найтемніших куточків правдивість, одвертість, об'єктивність. Без цієї умови ні інформація, ні навчання не можуть бути досягнені» [1, с. 23].

С таким пониманием процесса письма вполне закономерно, что Владимир Винниченко еще с двадцатых годов вынашивает идею

автобиографического романа. Этот замысел не осуществился полностью, хотя было, знаем, написано воспоминание об украинской революции. К тому же сопоставление дневниковых записей с беллетристическими романскими эпизодами позволяет точно узнать «одолженные» персонажам авторские чувства. (Винниченко еще и облегчает задачу исследователей и комментаторов, обозначая в дневнике, в который роман перенесен тот или иной кусок, записывая сюжеты, компонируя схемы, диалоги и т. д.).

Интерпретаторы прозы Винниченко уже не раз демонстрировали, как описанные в дневнике эпизоды личной жизни писатель передает своим героям. Современники в основном узнавали прототипов и нередко упрекали Винниченко за вынесение на публику слишком личных вещей. Несколько таких реплик записывает в дневнике Евгений Чикаленко. Он легко дешифрует реальное основание пьесы «Співочі товариства», указывая на сознательное стремление автора дать подсказки для узнавания: «Читая ее, я сейчас узнал целый ряд живых людей, как: В.М. Леонтович, д-р Юркевич, С.А. Ефремов, А.П. Косач, В.П. Степаненко, в них у всех есть присущие им черты или выражения, по которым можно узнать всех. Себя я не узнал, может, другие узнают меня» [7, с. 127]. Чикаленко предостерегает младшего приятеля от недостойного стремления «успеха скандала»: «А что касается изображенного в комедии Хаскеля, беспринципного карьериста жида-украинца, то мне до боли неловко было читать те сцены, в которых он выступает. Когда в других действующих лицах можно узнать то того, то другого из знакомых людей, то это еще не беда, потому что таких людей в нашем гражданстве много и можно подумать, что выставлены в комедии не фотографии живых персон, а типы. Что касается Хаскеля (персонаж пьесы — И. К.), то это нельзя сказать, так как между нами есть пока только один еврей. Я доказывал Винниченко, что если бы между нами было около несколько евреев, то тогда ничего нельзя иметь против того, чтобы он вставил в комедию жида — украинского в таком дрянном освещении, а когда между нами есть только один еврей, то выставлять его не годится, потому что это уже будет пасквиль» [7, с. 127]. Предостережения этического плана возникают у Чикаленко и по «Честності з собою»: «Прочитал я эту повесть. Действующие лица его все знакомые люди: герой — сам автор, затем фигурируют Н. Порш, С. Петлюра, Песчанский, Юркевичи, отец и сын, а женщин я не знаю, — и думаю, что это не живые люди, а выдуманные автором, потому что о таких я не читал и не слышал, хотя прожил уже полсотни лет. Господи! К чему может дописаться человек» [7, с. 150]. Чикаленко возмущает сосредоточенность Винниченко на вопросах пола

и секса. Писатель не избегает, а скорее стремится скандального успеха, и автобиографическое письмо подчинено этому стремлению; авторские оценки не просто острые, но часто саркастически уничтожающие.

Среди повторяющихся, сквозных мотивов — нежелательное отцовство, поиски возможностей овладеть сильными страстями, волевым усилием сделать независимым себя от диктата телесных потребностей (до способности вопреки «биологии» и медицине преодолеть или хотя затормозить смертельную болезнь) и неосознанных желаний, борьба с собственническим инстинктом в традиционном супружестве и проблемы новой семьи, основанной на абсолютном доверии. Скажем, дневниковый анализ кризиса в отношениях с Розалией Лифшиц, пережитый в 1914 году, отзывается, порой совершенно цитатно, в романе «Хочу». Упреки Розалии Яковлевне за неумение освободиться от страха перед общественным мнением, перед законами старой буржуазной, филистерской морали почти дословно повторяются во внутреннем монологе Андрея Халепы. В дневнике говорится о «темных струнах» души: «У тоні їхньому звучить одна риза Розі: її страх перед «славою». Страх, який вона ховає, з яким бореться і який усе таки в ній є. Думка про неї консьєржки, *femme de menage*, думка цілком сторонніх людей її непокоїть. Їй хочеться, щоб вони не знали, що вона M-lle, а не M-me. Вона ще не переборола, ще не випалила в собі того сорому. «Приличність» у ній ще сильна. Вона мене вчить, як тримати виделку, і я корюся їй, почувавши й трошки сорому за свою «некультурність», і сміючись з себе й з неї, і стискуючись трошки холодком тривоги за її «буржуазні» нахили» [1, с. 38]. Бореться с такими недостойними наклонностями и чувствами и автобиографический герой-нищееанец в романе «Хочу»: «Але в глибині душі десь і сором, і ніяковість були, почувалося це. А надто почувалося, коли думав про білизну. І це знов злостило: та чого та білизна, дурниця ж у порівнянні з головною дурістю і мерзотою, які він допустив, через що неодмінно завсігди дрібниця найбільше мучить? Що подумає собі служниця або Олена Андріївна про те, що в його нема білизни? Та хай собі думають, що хочуть. Час же вже покінчити нарешті з цим страхом перед опінією служниць, швейцарів, прохожих і взагалі сторонніх людей» [5, с. 193]. Речь идет о сложных коллизиях постижения новой морали, формирования нового человека, о беллетризации собственного жизненного опыта.

Неприкрытые совпадения давали также основания для, так сказать, обратной связи, когда друзья упрекали Владимира Винниченко за какие-то поступки на основании романских сюжетов. Так, после смерти трехмесячного сына и сама Люся Гольдмерштейн, отношения с которой

Винниченко сделал основой пьесы «Мemento», и кое-кто из окружения писателя говорили о его вине в случившемся, сопоставляя романские и жизненные эпизоды.

Кроме такого от почти фактографического, реалистического, по принципу зеркального отражения, переноса жизненных, биографических эпизодов в беллетристические тексты, есть и более сложные отношения «правды» и фикции. Среди наиболее интересных автобиографических текстов Владимира Винниченко — опубликованный в 1916 роман «Хочу». Известные с мемуаристики события здесь отображаются, преломляясь через несколько разнонаправленных зеркальных поверхностей, расположенных под различными углами и по-разному искривленных и отшлифованных. Понятие зеркала для анализа этого романа важно в нескольких аспектах. «Зеркало» — это, в частности, и название составленной Владимиром Панченко книги, где под одной обложкой помещены «Оргия» Леси Украинки и «Хочу» Владимира Винниченко. Исследователь раскрывает основания и ход полемики, своеобразными репликами которой были оба эти тексты. Речь идет о праве писателя «переходить» в другую литературу. Дискуссии вокруг этой проблемы, очевидно, бесконечные; все зависит от ситуации, социокультурных и биографических обстоятельств, моделей национально-культурной идентичности. Особенно травматическим такой переход становится, когда речь идет не просто о соседней, другой, а о литературе метрополии, литературе имперской. Тогда моральные проблемы обостряются, и обвинения в предательстве, отступничестве, ренегатстве могут многим показаться базовыми.

Биографически коллизия разворачивается в конце девятисотых годов, в самом начале нового века. В 1909 году Винниченко написал в письме Михаилу Коцюбинскому, что раз его «выталкивают» из родной литературы, то он станет российским автором. Винниченко публично указывают на недопустимость для украинского писателя появления первопечатных его произведений на русском языке. В открытом письме студенческая молодежь назвала его «русско-малорусским писателем» [1, с. 251]. Дневниковый комментарий горький и раздраженный: «...мене звать і зрадником, і руським письменником, і рабом, і ще яюсь. «Ший чоботи, а не давай нічого свого гнобителям»» [1, с. 250]. Заявления о намерении перейти в русскую литературу, потому что земляки его не понимают и не поддерживают, учащаются. Но в конце концов этот экстравагантный бунт ограничился лишь заявлениями. Леся Украинка косвенно ответила Владимиру Винниченко своей драмой «Оргия». Владимир Панченко прекрасно проанализировал междутекстовые и биографические

переключки, связанные с драмой «Оргия» и романом «Хочу». Леся Украинка написала в письме к матери, что не будет угрожать переходом в чужую литературу, и ответила посредством рыцарски безупречного певца Антея максималистской заповедью: художник остается до конца со своим поработанным народом или, соответственно библейской аллюзии, вешает арфу на иве, чтобы она не звучала для поработителей. Владимир Панченко говорит о диалоге двух текстов: «В центре Лесиной драматической поэмы — эллинский (читай: украинский) певец Антей, которому по-максималистски истолкованный национальный долг не позволяет перейти в чужую (римскую, читай: русскую) культуру. В центре же Винниченко романа — русский поэт Андрей Халепа, обрусевший украинец, в котором пробуждается национальное «Я», и, наконец, он возвращается в родную украинскую стихию» [5, с. 309].

Как это нередко случалось, умозрительная теория, абстрактный лозунг не выдерживают проверки реальной жизнью и конкретным поведением. С украинской литературой Владимир Винниченко не порывает, и роман «Хочу» воспринимается как объяснение, почему же такое отречение оказалось невозможным. К тому же автор высказал и свои претензии к российским издателям и критикам, отношения с которыми часто бывали конфликтными.

Сюжет выглядит так, что главный герой, ницшеанец и социалист, проходит путь, обратный тому, на который не решился все же автор романа. Украинец по происхождению, Андрей Халепа сформировался как человек русской культуры, русский поэт, полностью не осознавая своего украинства. Но и ему, несознательному перебежчику, брошено в лицо слово «ренегат». Стоило задуматься над своим положением, вспомнить слышанный с детства язык и виденные когда-то пейзажи, проникнуться музыкой украинского стиха, чтобы сразу оказалось, что есть мощный, неподконтрольный никаким теориям и волевым установкам фактор — голос крови, голос родной земли. Олицетворяется этот призыв услышанной песней: «Але Халепа слів уже не розбирає. Він тільки чує жаль, жагучу тугу, сум, образу. І він уже розуміє цю тугу й образу, розуміє не розумом, а болем в грудях, і йому радісно чути сей біль, він ріднить його з чимсь великим, давнім, забутим. «От він, голос крови», — думається йому з мимовільним дивуванням і навіть страхом, як перед чимсь незрозумілим, таємним» [5, с. 143]. И наконец Андрей чувствует себя блудным сыном, вернувшимся в родительский дом, который тем дороже, потому что он небогат и нероскошен, и пробуждается чувство сыновней вины за эту нищету. Мотивы «возрождения нации» в Винниченковых сочинениях, как беллетристических, так и публицистических, мемуарных, дневниковых,

разрабатываются многоаспектно. История Андрея Халепа — это история пробуждения национального сознания, изменения национально-культурной тождемости, разрушения колониального комплекса. Винниченко отмечает не только идеологические, культурные, но и психологические факторы этого процесса.

Многие писали о ницшеанском влиянии на мировоззрение и творчество Владимира Винниченко. Его герои откровенно декларируют желание стать по ту сторону добра и зла, называют себя, как Андрей Халепа, «последними людьми», ссылаясь именно на Фридриха Ницше: «Мені здається, що це через те, що я занадто навчився *розуміти*, що я цілковито переступив межу, яка поділяє добро від зла, бажане від небажаного» [5, с. 106]. Тамара Гундорова отмечала, что у Винниченко «честность с собой» связана с ницшеанской установкой на переоценку ценностей: «Другими словами, «честность с собой» открывает другой способ бытия. Такое бытие соотносится с ситуацией «переоценки всех ценностей» Ницше. Итак, в определенном смысле идея «честности с собой» является формулой нигилистической. Но одновременно она также конструктивный, смыслотворный принцип, который задает иную перспективу реальности. Так функционально «честность с собой» соотносится с идеей «воли к власти», которая у Ницше определяет ценностное пространство собственно человеческого бытия. Как указывает Винниченко, «честность с собой» была для него методом оценки жизненных явлений, принципом нравственности (доброй или злой), способом выявления активности человека по отношению к жизни» [4; с. 170].

«Честность с собой» означала перенос акцента на индивидуальный выбор, продиктованный конкретикой обстоятельств, того, что происходит здесь и сейчас, — а не на пассивное присоединение к заранее заданным конвенциям и авторитетным, освященным традицией ценностям иерархий. В этом смысле можно говорить о модернистских интенциях Винниченковой моральной теории, о лозунгах антитрадиционализма и индивидуализма. Но отказ от авторитетных матриц и законов угрожал хаосом, потерей контроля над событиями и процессами. В любом случае ответственность за выбор теперь не с кем разделить, и это затрудняет даже повседневные якобы ситуации, которые при других обстоятельствах выглядели бы простыми и безальтернативными. (Моральный выбор в условиях ценностной неопределенности оказывается таким тяжелым, что герои Винниченко даже решаются на самоубийство.) Вот и беллетристические сюжеты, и дневниковые записи, и публицистические обоснования временами производят впечатление

нарочитых и слишком претенциозных. Винниченко неоднократно просматривает, переосмысливает и проблематизирует основные моральные максимы. Нравственный закон теряет императивную могущество. Этому, разумеется, способствовал и само предреволюционное и революционное состояние общества, когда все «старое», общепринятое подвергалось сомнению, а нередко и обрекалось на уничтожение без учета последствий нигилистических решений и акций.

Список литературы:

1. Винниченко В. Дневник. Т. 1. 1911—1920. Эдмонтон-Нью-Йорк. Издание Канадского Института Украинских Студий и Комиссии УВАН в США для изучения и публикации наследия Владимира Винниченко. 1980. — 512 с.
2. Винниченко В. Записки Кирпатого Мефистофеля: роман / В.К. Винниченко; сост. И.А. Кошечая; предисл. Н.Г. Жулинского. Черкассы: Брама-Украина, 2005. — 264 с.
3. Винниченко В. Красота и сила. Повести и рассказы. К. Днепр. 1989. — 752 с.
4. Гундорова Т. Проявление слова. Дискурсия раннего украинского модернизма. Постмодернистская интерпретация. Львов. Летопись. 1997. — 297 с.
5. Зеркало: Драматическая поэма Леси Украинки «Оргия» и роман Владимира Винниченко «Хочу» / Составитель Владимир Панченко. К.: Факт, 2002. — 320 с. — (Лит. проект «Текст + контекст»).
6. Зубрицкая М. Этический парадокс дискурса любви в драматических произведениях Владимира Винниченко. Научные записки Национального университета «Киево-Могилянская Академия». К. — 1998. — Т. 4. — С. 70.
7. Чикаленко Е. Дневник. (1907—1917). К. Темпора. 2011. — 480 с.

**РОМАН ЛОРАНА ГОДЕ «ВРАТА АДА»:
ТЕКСТОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ АНТИЧНОГО МИФА**

Семенец Ольга Сергеевна

канд. филол. наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, РФ, Крым, г. Симферополь
E-mail: semenetsOS@yandex.ua

**THE NOVEL 'THE GATE OF HELL' BY LAURENT GAUDE:
NARRATIVE ACTUALIZATION OF ANTIQUE MYTH**

Olga Semenets

candidate of Science, candidate for a doctor's degree, the Department of Russian and Foreign Literature of Taurida National V.I. Vernadsky University, Russia, Crimea, Simferopol

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется коммуникативный акт античности и современности в произведении Л. Годе «Врата ада». В результате исследования делается вывод о частичной и точечной семантической экспликации мифологического материала Л. Годе-читателем, которой способствует его интертекстуальная компетенция. Интерпретационный выбор Л. Годе уже в авторском тексте-рецепции позволяет выявить мировоззренческие лакуны в сознании современного человека и проблемы, возникающие при их заполнении.

ABSTRACT

In the article we analyse a communication act between antiquity and modern age in the novel 'The Gate to Hell' by Laurent Gaude. Having accomplished the research we conclude that Gaude the reader has made a partial semantic explication of mythological matter encouraged by his intertextual competency. Gaude's interpretative choice in his narration-perception allows us to learn the worldview lacunes in the mind of a modern human and problems when trying to fill them.

Ключевые слова: Л. Годе; Франция; античный миф; актуализированное чтение; рецепция.

Keywords: Laurent Gaude; France; antique myth; perception; selective reading.

Характер переходности эпохи рубежа XX—XXI веков сказывается прежде всего на изменении образа мыслей человека, что моментально отображается в политологических, социологических, культурологических исследованиях. Не обходит анализ актуальных тенденций в общественной мысли и философию, а также ее прямую (сегодня) преемницу — литературу.

Тектонические движения в литературном процессе наметились уже в 70-х годах XX века, были замечены учеными и констатируются в настоящее время. Художественный текст все чаще становится продуктом, потребляемым читателем, будь то массовая или элитарная литература. Поэтому чрезвычайно актуальными становятся литературоведческие теории, уделяющие особое внимание роли читателя в создании художественного произведения (рецептивная эстетика В. Изера и Х. Яусса, рецептивная критика С. Фиша, текстовая актуализация У. Эко и И. Ситтона и другие). Коммуникативный акт между адресантом (автором) и адресатом (читателем) посредством сообщения (текста) и характер читательского отклика становится ещё более перспективным для анализа, если автор понимается как реципиент и интерпретатор художественного наследия предыдущих эпох, то есть когда речь идёт о диалоге культур в современном произведении.

На данном этапе развития литературы, когда «переосмыслиется фундамент культуры, когда нигилизм пытается оторвать человека от его естественной почвы» [5, с. 8—9], писатели активно возвращается к основе всех основ — античной литературе — в попытках на развалинах старого миропорядка выстроить новый. В этом культурном коммуникативном акте — древней и новой — и происходит формирование нового типа мышления, основанного на константах гармонии и порядка, и образа действий, учитывающего изменение, расширение «горизонта читательского ожидания» (Х. Яусс, В. Изер) или «перекодировку социокультурных кодов» (У. Эко). Таким образом реализовывается общественная функция литературы, которая состоит в том, что «литературный опыт читателя переходит в горизонт ожиданий его повседневной жизненной практики, изменяя при этом его понимание мира и тем самым воздействуя и на социальное поведение» [6, с. 78].

При детальном анализе синхронного среза современной французской литературы, выявляются те этико-эстетические зияния

в картине мира современного человека (писателя как читателя), которые в будущем предстоит заполнить. Следовательно, *актуальным и продуктивным* для исследования представляется анализ художественного произведения с точки зрения «интерпретационного выбора» (У. Эко) писателя как читателя, имеющего высокую «интертекстуальную компетенцию» (У. Эко), и «актуализированного чтения» (И. Ситтон) им ранее созданных тестов. Его произведение становится ответом или новым вопросом в коммуникативном акте с исходным (первичным) сообщением отдаленного во времени адресанта.

Предметом исследования в этой работе является реализация мифов о путешествиях в потусторонний мир (Геракл, Орфей, Тесей и Пирифей, Эней, Одиссей) в романе Лорана Годе «Врата ада» с точки зрения текстовой актуализации определенного мифологического материала. *Цель работы* — выявить причины такого интерпретационного выбора автора.

Рецепция античного наследия началась уже в самой античности. Поэты подражали более авторитетным представителям своего ремесла даже в пределах одного полиса, активная рецепция мифа происходила вплоть до появления натурфилософии, римская литературная традиция и вовсе формируется как продуктивная рецепция греческой литературы в социокультурном контексте общественного развития латинян. Мифологический текст (миф, отраженный в античном художественном тексте) дает богатый выбор сюжетов, образов, мотивов для всех последующих эпох, поскольку, следуя А.Ф. Лосеву, античный миф есть обобщение действительности, а любому существу как обобщающему в нем «так или иначе подчиняются все частные явления этой области действительности» [4, с. 10]. Мифологический тест настолько поликодирован, что любой читатель, обладающий собственным современным социокультурным комплексом кодов, при наложении или хотя бы частичном совпадении этих кодов может выступить активным реципиентом, творящим новый текст. Миф всегда найдет своего возможного читателя (адресата), и чем выше степень критической рецепции, другими словами, чем больше вопросов порождает исходное сообщение-текст, тем вероятнее создание нового текста.

Современный французский писатель и сценарист Л. Годе в своем романе «Врата ада» обращается к достаточно избитому сюжету — путешествия в потусторонний мир. Традиция литературной интерпретации целого сонма античных мифов началась уже в эпоху античности (эллинистически-римский период), подхватила Данте

и успешно реализуется в литературе XX (П. Эммануэль, Ж. Ануй, Т. Уильямс и другие) и начала XXI века (П. Клоссовский, Б. Вербер, П. Киньяр). Она имела свои особенности в зависимости от социокультурного контекста каждого писателя, его потребности актуализировать определённый «фрейм» (У. Эко), оставляя без внимания другие (то есть осуществлять «частичную семантическую экспликацию» (У. Эко)).

Действие романа «Врата ада» (2008) происходит на юге Италии, в Неаполе, параллельно в двух временных плоскостях (прошлое (1980 г.) и настоящее (2002 г.)). У молодой семейной пары Джулианы и Маттео в уличной перестрелке погибает сын Пиппо. Убитая горем жена просит мужа отомстить за смерть ребёнка или вернуть ей сына. Не решившись на кровную месть убийце, Маттео теряет жену и решает покончить с собой. Случайная встреча в баре с проституткой-трансувашистом Грейс, священником доном Мадзеротти и профессором-неудачником меняет его планы. У него возникает идея спуститься в подземное царство, чтобы в последний раз увидеть Пиппо и сказать ему «Прости». В сопровождении донна Мадзеротти Маттео спускается в Преисподнюю и похищает малыша. Сам же при этом вынужден остаться в Аиде. После возвращения Пиппо и донна Мадзеротти на этот свет в Неаполе начинается страшное землетрясение, унёсшее тысячи жизней. Ребёнок вырастает, мстит за свою смерть и собирается отправиться за отцом в подземное царство. Такова основная сюжетная линия произведения.

Рассмотрим теперь коммуникативный акт с точки зрения активной читательской рецепции Лораном Годе исходного сообщения-мифа. Античность в данном случае — это адресант, автор, обладатель первичного кода сообщения, сообщение — это текст, миф, реализованный во всем многообразии греческой и римской литературы, а Лоран Годе — адресат исходного сообщения, носитель вторичного кода, реципиент исходного текста, продуктом активной рецепции которого и явился новый текст, роман «Врата Ада».

В горизонт читательского ожидания, сформированного социокультурным контекстом и опирающегося на определенные идеологические пристрастия, входит целый ряд вопросов, касающихся природы смерти, страха перед ней, поиска новых ценностных ориентиров в ситуации кризиса христианства и стремительного прогресса научно-технических достижений. Писатель обладает внушительной «интертекстуальной энциклопедией» (У. Эко) знаний, которая не была изначально предусмотрена адресантом сообщения (обратное часто наблюдается в современных текстах). Он прочитывает

античные мифы о нисхождении в загробный мир в надежде удовлетворить горизонт своих читательских ожиданий, что обычно происходит при полном совпадении применяемых адресантом и используемых адресатом для дешифровки кодов. Одиссей и Эней спускаются в царство Аида, чтобы получить там определенную информацию, и беспрепятственно возвращаются назад. Тесей и Пирифий, желая похитить Персефону у владыки мира мертвых, вступают в опасные игры со смертью и расплачиваются за это жизнью. Орфей, который не может смириться с внезапной потерей любимой, отправляется в преисподнюю, чтоб ее выпросить у богов (и ему это удастся), но по своей вине вновь теряет Эвридику. Геракл — единственный, кому удалось вернуть с того света сразу троих людей (Тесея, Пирифия и Алкесту) — изначально преследует совершенно другие цели (забрать оттуда адского пса Цербера) [3]. Ни один из этих мифов полностью не оправдывает ожидания Годе-читателя. Социокультурные коды адресанта и адресата начинают резонировать. Заданная адресантом presupposition о возможности путешествия живых в иной мир входит в горизонт чаяний адресата, но то, что все они надеются на благосклонность Аида в решении их проблемы, то есть полагаются на волю богов является чужим и непонятным кодом. Изначальное сообщение было предназначено совершенно другому читателю, то есть имело иную «модель возможного читателя» (У. Эко), который находился в одном социокультурном контексте с адресантом. Активная рецепция заставляет адресата проявлять «встречные инициативы» (У. Эко) при прочтении исходного сообщения и уже в своем тексте предлагать собственные гипотезы» разрешения конфликта. В век техноцентризма, когда человек полностью зависим от машин и опасается, что именно они станут причиной его конца, он отчаянно бредит возвращением к антропоцентризму, где он сам вершитель своей судьбы и может все. Таким образом, в тексте Л. Годе вскрывается одна из главных лакун в картине мира современного человека — поиски своего места в мироздании и попытки вернуть себе контроль. Именно поэтому в интерпретации Л. Годе Маттео не уповает ни на чье разрешение, а сам решает, идет и забирает сына из мира мёртвых: «Я хотел умереть вместо Пиппо. Я умру сегодня» [1, с. 198].

Следующий фрейм, побуждающий Годе-читателя к активной рецепции, состоит в том, что никому не удастся в мире мертвых достигнуть своей изначальной цели — забрать преждевременно ушедших из лап Аида. В горизонте читательского ожидания Л. Годе такой исход невозможен, поскольку он (Годе) уже сделал «собственные предположительные гипотезы» (У. Эко), согласно

которым финал должен быть положительным («Он все же одержал победу» [1, с. 200]) и герой должен выполнить миссию. Сегодня, в эпоху все-продаваемости-и-все-покупаемости человек отчаянно нуждается в героях, способных на жертвенные поступки. Поэтому в его интерпретации мифологического сюжета Маттео-Орфею удаётся вернуть к жизни Пиппо-Эвридику (возьмём этот миф в качестве исходного по причине наибольшей близости первичного (адресанта) и вторичного (реципиента) кодов). Таким образом, реципиент использует весь арсенал античных тестов на мифологическую тематику, совершая точечную, частичную экспликацию различных мифов о нисхождении в потусторонний мир. Из мифа об Орфее и Эвридике и Тесее с Пирифем он берет исходный, побудительный мотив, из подвига Геракла — удачное вызволение последних их царства Аида. Из мифов о Тантале, Сизифе, Титие, Орфее и других — обязательные наказания за опасные игры со смертью.

Уже в процессе эволюции мифологического сознания древности происходило постоянное столкновение старых и новых мировоззренческих моделей (при переходе от теоцентризма к антропоцентризму героя, посмеявшегося тягаться с богом, всегда ждало наказание). Так и Годачитатель, дав волю воображению и «вернув» Пиппо с того света, до конца не смог избавиться от морально этических предрассудков (прежде всего христианских, но и архаических). За воскрешение Пиппо, за дерзость простого человека и сам Маттео (не смог выбраться из преисподней), и все население Южной Италии понесло наказание («...погибло 3 тысячи человек, столько же было покалечено, осталось без крова 200 тысяч человек» [1, с. 107]). Пиппо, повзрослев и вспоминая о той трагедии, которая ознаменовала день его второго рождения, вынужден был нести этот груз: «... смерть решила отомстить за оскорбление. И в тот день она дала волю своей ярости» [1, с. 107]; «Я знаю, что это случилось из-за меня. Смерть не стерпела обиду и покарала людей, посмеявшихся бросить ей вызов. Она не осталась в долгу» [1, с. 108]; «Во мне пыль мертвецов» [1, с. 109]. Это роднит историю Пиппо и Маттео с мифом о Деметре и Персефоне. Те же родственные связи, нарушение равновесия и границ между мирами (живая Персефона похищена в царство мертвых), наказание человечеству за это (Деметра так тосковала по дочери, что земля перестала давать урожай и люди умирали тысячами). Возможно, из этого мифа тоже была взята частичная семантическая экспликация.

Таким образом, анализ коммуникативного акта античности и современности подтвердил, что литература не является бегством

от действительности или ее подменой, даже в случае искусственных повествований. Это всегда реакция на действительность и ее интерпретация. Д. Веллерсхоф, один из ведущих немецких писателей современности, говорит о том, что «сегодня литература устремлена к тому, что лежит за пределами знакомого, познанного, и поэтому не может больше руководствоваться так называемой вечной универсальной нормой» [2, с. 39—40]. Развивая эту мысль, немецкий литературовед и теоретик рецептивной эстетики В. Изер называет литературу «наследницей мифа, чья основная функция состояла в смягчении первобытного ужаса с помощью образов» [2, с. 43].

Следовательно, литература указывает нам на зияния в нашей картине мира, на пропасть между доступным и недоступным — тем, что осталось за бортом социальных и философских систем постижения мира. Анализируя художественную литературу современности в ее синхронии, систематизируя ее главные темы, мотивы и образы, мы тем самым очерчиваем круг основных страхов, с которыми на данный момент борется человек, и пути их преодоления, которые подвластны пока лишь воображению.

Список литературы:

1. Года Л. Врата Ада: Роман / Лоран Года / Пер. с фр. Е.Д. Мурашкинцевой. М.: Астрель: АСТ; Владимир: ВКТ, 2010. — 250, [6] с.
2. Изер В. Изменение функций литературы / Вольфганг Изер // Современная литературная теория. Антология / Сост., пер., прим. И.В. Кабановой. М.: Флинта: Наука, 2004. — С. 22—45.
3. Кун Н.А. Мифы и легенды Древней Греции / Н.А. Кун. М.: АСТ, 2006. — 464 с.
4. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии / А.Ф. Лосев. М.: Гос. уч.-пед. изд. Министерства просвещения РСФСР, 1957. — 617 с.
5. Тахо-Годи А.А. А.Ф. Лосев: Жизнь и творчество / А.А. Тахо-Годи // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. — 525 с. — (Мыслители XX века). — С. 5—20.
6. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Эко Умберто; Пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. СПб.: «Симпозиум», 2005. — 502 с.
7. Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения / Ханс Роберт Яусс; Пер. с нем. и предисл. Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. — 1995. — № 12. — С. 34—84.

4.3. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

ЭВОЛЮЦИЯ СИМВОЛЬНОГО РЯДА В ПРОЗЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА

Кошелева Ирина Николаевна

канд. филол. наук, доцент

Алтайской государственной академии образования,

РФ, г. Бийск

E-mail: filum12378@yandex.ru

Хвостова Анастасия Витальевна

магистрант

Алтайской государственной академии образования,

РФ, г. Бийск

THE EVOLUTION OF THE CHARACTER NUMBER IN B.K. ZAYTSEV'S PROSE.

Irina Kosheleva

candidate of Philology, associate Professor of the Department of literature,

Shukshin Altai state Academy of Education,

Russia, Bijsk

Anastasia Khvostova

undergraduate, Shukshin Altai state Academy of Education,

Russia, Bijsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу символических рядов в прозе Б.К. Зайцева. В основе исследования лежит попытка определить принципы раскрытия семантики образов-символов в пространстве произведений и особенности моделирования художественного мира на разных этапах творчества писателя.

Анализ символических рядов позволил выделить различные типы моделирования мира в произведениях Б.К. Зайцева и говорить о трансформации картины мира писателя и его концепции человека-в-мире.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of character numbers in B.K. Zaytsev's prose. The study is based on an attempt to define the principles of reveal of semantics of images-symbols in the space of works and special features of modeling of art world at different stages of the writer's creativity.

Analysis of the character numbers allowed us to identify the different types of modeling of the world in B.K. Zaytsev's works and talk about the transformation of the writer's worldview and his conception of the man-in-world.

Ключевые слова: символ; символичный ряд; мифологический план символа; христианские и пантеистические символы; модель мира; картина мира; человек-в-мире.

Keywords: symbol; the character number; mythological plan of symbol; Christian and pantheistic symbols; a model of the world; worldview; man-in-the-world.

Серебряный век и литература русского зарубежья продолжают привлекать пристальное внимание исследователей; связано это с попытками обобщить, структурировать уже имеющиеся интерпретации, осмыслить глубинные процессы эпохи, о представителях которой выносилось много разнородных, часто противоречивых суждений.

В основе статьи лежит попытка определить символичные ряды и их роль в моделировании мира художественных произведений Б. Зайцева, а так же процесс эволюции образов-символов на разных этапах творчества писателя.

При анализе эволюции символического ряда должна быть учтена его структура: концептуальный уровень — его семантические значения; внутренний уровень — предметный образ; внешний уровень — слово (вербальная основа).

Принимая во внимание все уровни символа, можно говорить не только о символических предпочтениях Б. Зайцева, но и о приемах символизации и принципах моделирования мира его произведений. Важным при раскрытии семантических значений символа является анализ его места в композиции произведения, пространственно-временной организации, субъект-объектной организации, языковой структуры произведения. Символы, без сомнения, связаны с концептами эпохи. Взятые вне пространства эпохи, породившей их новые качества, символы оказываются лишенным полноты, которую

они обретают в конкретном произведении. Экзистенциальный опыт писателя становится отправной точкой в познании процесса эволюции символа в его творчестве, при котором актуализируются: во-первых, мифический и мифологический планы символа, во-вторых, особенности эпохи и личности, раскрывающей его новые грани.

Эпоху Серебряного века, в русле которой формировалась мировоззренческая позиция и творческая индивидуальность Б.К. Зайцева, определили такие концепты, как Любовь, София, Мировая душа, Красота, Добро и Зло, а социальная сфера и внеличностное начало составили ее доминанту. Мыслителей рубежа XIX—XX веков объединяет стремление к утверждению соборности и национальных идеалов. В статье «Соловьев нашей юности» Б.К. Зайцев писал о влиянии философии Вл. Соловьева на образ мысли, выраженный в его раннем творчестве. В прозе Б. Зайцева ярко отразилась идея о всеединстве мира, бога и человека, связанных между собой мировой душой — Софией. Достичь такого уровня общности, по Вл. Соловьеву, можно только через концепцию богочеловечества, то есть одухотворение человека.

Анализ символических рядов, принципов раскрытия их семантики в пространстве произведения позволил выделить три типа моделирования мира в произведениях Б. Зайцева: 1) модель, гармонично сочетающая элементы различных культурных парадигм; 2) модель, в которой преобладают идеи пантеизма и сопутствующие им символы; 3) модель мира, в которой доминантными становятся символы, раскрывающие православную культуру.

Модель первого типа строится на согласованном сосуществовании христианского (православного) и языческого (пантеистического) начал бытия. Такая модель мира воплощена в ранних рассказах Б. Зайцева, среди которых «Священник Кронид» (1905), «Черные ветры» (1906). Оба рассказа содержат сходные символические ряды с равным соотношением специфически христианских (церковь / часовня, трубы, крест, иконы, кадильница, матушка / лик Богородицы) и языческих символов (солнце, земля, ветер, гром, молнии, дождь, радуга, заяц / вороны, жертвенники), а также образы-символы актуальные как для христианского, так и для языческого культов (яйцо, дерево, пастух, небо, рыба). При этом семантические значения образов-символов «Священника Кронид» и «Черных ветров» имеют различные векторы раскрытия: в одном случае перед нами стабильное, слаженно организованное бытие, в другом — дисгармоничный, потерявший основу мир.

В названии рассказа «Священник Кронид» присутствует указание на внутреннюю суть главного героя: «Мужики его уважают и зовут

Кроном; а он исправно ходит на службу, возвращается домой, венчает, хоронит, звонит в колокола... , и куда-то ведет за собой приход» [1, с. 48]. Герой Зайцева изображен частью культурного и духовного универсума, его имя указывает на разнообразные культурные модели и сопутствующие им образы-символы: языческую модель мира, выраженную в древнегреческой мифологии, где одновременно бытовали мифы о Кроносе — боге времени и Кроне — титане, который позднее был трансформирован в Хроноса (имя Крон → Кронид); христианскую модель, актуализированную через связь с именами христианских святых: святого мученика Кронида, жившего в III веке н. э., преподобномученика Кронида (Любисого), жившего на рубеже XIX—XX веков).

При этом архетипические мифологемы, связанные с богом времени Кроном инверсируются. Священник желает передать свое ремесло сыновьям, как ему его передал отец, а отцу дед. В потомках он видит не угрозу своей власти, а поддержку, надежду на то, что его дело и дело его пращуров будет продолжено сыновьями.

В образах сыновей священника, через мотив служения, сливаются семантические значения культурных моделей языческого и христианского миров. Пять сыновей-семинаристов Кронида описываются как «хорошие дубы», «молодая армия», «пятеро начинающих басков; в церкви они хорошо пели и давали ноту силы службе» [1, с. 48]. В контексте произведения образ дуба воплощает такие значения, как: 1) прочность, сила, твердость и указывает на культ друидов, для которых дуб — атрибут их верховного божества; 2) бессмертие, связывающее все стадии существования (рождение, рост, увядание, смерть и воскрешение), а также выраженное в преемственности и связи человеческого рода.

Связь культурных парадигм язычества и православия актуализируется через образ-символ пастуха. Пастушество в произведении, с одной стороны, связано с описанием Дня Егория, скотоводческого праздника, обрядовые действия которого были направлены на защиту скота. С другой стороны, День Егория совпадает с днем памяти Святого Георгия Победоносца, избавителя людей от змеев, что актуализирует дополнительные смысловые значения образа пастуха. Два праздника, христианский и языческий, сливаются в один, также как в образе пастуха интегрируются два религиозных культа. Очевидно, что образ главного героя, «пастыря доброго» и священнослужителя, который «куда-то ведет за собой приход», связан с образом Христа, поскольку основной мотив, связывающий все грани образа — мотив защиты и покровительства [1, с. 48].

Закрепленные в христианстве, новые значения архетипических символов даны в описании пасхальной ночи. Воскресение Христа

символизирует свет истинной веры, который рассеивает тьму. Описание церкви созвучно образу Иисуса Христа: «в очень черной ночи церковь видна далеко; слишком светлы окна», «светлая волна опоясывает во мраке церковь» [1, с. 49]. Свет пасхальных свечей символизируют свет Христа и явленный материализованный образ молитвы: «перед иконами блестят целые пуки» [1, с. 49]. Образы прихожан сравнимы с образами свечей: воск: «капает, и пот стекает по мужицким лицам» [1, с. 50]. Жизнь паствы, в которой «горит» свет христианской веры символически соотносится с пасхальной свечой, несущей в себе свет Христа и медленно таящей, как жизнь человека. Над прихожанами, идущими в церковь на служение, сияют звезды: они «встают от горизонта, заполняют тьму над головой» и символизируют божественное величие и духовную силу, выступившую против сил тьмы [1, с. 50].

В рассказе «Черные ветры», при сохранении символьного ряда и равного соотношения структурных элементов языческого и христианского миров, передано качественно иное состояние мира и человека-в-мире: перед нами не идиллическое пространство, хранимое священником Кронидом, а пространство города, заполненного ордой «скифских зверей», «черным потоком» его обитателей, в котором «все сливается в одних злобных, земляных духов», а «гигантская масса воет, бьет, бросает» [2, с. 89]. Если идиллическая цельность священника Кронида представляет собой ответственность перед самой жизнью, когда герой органически сопричастен бытию как целому, то в «Черных ветрах» попы призывают: «Изводите их, православные, где можете!» [2, с. 91]. Православный люд, «темный народ», священнослужители погружаются в пучину хаоса. Христианское и языческое «Черных ветров» существуют в надломленном, гибельном мире, окутанном мраком: «сумрак все ниже; он дает хлопающую пелену; в ней едва желтеют фонари в слезах дождя» [2, с. 92]. Природа отражает расколотое пространство обитателей города, тугие мысли которых «тихо движутся под бычьими черепами» и пространство духа: слезы дождя сливаются со слезами Богородицы [2, с. 91].

Таким образом, идея неразрывной связи человека, природы и Бытия, воспринятая писателем у Вл. Соловьева, нашла выражение в раннем творчестве Б. Зайцева: идея всеединства «живет» в картине мира «Священника Кронида» и, вне всякого сомнения, имеет отношение к проблематике «Черных ветров».

Модель второго типа положена в основу рассказа «Земная печаль» (1915). Для нее характерно преобладание пантеизма. Зайцев изображает картину постепенного разрушения усадьбы и исчезновение

скита: «Ничего не осталось от этого скита; верно, лишь ручей все тот же» [2, с. 293]. Творения рук человеческих исчезают вместе с людьми, неизменной остается природа, как «вечный, таинственный круговорот вселенной» [2, с. 293]. Мысль о конечности человеческой жизни воплощает скифский курган, с которого «видны горизонты всех стран света, и вольно ходят здесь ветры севера, юга, востока и запада. Это древнейший пункт нашей земли» [2, с. 293]. Все, что остается от человека — воспоминания: «легкий ветер временами, тоже как бы с улыбкой, играет всем этим, завоевая бывшее легендой» [2, с. 296]. Мотив опустошения земли, с которой исчезает человек, мотив отчаяния проходит через «Земную печаль» Б. Зайцева.

К. Исупов в статье «Русский эрос, или философия любви к России» писал: «... На заре нового столетия оказалось невысказанным, оставаясь личностью, не поставив философский вопрос об антологических границах человеческого мира» [4, с. 150]. Б. Зайцев в своем творчестве поставил вопрос о нравственном выходе из противостояния бессмертного духа и смертной плоти. Важным для решения вопроса становится путь, проложенный через образы-символы ручья, скифского кургана, разрушенного скита, сада, японской травы, засеваемой по-у-дзы, летописца и слова. Образ-символ сада предстает в «Земной печали» в трех ипостасях: 1) яблочный сад, к которому можно вновь подняться, пройдя лугом. Он может быть рассмотрен как воспоминание о райском саде; 2) образ садов, среди которых блаженствуют крошечные люди; 3) образ колоссальных фруктовых садов, которые мечтают разводить толпы чудаков, именуемых русскими помещиками [2, с. 296]. Размышления Б. Зайцева на пути создания и прохождения через образы-символы созвучны концепции П.А. Флоренского, выраженной в книге «Столп и уважение истины. Опыт православной традиции» (1914) и впоследствии окончательно оформленной в систему «конкретной метафизики», где он выстраивает картину бытия, анализирует структуру мироздания, а также определяет символы горнего мира. П.А. Флоренский в одном из писем к В.И. Вернадскому очень лаконично и емко выразил представления о картине мира через идею о пневмосфере Земли «вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа. Несводимость этого круговорота к общему круговороту жизни едва ли может подлежать сомнению» [6, с. 165].

Модель третьего типа относится к эмигрантскому творчеству Б. Зайцева. Начало этого периода стало для писателя временем поиска носителей идеалов, когда он обратился к образам православных священнослужителей: образу Сергия Радонежского и Авраамия.

В связи с этим не случайно обращение к жанру жития, его структурным особенностям при создании целого ряда произведений, среди которых повесть «Преподобный Сергей Радонежский» (1924) и рассказ «Сердце Авраамия» (1934).

В основе пространства произведений лежит христианское понимание миропорядка. В центре повествования конкретный духовный подвиг длиною в одну человеческую жизнь, имеющий начало (рождение) и конец (смерть).

В «Преподобном Сергии Радонежском» создается вековой, непоколебимый в духовной высоте лик России. В основе модели данного типа описание становления идеального духовно-нравственного человека. Создавая характер Сергия Радонежского, Б. Зайцев наполняет пространство святого теми образами-символами, которые сопутствовали духовному пути святого: образами-символами Пресвятой Троицы, пустыни Радонежа, Маковицы, молитвы Моисея, святой воды, креста, великого пламени и других образов-символов, ведущих к утверждению идеи Троиинства.

Созидательная сила героя утверждается автором в финале произведения: «Если считать — а это очень приятно, — что «русское» гримаса, истерия и юродство, «достоевщина», то Сергей — явное опровержение в народе, якобы лишь призванном к «ниспровержению» и разинской разнузданности, к моральному кликушеству и эпилепсии, Сергей как раз пример, любимейший самим народом, — ясности, света прозрачного и ровного» [3, с. 65].

В центре рассказа «Сердце Авраамия» ученик Сергия Радонежского — Авраамий Чухломской и процесс его перерождения из человека с «волосатым сердцем», в котором преобладает темная языческая сила, в проповедника, готового нести свет истинной веры [3, с. 89].

С первых строк рассказа Авраамий — обычный человек, погруженный в мирские заботы и грешные мысли. Б. Зайцев намерено опрощает образ святого угодника, вплетая в ткань литературного апокрифа элементы, характерные для литературных (жития, повести) и фольклорных (сказки) жанров. Емкий образ-символ его волосатого сердца продолжает миф, ранее созданный творческим сознанием А.И. Куприна в повести «Суламифь» и раскрывает изначальную темную природу Авраамия, вступившего на путь духовно-нравственного перерождения. В повести А. Куприна сердце, обросшее шерстью, принадлежит Захарии, который является, наряду со своим младшим братом Ахиором, участником спора за наследство отца. Братья должны по приказу царя Соломона выстрелить из лука в тело

своего умершего отца. Захария точно исполняет приказ Соломона, в отличие от Ахиора, и Соломон разрешает спор братьев о наследстве в пользу младшего брата, приглашая Захарию стать одним из своих охранников: «Мне нужны такие сильные и жадные люди, с меткой рукой, верным взглядом и с сердцем, обросшим шерстью» [5, с. 148].

Духовно-нравственное перерождение Авраамия, человека с волосатым сердцем, начинается с момента смерти его жены, когда он чувствует перед ней вину и желает ее искупить служением Богу. Ступив на путь подчинения низменного духовному, Авраамий, по словам старца (великого русского святого Преподобного Сергия Радонежского), должен «перемолоть сердце» в странствиях по земле и только после станет ему доступна роль проводника воли Богоматери [3, с. 91]. Б. Зайцев создает атмосферу напряженной внутренней жизни человека, жаждущего обрести новое просветленное сердце, освобожденное от власти гнева и недовольства. Ключевое событие пути Авраамия воплощено в форме ритуала инициации, когда герой должен в ходе испытания обрести новые качества. Проводником к обретению духовного просветления становится сказочный помощник — зайчик, который указывает путь к иконе, с момента обретения которой заканчивается мирское странничество Авраамия и начинается его духовное обновление.

Соотношение христианского и языческого начал претерпевает в творчестве Б. Зайцева изменения: согласованное сосуществование культурных парадигм в раннем творчестве писателя трансформируется сначала в пантеизм, а позднее в преобладание православного кода в картине мира. В основе модели мира и человека-в-мире, воплощенных в произведениях, лежит принцип эволюции, структура образа-символа (символьного ряда) становится подвижной, создаются условия для семантического преобразования составляющих моделируемого бытия.

Таким образом, в творческой эволюции Б. Зайцева прослеживается путь осмысления глубинных основ православного бытия: в ранних произведениях заметны следы влияния на мировоззрение писателя философии Вл. Соловьева, обнаруживается сближение с идеями П.А. Флоренского; через обращение к агиографии Б. Зайцев двигался в направлении раскрытия национальной православной мысли.

Список литературы:

1. Зайцев Б.К. Осенний свет: Повести, рассказы. М.: Советский писатель, 1990. — 544 с.
2. Зайцев Б.К. Сочинения в трех томах. Т. 1. М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. — 527 с.

3. Зайцев Б.К. Сочинения в трех томах. Т. 2. М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. — 588 с.
4. Исупов К.Г. Русский Эрос, или Философия любви в России // Вопросы философии. — 1992. — № 12. — С. 150—153.
5. Куприн А.И. Гранатовый браслет: Повести, рассказы. СПб.: Азбука-классика, 2002. — 320 с.
6. П.А. Флоренский-В.И. Вернадскому // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. — С. 162—165.

Научное издание

**«В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ»**

Сборник статей по материалам
XXXVII международной научно-практической конференции

№ 6 (37)

Июнь 2014 г.

Подписано в печать 25.06.14. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,75. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3